

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 31

Нижний Новгород

2015

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВПО «НГЛУ»*

УДК 81'1:008+82(091)+378.14+1(091)

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 31. – Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2015. – 247 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Б.А. Жигалев

Редакционная коллегия:

Е.С. Гриценко (*зам. главного редактора*), Е.В. Плисов (*отв. секретарь*), М.К. Бронич, В.М. Бухаров, М.А. Викулина, М.А. Грачев, Е.Н. Дмитриева, В.Г. Зусман, В.И. Карасик (Волгоград), З.И. Кирнозе, Л.П. Крысин (Москва), Е.В. Курбакова, М.М. Лебедева (Москва), Л.А. Львов, М.И. Никола (Москва), О.Г. Оберемко, Е.Р. Поршнева, Е.П. Савруцкая, Т.Н. Синеокова, В.В. Сдобников, О.Н. Сенюткина, В.М. Строгоцкий, А.А. Сергунин (Санкт-Петербург), С.В. Устинкин, А.Н. Шамов, Л.Е. Шапошников, Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия), М. Руэп (Германия), К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ с 19.02.2010 г.

ISSN 2072-3490

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2015

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 31

Nizhny Novgorod

2015

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 31. –
Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University,
2015. – 247 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

B. Zhigalev

Editorial Board:

E. Gritsenko (*Deputy Editor-in-Chief*), E. Plisov (*Executive Secretary*),
M. Bronich, V. Bukharov, M. Vikulina, M. Grachev, E. Dmitryeva, V. Zusman,
V. Karasik (Volgograd), Z. Kirnoze, L. Krysin (Moscow), E. Kurbakova,
M. Lebedeva (Moscow), L. Lvov, M. Nikola (Moscow), O. Oberemko,
E. Porshneva, E. Savrutsкая, T. Sineokova, V. Sdobnikov,
O. Senyutkina, V. Strogetsy, A. Sergunin (St-Petersburg), S. Ustinkin,
A. Shamov, L. Shaposhnikov, D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium),
D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany), M. Ruep (Germany),
K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

- Ю.В. Богоявленская, А.Э. Буженинов** (*Екатеринбург*)
Сопоставительная медиалингвистика как новое направление современной сопоставительной лингвистики 11
- Н.В. Жарёнова, А.А. Кузьмичева** (*Нижний Новгород*)
Темпоральные характеристики швейцарских монофтонгов 20
- А.А. Кузьмичева, Н.В. Жарёнова, С.Н. Саможенов** (*Нижний Новгород*)
Тональный компонент высказывания как просодическое средство реализации иронии в немецком языке 31
- Г.И. Купцова** (*Москва*)
Некоторые особенности семиотики коммерческих знаков в лингвистическом ландшафте Москвы (на материале надписей на детских игрушках) 42
- Е.В. Плисов** (*Нижний Новгород*)
Религиолекты и конфессиолекты в структуре современного немецкого религиозного дискурса 50
- С.М. Раупова** (*Москва*)
Место фразеологии в преподавании русского языка как иностранного 75
- В.В. Фёдоров** (*Петропавловск-Камчатский*)
Актуализация понятийной характеристики истинности / реалистичности в современной японской англоязычной газетно-журнальной публицистике 83
- Фу Цзин** (*Чунцин, Китай*)
О возможности заимствования концептов 99

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

- Л. Байич** (*Белград, Сербия*)
Между сном и явью в сборнике рассказов «Сад цвета мальвы» Бранко Чопича 108

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

К.Э. Безукладников, Б.А. Крузе (*Пермь*)

Методологические основы построения системы лингвоинформационной многоуровневой подготовки будущего учителя иностранного языка 120

А.Г. Глазов (*Нижний Новгород*)

Отбор языкового содержания для ведения научной дискуссии 133

Л.В. Енбаева, К.И. Фалько (*Пермь*)

Технология *Blended Learning* в обучении иноязычной письменной речи старшеклассников 142

Т.А. Лопарева (*Киров*)

Понятие учебных стратегий, их взаимосвязь с когнитивными стилями и влияние на процесс овладения иностранным языком 151

И.В. Матвеева, Т.В. Сухарева (*Нижний Новгород*)

Олимпиады по иностранным языкам: традиции и инновации 161

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.В. Ворохобов (*Нижний Новгород*)

Хамартиологическая концепция Райнхольда Нибура 169

А.Ж. Закирова (*Нижний Новгород*)

Факторы влияния на исторический путь этноса 180

Е.И. Кузнецова (*Нижний Новгород*)

Медиакультура глобального мира: проблема идентичности 189

Е.Е. Семенов (*Нижний Новгород*)

Гражданское общество в России: конфликт методологий 200

Г.И. Шевцова (*Москва*)

Московский славянский комитет: гуманитарная помощь Сербии. 1914-1916 гг. 211

РЕЦЕНЗИИ

Н.А. Голубева (*Нижний Новгород*)

Язык религии как объект лингвистического исследования. Рецензия на монографию: Плисов Е.В. Немецкий религиозный текст в условиях поликонфессиональности. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013. 160 с. 219

А.Е. Лобков (*Нижний Новгород*)

Между реальностью и фикцией. Рецензия на книгу: Жаккар Ж.-Ф. Литература как таковая. От Набокова к Пушкину. Избранные работы о русской словесности. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 408 с. 226

Ю.Н. Зинцова, Н.А. Голубева (*Нижний Новгород*)

Социокультурный подход к оценке функционального потенциала текста. Рецензия на монографию: Текст как социокультурный феномен: Монография / Авт. коллект.: Деркач А.В., Каразия Н.А., Кузнецов В.В., Плисов Е.В., Фёдоров В.В., Хохлова И.Н. / Под общ. ред. И.Н. Хохловой. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГУ им. Витуса Беринга, 2014. 216 с. 239

ХРОНИКА

XIII конгресс Международного союза германистов «Германистика между традициями и инновациями» 243

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

- Yulia Bogoyavlenskaya, Aleksandr Buzheninov** (*Ekaterinburg*)
Comparative Medialinguistics as a New School within Modern
Comparative Linguistics 11
- Natalya Zharyonova, Anna Kuzmicheva** (*Nizhny Novgorod*)
Temporal Characteristics of Monophthongs in Swiss German 20
- Anna Kuzmicheva, Natalya Zharyonova, Sergey Samozhenov**
(*Nizhny Novgorod*)
The Tonal Component of the Utterance as a Prosodic Means of
Expressing Irony in the German Language 31
- Galina Kuptsova** (*Moscow*)
Semiotics of Commercial Signs in the Linguistic Landscape of
Moscow 42
- Evgeny Plisov** (*Nizhny Novgorod*)
Religiolects and Confessiolects in the Structure of Modern
German Religious Discourse 50
- Saodat Raupova** (*Moscow*)
The Role of Phraseology in Teaching Russian as a Foreign
Language 75
- Vitaliy Fyodorov** (*Petropavlovsk-Kamchatsky*)
Genuineness / Realness in Japan's English Language Journalism 83
- Fu Jing** (*Chongqing, China*)
On Possibility of Borrowing Concepts 99

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE

- Ljiljana Bajić** (*Belgrade, Serbia*)
Between Dreams and Reality: Branko Copic's Novel *The
Marshmallow Color Garden* 108

CROSS CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION

Konstantin Bezukladnikov, Boris Kruze (<i>Perm</i>) A Methodological Basis for Constructing the System of Lingua- Informational Pre-Service Training for Foreign Language Teachers	120
Andrei Glazov (<i>Nizhny Novgorod</i>) Selecting Language Content for Conducting an Academic Discussion	133
Lydmila Enbaeva, Kirill Falko (<i>Perm</i>) Blended Learning Technology in Teaching ESL Writing to High School Students	142
Tatyana Lopareva (<i>Kirov</i>) The Concept of Learning Strategies, their Interrelation with Cognitive Styles, and their Influence on Foreign Language Acquisition	151
Irina Matveeva, Tatyana Sukhareva (<i>Nizhny Novgorod</i>) Foreign Language Olympiads: Traditions and Innovations	161
 CURRENT ISSUES IN PHILOSOPHY, HISTORY AND SOCIAL COMMUNICATION	
Aleksander Vorokhobov (<i>Nizhny Novgorod</i>) Reinhold Niebuhr's Hamartiological Framework.....	169
Adelia Zakirova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Factors that Influence the Historical Trajectory of an Ethnos	180
Elena Kuznetsova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Media Culture of the Global World: The Problem of Identity	189
Evgeny Semenov (<i>Nizhny Novgorod</i>) Civil Society in Russia: A Conflict of Methodologies	200
Galina Shevtsova (<i>Moscow</i>) The Moscow Slavic Committee: Humanitarian Aid for Serbia in 1914-1916	211

REVIEWS

Nadezhda Golubeva (*Nizhny Novgorod*)

The Language of Religion as an Object of Linguistic Research. Book Review: Плисов Е.В. Немецкий религиозный текст в условиях поликонфессиональности. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013. 160 с. 219

Aleksandr Lobkov (*Nizhny Novgorod*)

Between Reality and Fabrication. Book Review: Жаккар Ж.-Ф. Литература как таковая. От Набокова к Пушкину. Избранные работы о русской словесности. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 408 с. 226

Yulia Zintsova, Nadezhda Golubeva (*Nizhny Novgorod*)

A Sociocultural Approach to Evaluating the Functional Potential of a Text. Book Review: Текст как социокультурный феномен: Монография / Авт. коллект.: Деркач А.В., Каразия Н.А., Кузнецов В.В., Плисов Е.В., Фёдоров В.В., Хохлова И.Н. / Под общ. ред. И.Н. Хохловой. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГУ им. Витуса Беринга, 2014. 216 с. 239

CHRONICLE

XIII Congress of the International Union of Germanic Studies Scholars: “Germanic Studies between Traditions and Innovations” 243

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 81-115

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ МЕДИАЛИНГВИСТИКА КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Ю.В. Богоявленская, А.Э. Буженинов

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург

Статья посвящена обзору основных направлений сопоставительной медиалингвистики, получивших освещение на страницах журнала «Политическая лингвистика» за последние пять лет: сопоставительной медиастилистики и сопоставительных когнитивно-дискурсивных медиаисследований. Актуальность и эффективность научного поиска в рамках этих направлений позволяет говорить об активном оформлении сопоставительной медиалингвистики как самостоятельного направления со своими теоретическими основами и методологической базой.

Ключевые слова: медиалингвистика, сопоставительная лингвистика, медиатекст, когнитивно-дискурсивные исследования, массмедиа.

Comparative Medialinguistics as a New School within Modern Comparative Linguistics Yulia Bogoyavlenskaya, Aleksandr Buzheninov

The article presents a survey of key schools within comparative media linguistics, covered in the journal *Political Linguistics* over the last five years, namely: comparative media stylistics and comparative cognitive-discourse research. The obvious relevance and efficiency of these research fields make it possible to conclude that comparative media linguistics may be treated as an independent school with its own fundamental theory and methodological base.

Key words: media linguistics, comparative linguistics, mediatext, cognitive-discourse researches, mass media.

Сопоставительная лингвистика – направление исследований общего языкознания, интенсивно развивающееся с 50-х годов XX в. Его рождение связывают с книгой Р. Ладо «Лингвистика сквозь призму культур» (1957). Далее последовали работы Г. Никеля, Ди Пьетро, В.Г. Гака, В.Д. Аракина, В.Н. Ярцевой и других ученых, внесших существенный вклад в развитие этого направления. Сопоставительная лингвистика разработала собственный методологический и понятийно-терминологический аппарат, и, безусловно, доказала свою полезность.

Как отмечает З.Д. Попова, исследование языковых единиц в сопоставительном аспекте является одной из актуальных задач современной лингвистики [1. С. 98] и, на наш взгляд, на данном этапе развития характеризуется углубляющейся дифференциацией различных направлений. Появление новых теорий и, соответственно, новых сопоставительных исследований, обращение к различным подходам и методикам – все это требует анализа современного состояния данного научного направления, закономерностей его развития и взаимодействия с другими научными школами, а также перспектив дальнейших исследований.

В настоящее время сопоставительная лингвистика развивается в различных направлениях: *сопоставительная стилистика* [2], *сопоставительный синтаксис* [3; 4; 5], *сопоставительная лексикология и семантика* [6; 7], *сопоставительное терминоведение* [8; 9; 10; 11], *сопоставительная метафорология* [12; 13] и др.

Молодым, но уже серьезно заявившим о себе, активно развивающимся направлением сегодня является *сопоставительная медиалингвистика*, которая опирается на достижения современной медиалингвистики, оформившейся как самостоятельная научная дисциплина в 2000 г. [14].

Сопоставительная медиалингвистика изучает функционирование языка в национальных медиасферах в сопоставительном аспекте. Название нового направления указывает на междисциплинарный, комбинированный характер данных отраслей знания (сопоставительной лингвистики и изучения средств массовой информации), объединивший в себе теоретические основы и методологию двух базовых научных направлений.

В центре внимания предлагаемой статьи – обзор трудов по сопоставительной медиалингвистике, появившихся в последние пять лет и опубликованных в одном из ведущих научных журналов – «Политическая лингвистика», который с особым вниманием относится к сопоставительным исследованиям. Эти работы стали репрезентантом новых исследовательских стратегий в изучении языковых / речевых фактов в сопоставительном аспекте.

Анализ сплошной выборки статей, выполненных в обозначенном русле за последние пять лет, позволяет выделить два основных вектора развития данного направления.

1. *Сопоставительная медиастилистика*, которая предстает в большей степени как сопоставительная стилистика медиатекста и освещает разнообразные аспекты этого явления. В этой группе работ значительное место занимают исследования, в центре внимания которых находятся вопросы прагмастилистического характера, а точнее *речевое воздействие в печатных и электронных СМИ*. В частности, реализации воздействующей функции заголовков посвящена работа Е.Б. Плаксиной [15]. Автор исследует языковые средства воздействия и приходит к выводу, что арсенал этих средств во французском и русском массмедийном дискурсах во многом идентичен. И.О. Окунева обращается к изучению приемов речевого воздействия, используемых в СМИ России, Великобритании, США и Канады, цель которых – усиление воздействия на реципиента, создание новых ассоциативных связей и перенесение субъективных оценок из одной когнитивной сферы в другую [16]. Объектом исследования Ю.В. Богоявленской является парцелляция, которую автор рассматривает как явление коммуникативно-стилистического уровня и изучает ее функции в сильных позициях французского и русского медиатекста [3].

Изучению *манипулятивных технологий*, применяемых русскими, английскими и немецкими политическими деятелями и военно-политическими организациями в СМИ для оправдания мероприятий насильственного характера, посвящена статья В.Д. Бачурина [17].

Сопоставительное изучение медиажанров также представляет интерес для исследователей, работающих в русле сопоставительной медиастилистики. В этой группе мы бы отметили статью Лу Тинтин, в которой анализируется специфика диалогической структуры политического интервью в российских и китайских СМИ [18]. В статье М.Г. Мартыненко проводится сравнительный анализ тенденций в преподнесении новостного материала в телевизионных выпусках английской, французской и русской версии телеканала *Euronews*, выявляется общее и различное в национальных подходах к освещению событий [19].

2. *Сопоставительные когнитивно-дискурсивные медиа исследования*. В этой группе наблюдаются несколько векторов развития сопоставительной медиалингвистики. Один из векторов – *сопоставительное направление исследований прецедентности*.

Интересным и глубоким исследованием явления прецедентности на базе взаимодействия двух лингвокультур сквозь призму дихотомии «свой» / «чужой» представляется работа С.В. Ивановой и З.З. Чанышевой. Прецедентное явление, перенесенное в чужую культуру, трактуется как ксенотекст. Особое внимание уделено семантическим преобразованиям ксенотекстов, нацеленным на повышение воздействующего и манипулятивного потенциала политического дискурса СМИ [20]. Вопросу воздействующего эффекта литературных прецедентных феноменов в американском и российском политическом медиадискурсе посвящена статья В.В. Сидоровой [21]. К исследованиям прецедентности относится также работа Е.Н. Ореховой [22], посвященная трансформациям прецедентных феноменов как средству усиления образной составляющей российских и американских медиатекстов, а также статья Дарвиша Рихаба эль-Хусейна Ибрагима Ваиль Фахима, анализирующего прецедентные имена со сферой-источником «Политика» в российской и египетской прессе [23]. Опираясь на материал из российской и американской прессы, С.В. Елисеева исследует особенности ментальной области «Архитектура» как сферы-источника прецедентности. Сравнительный анализ смысловых компонентов, составляющих идеализованную когнитивную модель прецедентного феномена, приводит автора к выводу о том, что модели «Эйфелева башня» и “The Eiffel Tower” обладают схожей структурой и содержанием, но отличаются по частотности актуализации смысловых компонентов [24]. Теоретические основы сопоставительного исследования прецедентных имен, опирающегося на корпусную методологию, рассмотрены в статье Е.А. Нахимовой [25].

Сопоставительное исследование метафорики в масс-медиа – следующее направление медиалингвистики. Здесь можно выделить работу Д.А. Васильева, изучившего метафорические конструкции со значением оценки на базе семантики противостояния («холодная война») в российских и американских СМИ. Автор доказывает, что при использовании «метафорики холодной войны» исчезает семантика активной субъектности, поскольку за погоду человек не отвечает, ведь она является природным явлением [26]. Е.Б. Каган представляет сопоставительный анализ метафоры неживой природы, используемой в заголовках российских, американских и британских

СМИ и выявляет их влияние на восприятие читателя [27]. Этот аспект исследуется и в следующей статье автора, посвященной проблеме метафоры двойной актуализации и моделей ее развертывания в русском и британском медиатексте. Автор заключает, что подобные метафоры «представляют собой не набор абсолютно автономных случайных элементов, а целую систему с прочными внутри- и внетекстовыми связями, организующим стержнем которой становится взаимодействие метафорических моделей» [28. С. 212]. Чрезвычайно интересными, глубокими и полными представляются работы по политической лингвистике и политической метофорологии А.П. Чудинова [29; 30] и обзор сопоставительных исследований политической метафоры, выполненный Э.В. Будаевым [31].

Гендерный аспект реализации речевых стратегий в российских и американских политических блогах – тема статьи Л.Р. Диасамидзе, в которой автор сопоставляет средства, используемые для формирования мнения читателей блогов и воздействия на них, а также выявляет сходства и различия в применении речевых стратегий в блогах мужчин и женщин, представляющих две лингвокультуры [32].

Сопоставительные концептуальные исследования также находят свое отражение на страницах «Политической лингвистики». Изучению концепта *успех / success* в русской и английской языковой картине мира посвящена статья А.А. Касловой и Н.А. Черновой. Авторы отмечают, что в целом ядро этих концептов совпадает, так как содержит общие компоненты – достижение желаемого результата, популярность, общественное признание. Периферийные компоненты концепта *успех / success* обнаруживают как сходства, так и существенные различия [33]. История изучения слова текущего момента «кризис» находится в центре внимания исследования М.Б. Ворошиловой [34].

Сопоставительное дискурсивное исследования механизмов конструирования исторической памяти в российской и латвийской прессе – тема статьи К.О. Друговейко, в которой автор демонстрирует зависимость аксиологического аспекта концепта *память* от личной позиции в оценке прошлого [35]

Продуктивны сопоставительные исследования рекламного дискурса. Ярким примером является исследование С.Л. Кушнерук, в котором представлен глубокий анализ дискурсивных миров

русскоязычной и англоязычной рекламы, устройство которых имеет много общих черт, проистекающих из общности сущности, целей, задач и функций, характеризующих данную сферу приложения дискурсивной практики [36. С. 234].

С.О. Макеева обращается к сопоставительному изучению дискурсивных стратегий английской и русской рекламы конного бизнеса, выявляет культуроспецифические особенности репрезентации типового адресата данного вида рекламы и специфику семантической реализации концепта *лошадь* [37]. Рекламный текст часто содержит слова, обозначающие количество. Как убедительно доказывает Т.А. Печенкина, значительные расхождения в лексических способах его обозначения в немецком и российском рекламном дискурсе обусловлены культурными и историческими причинами [38].

В настоящем обзоре мы постарались представить основные направления сопоставительной медиалингвистики, получившие освещение на страницах журнала «Политическая лингвистика». Рамки статьи позволили рассмотреть более или менее подробно только некоторые из них. Однако даже такой достаточно краткий обзор статей одного из ведущих научных журналов показывает, что сопоставительная медиалингвистика постепенно оформляется в самостоятельное направление, разрабатываются ее теоретические основы, успешно применяются новые исследовательские методики, традиции сопоставительной лингвистики продолжают развиваться на качественно новом уровне.

Библиографический список

1. Попова З.Д. Об актуальных направлениях развития современного сопоставительного языкознания // Актуальные вопросы развития науки: Сб.ст. межд. научно-практ. конф. Ч. 4. Уфа, 2014. С. 98-100.
2. Плотникова М.В. Основные направления исследований стилистики художественного текста // Языковое образование сегодня – векторы развития: Материалы IV межд. научно-практ. конф.-форума. Екатеринбург, 2013. С. 216-221.
3. Богоявленская Ю.В. Парцелляция в сильных позициях медиатекста // Политическая лингвистика. 2013. № 1(43). С.128-132.

4. Богоявленская Ю.В. Конвергенция парцелляции и лексического повтора во французских и русских медиатекстах // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3 (35). С. 5-15.

5. Нелюбина М.С. Французская и испанская абсолютные причастные конструкции в ряду конструкций с неличными формами глагола // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2014. № 26. С. 143-146.

6. Томилова А.И. Объем семантического значения псевдоэквивалентов русского и французского языков // В мире научных открытий. 2014. № 11.1 (59). С. 723-739.

7. Томилова А.И. Классификация псевдоэквивалентов русского и французского языков по частеречной принадлежности // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Н. Новгород, 2011. С. 108-113.

8. Буженинов А.Э. Концептуализация категории состояния в русском и французском языках (на материале подъязыка гомеопатии) // Язык и культура. Новосибирск: ООО агентство «СИБПРИНТ», 2013. С. 58-63.

9. Буженинов А.Э. Подъязык гомеопатии в категориальном освещении (на материале русского и французского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 211 с.

10. Лукина О.И. Полисемия терминов фонетики во французском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1-2. С. 126-129.

11. Лукина О.И. Фонетическая терминология французского и русского языков в вариологическом аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-1 (38). С. 115-118.

12. Будаев Э.В. Сопоставительный дискурс-анализ политических метафор // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: Материалы Межд. науч. конф. Екатеринбург, 2014. С. 35-37.

13. Плотникова М.В. Метафорическое представление образа любви в поэтическом дискурсе (на материале баллад Франсуа Вийона и их переводов на русский язык) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 3. С. 342-350.

14. Добросклонская Т.Г. Теория и методы медиалингвистики: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 50 с.

15. Плаксина Е.Б. Языковые средства реализации воздействующей функции заголовков (на материале российской и французской прессы) // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 117-120.

16. Окунева И.О. Приемы речевого воздействия в печатных СМИ России, Великобритании, США и Канады // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 104-116.

17. Бачурин В.Д. Манипулятивные технологии, применяемые СМИ в современном военно-политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2014. № 4(50). С. 99-104.

18. Лу Тинтин Сопоставительное исследование политического и культурного контекста русскоязычного и китайскоязычного политического интервью // Политическая лингвистика. 2014. № 4(50). С. 148-152.

19. Мартыненко М.Г. Сравнительный анализ телевизионных новостных выпусков (русская, английская, французская версии телеканала «Euronews») // Политическая лингвистика. 2013. № 2(44). С. 155-158.

20. Иванова С.В., Чанышева З.З. Национально-культурные прецеденты в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2014. № 4(50). С. 39-47.

21. Сидорова В.В. Прецедентный мир Дж. Р.Р. Толкина в политическом дискурсе американских и российских СМИ // Политическая лингвистика. 2012. № 3(41). С.170-177.

22. Орехова Е.Н. Трансформации прецедентных феноменов в политических текстах российских и американских СМИ // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 146-149.

23. Дарвиш Рихаб эль-Хусейни Ибрагим Ваиль Фахим. Прецедентные имена со сферой-источником «Политика» в российской и египетской прессе // Политическая лингвистика. 2014. № 1(47). С. 144-148.

24. Елисеева С.В. Архитектура как сфера-источник прецедентности в российских и американских СМИ: «ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ» И “THE EIFFEL TOWER” // Политическая лингвистика. 2010. №1(31). С. 100-105.

25. Нахимова Е.А. Использование корпусной методологии при сопоставительном изучении прецедентных имен // Политическая лингвистика. 2013. №3 (45). С. 48-56.

26. Васильев Д.А. Метафорика холодной войны в публикациях российских и американских СМИ 2012 г. // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 90-93.

27. Каган Е.Б. Метафоры из сферы-источника «Мир неживой природы» в заголовках российских, американских и британских СМИ // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (32). С. 172-175.

28. Каган Е.Б. Развертывание метафоры двойной актуализации в российских и британских СМИ // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 210-212.

29. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта, 2012. 256 с.

30. Чудинов А.П. Очерки по политической метафорологии. Екатеринбург, 2013. 176 с.
31. Будаев Э.В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 9-23.
32. Диасамидзе Л.Р. Гендерный аспект реализации речевых стратегий в российских и американских политических блогах // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 95-99.
33. Каслова А.А., Чернова Н.А. Концепт УСПЕХ / SUCCESS в русской и английской языковой картине мира // Политическая лингвистика. 2010. №2 (32). С. 176-180.
34. Ворошилова М.Б. Кризис – ключевое слово текущего периода: история изучения // Политическая лингвистика. 2012. №3 (41). С. 200-203.
35. Друговейко К.О. Санкт-Петербург Дискурсивные механизмы конструирования исторической памяти (на материале текстов российской и латвийской прессы) // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 115-123.
36. Кушнерук С.Л. Макроструктуры дискурсивных миров русскоязычной и англоязычной рекламы // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 226-235.
37. Макеева С.О. Дискурсивные стратегии классифицированной рекламы конного бизнеса (на материале английского и русского языков) // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 223-228.
38. Печенкина Т.А. Особенности лексических способов обозначения количества в русских и немецких рекламных текстах // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 165-169.

Сведения об авторах

Богоявленская Юлия Валерьевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры романских языков
Уральского государственного педагогического университета
E-mail: jvbog@yandex.ru

Буженинов Александр Эдуардович
кандидат филологических наук,
доцент кафедры романских языков
Уральского государственного педагогического университета
E-mail: alexandrebougeninov@mail.ru

УДК 811.112.2'282.4(494)

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ШВЕЙЦАРСКИХ МОНОФТОНГОВ

Н.В. Жарёнова, А.А. Кузьмичева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье анализируются полученные в ходе экспериментального исследования данные по длительности гласных в стандартной вариации швейцарского варианта немецкого языка. По сравнению со стандартом немецкого языка в Германии темпоральные характеристики швейцарских монофтонгов носят более выраженный характер, что обусловлено влиянием фонологических стереотипов диалекта. Дистинктивный признак {±долгий} становится релевантным при ослаблении выраженности других акустических характеристик гласных швейцарского стандарта.

Ключевые слова: швейцарский вариант немецкого языка, стандартная вариация, монофтонги, длительность гласных, дистинктивные признаки, диалект.

Temporal Characteristics of Monophthongs in Swiss German

Natalya Zharyonova, Anna Kuzmicheva

The article presents an analysis of the length of monophthongs in Swiss German obtained in the course of experimental research. In comparison with standard German, temporal characteristics of Swiss German monophthongs have a more prominent character, determined by the influence of the phonological stereotypes of the dialect. The distinctive feature {±long} becomes relevant while the other acoustic characteristics of Swiss German vowels are weakened.

Key words: Swiss German, standard variation, monophthongs, length of vowels, distinctive features, dialect.

Длительность, наряду с интенсивностью, спектральными характеристиками и частотой основного тона, является одним из основных параметров, по которым происходит дифференциация звуков в речи. Поэтому в ходе экспериментально-фонетического исследования, направленного на изучение своеобразия вокалической системы швейцарского варианта немецкого языка (ШВНЯ) [1], рассмотрению темпоральных показателей гласных было уделено особое внимание. Для анализа экспериментального материала были использованы данные по длительности 1373 гласных сегментов. Из общего количества полученных 1950 отрезков были отобраны лишь те, варьирование темпорально-акустических параметров которых не выходило за рамки доверительного интервала (γ). Следует заметить,

что в ходе эксперимента рассматривались только монофтонги, стоящие в смысловых словах в ударной позиции и, таким образом, наименьшим образом подвергшиеся какому-либо типу редукции. Полученные данные по длительности гласных рассматривались как относительные величины, поскольку для стандартного произношения немецкого языка дистинктивный признак *долготы – краткости* не является релевантным: он перекрывается качественными характеристиками (за исключением пары монофтонгов [a:] – [a]) [2].

Для более подробного сопоставительного анализа были:

а) просчитаны соотношения по длительности для пар гласных (долгий – краткий) во всех используемых в исследовании аудиотекстах стандартной вариации ШВНЯ;

б) данные по количественным характеристикам стандартных швейцарских монофтонгов [a:], [a], [e:], [ε], [i:], [ɪ], [u:], [ʊ], [o:], [ɔ] были соотнесены с данными по длительности стандартных инвариантов германского варианта немецкого языка (материалы по германскому варианту взяты из исследований А.П. Симпсона [3]);

с) данные по разным типам текстов сравнивались попарно – по типу коммуникативного режима и по принадлежности высказываний информантам мужского и женского пола.

В рамках исследования оказалось целесообразным ограничиться рассмотрением темпоральных характеристик гласных ШВНЯ, реализованных только в стандартных аудиотекстах, поскольку вокалической системе диатопической вариации швейцарского ареала присуще особое распределение количественно-качественных отношений. Усреднение полученных данных по диалектным аудиотекстам привело к нивелировке темпоральных значений, так как на параметры долгих закрытых гласных наложилось значения кратких закрытых, а характеристики кратких открытых были «перекрыты» данными по кратким закрытым монофтонгам.

В графиках 1-4 представлены сопоставительные данные по длительности стандартных монофтонгов (в мс), реализованных дикторами – мужчинами и женщинами в спонтанной речи и прочитанных текстах вслух. Гласные сравнивались попарно по принципу *долгий – краткий*.

График 1

Длительность швейцарских монофтонгов (в мс), реализованных в спонтанной речи дикторами-мужчинами (тексты *MSS*)

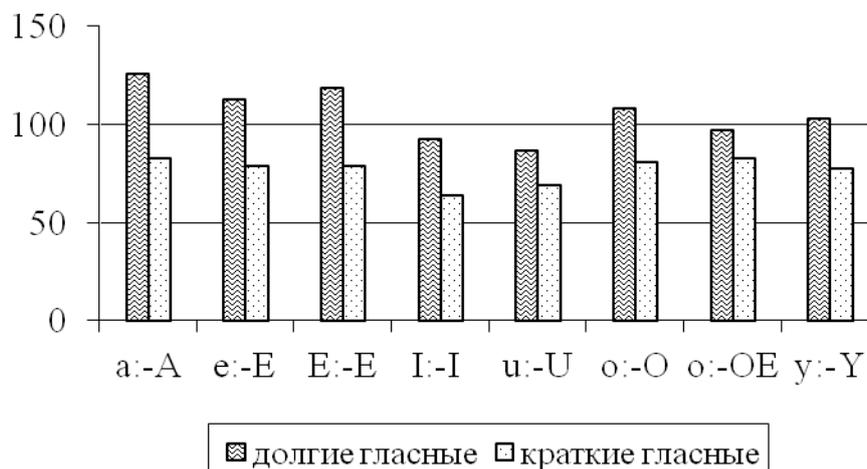

График 2

Длительность швейцарских монофтонгов (в мс), реализованных в спонтанной речи дикторами-женщинами (тексты *FSS*)

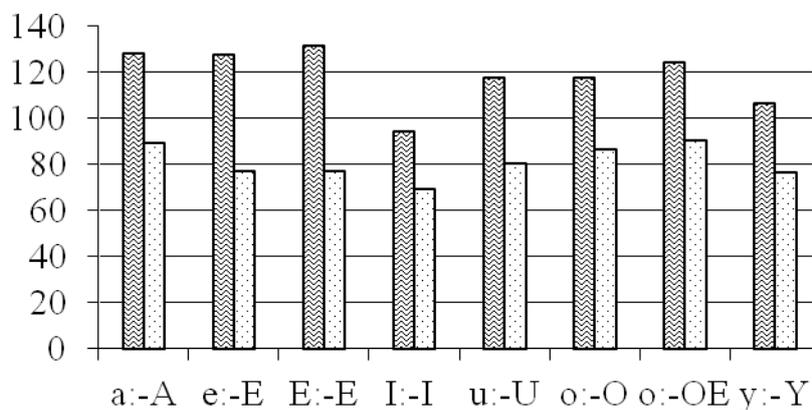

График 3

Длительность швейцарских монофтонгов (в мс), реализованных в прочитанных текстах дикторами-мужчинами (тексты *MSS*)

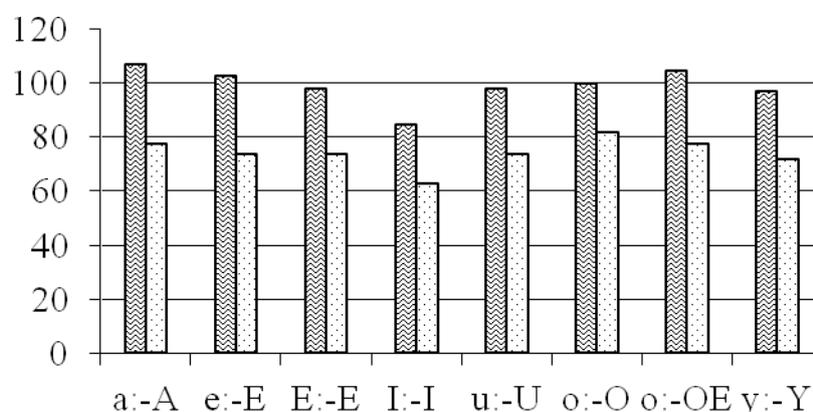
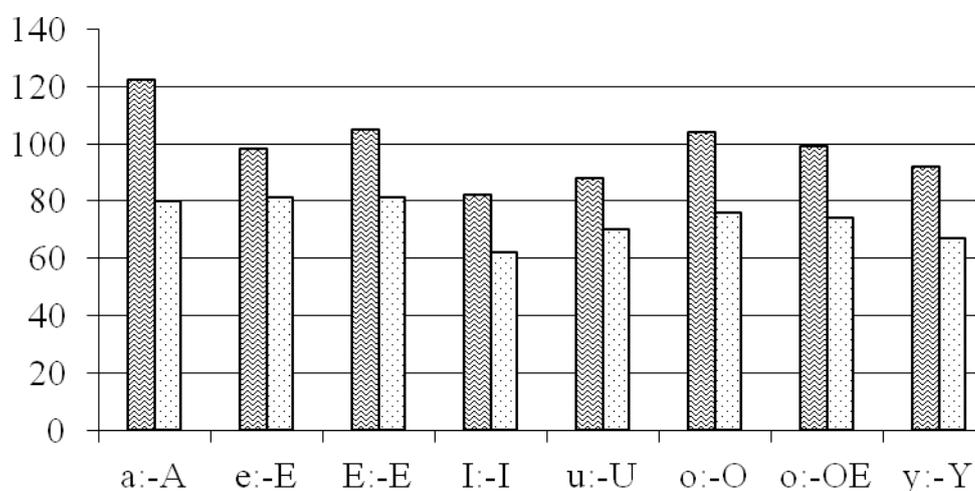

График 4

Длительность швейцарских монофтонгов (в мс), реализованных в прочитанных текстах дикторами-женщинами (тексты *FSS*)

На графиках отчетливо прослеживаются расхождения в количественных характеристиках долгих и кратких гласных. В зависимости от пола информанта и типа высказывания расхождения в парах гласных могут колебаться от минимальных 18 мс для пары [ø:-œ] в аудиотекстах *MSS* – до максимальных 50 мс для пары [e:-ε] в аудиотекстах *FSS*. Провести более подробный анализ позволили расчеты коэффициента количественного соотношения внутри пар швейцарских монофтонгов. В спонтанной речи – тексты *MSS* и *FSS* –

коэффициент соотношения показателей длительности наиболее высок в парах [a:-a] – 1,52 *MSS* и 1,44 *FSS*; [ε:-ε] – 1,51 *MSS* и 1,70 *FSS*; [e:-ε] – 1,43 *MSS* и 1,65 *FSS*; [i:-i] – 1,45 *MSS*; [y:-ʏ] – 1,61 *FSS*. В прочитанных текстах *MSL*, *FSL* количественные расхождения между гласными менее выражены – коэффициент соотношения показателей их длительности не превышает 1,37, исключение составили пары монофтонгов [e:-ε] – 1,40 *MSL* и [a:-a] – 1,53 *FSL*.

Расчеты усредненного коэффициента соотношения длительности (t_R) швейцарских монофтонгов по всем видам текстов позволили построить ряд пар гласных в порядке уменьшения значимости квантитативных различий внутри них:

[a:-a] – 1,47;

[ε:-ε] – 1,45;

[e:-ε] – 1,42;

[y:-ʏ] – 1,41;

[i:-i] – 1,37;

[u:-ʊ] – 1,33;

[o:-ɔ] – 1,32;

[ø:-œ] – 1,31.

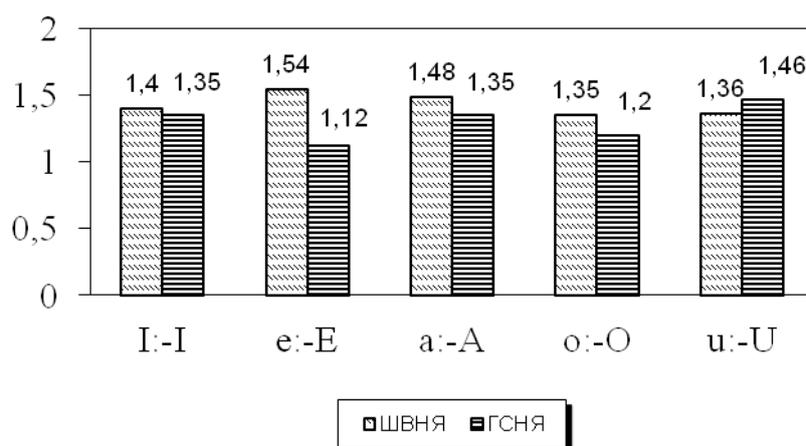
Выборочное сопоставление относительных показателей соотношения длительности в парах швейцарских монофтонгов с соответствующими усредненными коэффициентами соотношения длительности (t_R) гласных немецкого произносительного стандарта [3] позволяет говорить о незначительных расхождениях в реализации признака темпоральности в обоих национальных вариантах: разница в показателях колеблется в пределах 0,03-0,07. Исключение составила пара монофтонгов [e:] – [ε]: экспериментальные данные показали, что в ШВНЯ долгий закрытый [e:] реализуется в 1,42 раза дольше, чем краткий открытый [ε]. В германском варианте соотношение составляет всего 1,18.

Сопоставительный анализ темпоральных признаков швейцарских гласных немецкого языка (ШВНЯ) и гласных германского произносительного стандарта (ГСНЯ), реализованных в спонтанном говорении и в режиме чтения (данные представлены в графиках 5 и 6), показал, что в спонтанной речи наиболее последовательно реализуется признак длительности у швейцарских гласных [e:] – [ε], [a:] – [a], [o:] – [ɔ]. Следует также отметить, что

швейцарские гласные [e:] – [ɛ] имеют бóльшие количественные различия в отличие от соответствующей пары германских монофтонгов: 1,54 – 1,12 соответственно.

График 5

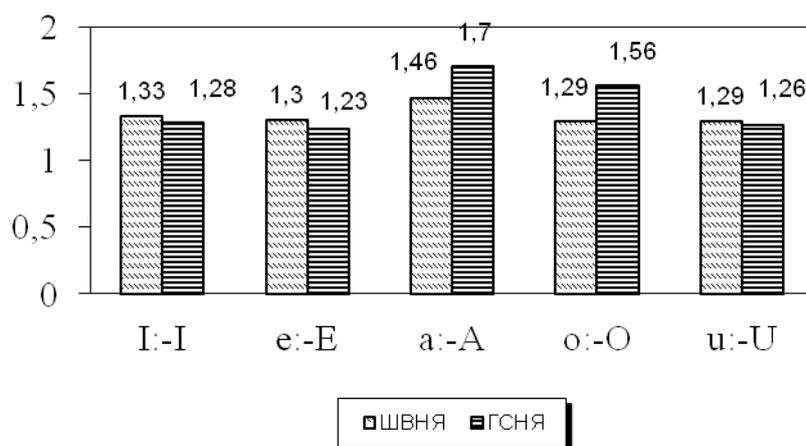
Усредненная длительность монофтонгов ШВНЯ и ГСНЯ в аудиотекстах *MSS* и *FSS* (спонтанное говорение)

В чтении, наряду с незначительным повышением коэффициента соотношения длительности гласных [i:] – [ɪ], [e:] – [ɛ], [u:] – [ʊ] в ШВНЯ, прослеживается тенденция к сокращению количественных расхождений в парах швейцарских гласных [a:] – [a], [o:] – [ɔ].

График 6

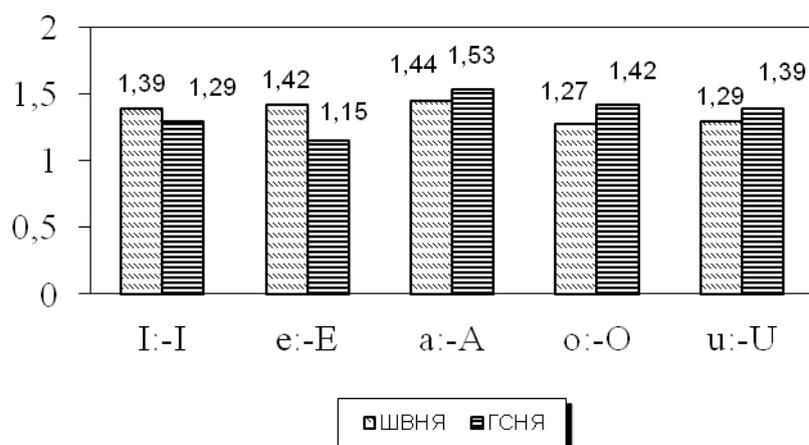
Усредненная длительность монофтонгов ШВНЯ и ГСНЯ в аудиотекстах *MSL* и *FSL* (чтение)

В ходе исследования были также рассчитаны усредненные коэффициенты соотношения длительности гласных ШВНЯ и ГСНЯ, реализованных дикторами-мужчинами (аудиотексты *MSS* и *MSL*) и дикторами-женщинами (*FSS* и *FSL*). Более подробно об антропометрических и гендерных особенностях реализации монофтонгов в ШВНЯ см. [4].

График 7

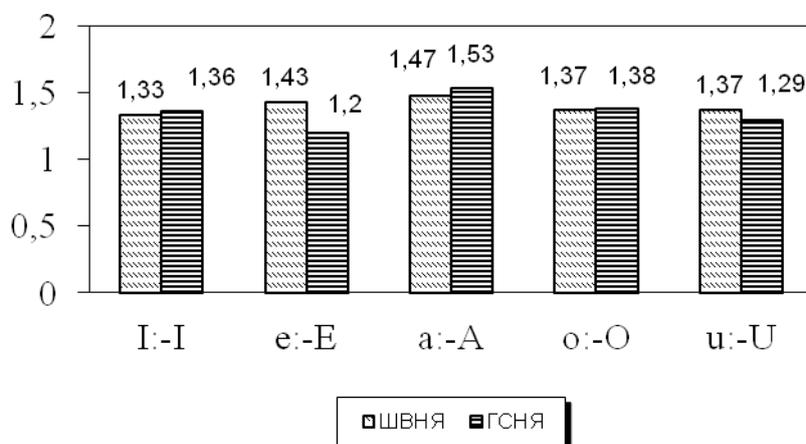
Усредненная длительность монофтонгов ШВНЯ и ГСНЯ в аудиотекстах *MSL* и *MSS* (дикторы-мужчины)

В парах монофтонгов [a:] – [a], [o:] – [ɔ], [u:] – [ʊ], реализованных дикторами-мужчинами, отмечается незначительное сокращение количественных расхождений по сравнению с соответствующими германскими гласными. Темпоральные различия в паре германских гласных [e:] – [ɛ] существенно меньше, чем в соответствующей паре швейцарских монофтонгов. Значение коэффициента соотношения их длительности на 19 % ниже, чем у швейцарских гласных. Для пары монофтонгов [e:] – [ɛ], реализованных швейцарскими дикторами-женщинами, также характерны бóльшие квантитативные различия, чем в германском стандарте. Расхождения в коэффициентах соотношения длительности других пар гласных в ШВНЯ и ГСНЯ незначительны и колеблются в пределах 0,03-0,08.

График 9

Усредненная длительность монофтонгов ШВНЯ и ГСНЯ в аудиотекстах *FSS* и *FSL* (дикторы-женщины)

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы.

Исследование пар швейцарских монофтонгов [a:] – [a], [e:] – [ε], [i:] – [i], [u:] – [ʊ], [o:] – [ɔ] в разных типах аудиотекстов *FSS*, *FSL*, *MSS*, *MSL* показал, что наибольшие темпоральные различия характерны для гласных [a:] – [a] – 1,47, [ε:] – [ε] – 1,45, [e:] – [ε] – 1,42.

Расчет усредненных показателей (t_R) позволил установить, что в ШВНЯ долгий закрытый [e:] реализуется в 1,42 раза дольше, чем краткий открытый [ε], в отличие от ГСНЯ, где разница в длительности данных гласных составляет 1,18.

В результате сопоставления усредненной длительности швейцарских и германских монофтонгов не были выявлены какие-либо значительные расхождения в темпоральных показателях монофтонгов обоих национальных вариантов НЯ, вследствие чего была предпринята попытка дифференцированно рассмотреть особенности реализации признака длительности в парах гласных в зависимости: а) от типа высказывания (спонтанное говорение, чтение), б) от пола информантов (дикторы-мужчины, дикторы-женщины).

В аудиотекстах *MSS* и *FSS* (спонтанное говорение) прослеживается последовательная реализация признака длительности у всех рассматриваемых монофтонгов. Однако наибольшие

расхождения с ГСНЯ характерны для пары гласных [e:] – [ɛ], где коэффициент соотношения усредненной длительности составил 1,54 по сравнению с 1,18 в ГСНЯ. Значительные количественные различия между [e:] – [ɛ] обнаруживаются именно в спонтанной речи, поскольку именно в спонтанном говорении в бóльшей степени проявляется влияние системных особенностей диатопического уровня. В чтении (аудиотексты *MSL* и *FSL*) количественные характеристики швейцарских гласных незначительно расходятся с соответствующими германскими показателями, наблюдается даже сокращение разницы в длительности швейцарских монофтонгов [a:] – [a], [o:] – [ɔ]. Для дифференциации данных звуков релевантны в первую очередь их качественные характеристики.

В результате сопоставления усредненной длительности гласных, реализованных дикторами-мужчинами и дикторами-женщинами, выяснилось, что на фоне незначительных расхождений количественных характеристик швейцарских монофтонгов с показателями ГСНЯ наибольший интерес представляет пара [e:] – [ɛ], коэффициент соотношения значений усредненной длительности которой составляет 1,42 (дикторы-мужчины) и 1,43 (дикторы-женщины) по сравнению с 1,15 и 1,20 соответственно в ГСНЯ.

Следует отметить особое положение в системе швейцарских монофтонгов пары [e:] – [ɛ]. Для оппозиции [e:] – [ɛ] в ГСНЯ длительность не является релевантным дистинктивным признаком, поскольку данные гласные имеют разные качественные характеристики. Именно поэтому усредненный коэффициент соотношения длительности в паре в ГСНЯ относительно низкий. В ШВНЯ в диатопической вариации кантона Берн закрытый [e:] отсутствует – в свойственных для гласного позициях реализуется преимущественно открытый [ɛ:]. Следовательно, стандартной оппозиции [e:] – [ɛ] с дистинктивным признаком качества в диалекте соответствует оппозиция [ɛ:] – [ɛ], для которой признак длительности уже является релевантным. Сопоставление оппозиций в диалекте ШВНЯ и ГСНЯ представлено в таблице 1.

Таблица 1

Система оппозиций монофтонгов переднего ряда среднего подъема в ШВНЯ (диалект) и ГСНЯ

ГСНЯ	ШВНЯ (диалект)
e: – ε:	—
e: – ε	ε: – ε
ε: – ε	æ: – æ

В речи швейцарских дикторов (стандартная вариация) при реализации оппозиции монофтонгов [e:] – [ε] качественные различия дополняются темпоральными. Таким образом, можно говорить о наложении системных стереотипов диатопической вариации на реализацию признака длительности у гласных переднего ряда среднего подъема в стандарте ШВНЯ.

В заключение хотелось бы отметить, что изучение темпоральных характеристик речи носит перспективный характер, поскольку позволяет не только дополнять лингвистическую картину в области сегментной фонетики, но и расширить знания об особенностях просодических структур высказываний в различных языковых вариациях [5; 6].

Библиографический список

1. Жарёнова Н.В. Вокалическая система швейцарского варианта немецкого языка (экспериментально-фонетическое исследование): Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2004. 218 с.
2. Дербилов А.Л. Соотношение признаков количества и качества в системе гласных немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. 21 с.
3. Simpson A.P. Phonetische Datenbanken des Deutschen in der empirischen Sprachforschung und der phonologischen Theoriebildung // Arbeitsberichte des Instituts für Phonetik und digitale Sprachverarbeitung. 1998. № 33. S. 26-57.
4. Жарёнова Н.В. Антропометрические и гендерные особенности реализации монофтонгов в стандарте швейцарского варианта немецкого языка // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 2014. № 27. С. 27-34.

5. Фромм А.А. Роль темпорального компонента просодической структуры высказывания в реализации иронии // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 118. С. 211-215.

6. Саможенов С.Н. Коннотативный аспект просодики немецкого и русского языков // Научный вестник Воронежского ГАСУ. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2013. №1(19). С. 16-25.

Сведения об авторах

Жарёнова Наталья Вячеславовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: dmitrab@yandex.ru

Кузьмичева Анна Александровна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: anna_fromm@mail.ru

УДК 811.112.2'342

ТОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ПРОСОДИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ИРОНИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

А.А. Кузьмичева, Н.В. Жарёнова, С.Н. Саможенов

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье анализируется роль тонального компонента просодической структуры высказывания, реализованного с модально-эмоциональной коннотацией «ирония» в немецком языке, устанавливаются интегральные и дифференциальные признаки просодем, участвующих в реализации данной коннотации, определяется диапазон вариативности тонального компонента высказывания и устанавливается связь вариативности с субъективным, эмоционально-окрашенным отношением говорящего к содержанию своего высказывания.

Ключевые слова: немецкий язык, просодия, ирония, модальность, эмоциональность, коннотация.

The Tonal Component of the Utterance as a Prosodic Means of Expressing Irony in the German Language

Anna Kuzmicheva, Natalya Zharyonova, Sergey Samozhenov

The article presents an analysis of the tonal component in the prosodic structure of modal-emotional connotation of “irony” in the German language, determines integral and differential characteristics of the prosodic structure in the ironic utterance, and specifies the pitch range and its relations with emotional subjective attitude of the speaker to the content of the utterance.

Key words: German language, prosody, irony, modality, emotionality, connotation.

В последние годы возрастает интерес лингвистов к межличностной коммуникации, к влиянию на неё экстралингвистических и психологических факторов, усиливается интерес к иронии как к одному из составляющих элементов речевого поведения, зависящего от соблюдения или нарушения определённых этических норм, от специфики ситуации общения, от отношений участников коммуникации. Иронизируя, автор выражает свое отношение к действительности опосредованным путем. Оно реализуется в речи специальными лексико-грамматическими, стилистическими и фонетическими средствами [1. С. 343]. При этом изучение лексических и лексико-грамматических средств выражения модальности и эмоциональности в речи по объёму значительно

превышает научные поиски в области просодики модально-эмоциональных значений.

Целью данной статьи является представление результатов экспериментально-фонетического исследования, направленного на установление и описание роли просодических средств речевого высказывания в формировании модально-эмоциональной коннотации «ирония» в немецком языке, а также выявление роли тонального компонента просодической структуры при реализации данного значения.

В настоящей работе эмоциональность считается неотъемлемой частью категории субъективной модальности, а в связи с тем, что разграничение эмоциональности и модальности не всегда возможно, в исследовании используется термин *модально-эмоциональная коннотация*, под которым понимается субъективное отношение (в том числе и эмоциональное) говорящего к содержанию своего высказывания с учетом объекта речи.

Под коннотацией понимается «сопутствующее значение языковой единицы, которое включает дополнительные семантические и стилистические элементы, устойчиво связанные с основным значением в сознании носителей языка» [2. С. 102] (перевод наш – А.К.). «К числу объективных проявлений коннотации слова следует отнести явления речи, которые обычно не фиксируются в словарях и грамматиках, но воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания с данным словом. Модально-эмоциональные коннотации охватывают всю гамму реально существующих в языке субъективно-эмоциональных оттенков отношения говорящего к сообщаемому, таких как: уверенность, протест, сомнение, удивление, восторг, волнение, ирония» [3. С. 22].

Ирония, как проявление ситуативное, зависимое от контекста, говорящего, слушающего характеризуется наличием выраженного и скрытого смыслов, связанных отношением противоположности или отрицания [4. С. 115]. Данное свойство иронии позволяет адресанту выражать субъективное модально-эмоциональное отношение к адресату, жизненному пространству. Анализ понятия иронии в развитии эстетической мысли дает основание утверждать, что ирония является формой критики, творчески активной формой, которая предполагает сознательное восприятие и отношение со стороны аудитории.

Значительное количество работ посвящено изучению средств разных уровней при выражении модально-эмоциональных коннотаций в целом (Л.Р. Зиндер, В.В. Виноградов, Н.Е. Петров, Т.В. Романова и др.) и модально-эмоциональной коннотации «ирония» в частности (С.С. Гурьева, М.Е. Лазарева, Е.В. Мартыанова, Э. Эггс, У.П. Энгелер и др.). «В речевой коммуникации ироничное высказывание всегда сопровождается интонационным оформлением, которое, накладываясь на лексическую и синтаксическую структуру высказывания, помогает слушателю декодировать его ироничный смысл. Ироничность высказывания в данном случае достигается путем взаимодействия всех вышеперечисленных средств» [5. С. 129]. Так, М.П. Брандес отмечает, что формальным средством выражения иронии являются только интонация и контекст [6. С. 125]. Г.А. Золотова ведущим способом выражения модальности называет морфолого-синтаксический и отмечает при этом важную роль лексико-синтаксических средств выражения модальности и подчеркивает их взаимосвязь с интонацией [7. С. 54]. Таким образом, сочетание просодических средств с мимикой и жестами, а также с лексико-грамматическими средствами (повелительным наклонением, модальными глаголами, модальными частицами, модальными словами, междометиями и т.д.) в реализации субъективной модальности резко увеличивает выразительные возможности говорящего. Это свидетельствует о том, что лексические и лексико-грамматические средства играют важную роль в реализации субъективных модально-эмоциональных значений. В речи они взаимодействуют с просодическими средствами. Однако, в случае отсутствия лексических и лексико-грамматических средств реализации субъективной модальности и эмоциональности, просодические средства выступают самостоятельно.

В проведенном экспериментально-фонетическом исследовании просодические средства реализации модально-эмоциональных значений получили интерпретацию на основе исходных положений общей теории реализации. Теория реализации рассматривает язык как абстрактную систему, которая, проходя процесс нормативной регуляции, находит свое воплощение в конкретных актах речи. С позиции этой теории язык рассматривается как важнейшее средство человеческого общения, является эффективным инструментом в управлении речевой и неречевой деятельностью человека. Языковое

высказывание, построенное коммуникантом с учетом коммуникативной ситуации, воздействует на механизмы мышления, памяти, внимания адресата, мотивируя изменение, прекращение или продолжение им деятельности. Адресат и коммуникативная ситуация являются важнейшими компонентами, оказывающими существенное влияние на выбор говорящим языковых средств всех уровней, в том числе на звуковое и просодическое оформление высказывания [8. С. 148].

Целью исследования являлось изучение роли просодических средств речевого высказывания в формировании модально-эмоциональной коннотации «ирония» в немецком языке и выявление особенностей взаимодействия компонентов просодической структуры (ПС). Материалом исследования послужили записи 196 высказываний, реализованных квазиспонтанно с заданной коммуникативной интенцией 14 дикторами, являющимися жителями Германии и представляющих одну социальную группу: студенты и преподаватели Института фонетики и речевой коммуникации Университета им. М. Лютера города Халле (Заале) в Германии. Для инструментально-акустического анализа и последующего лингвистического анализа основных параметров речевого сигнала было отобрано 24 реализации вопросительных, восклицательных и повествовательных высказываний общей продолжительностью 28 минут, которые были идентифицированы аудиторами как передающие значение иронии в немецком языке. Дикторские реализации обрабатывались с помощью программы *PRAAT* (v. 5.3), позволяющей проводить полноценное акустическое исследование с одновременной визуализацией сигнала и его параметров.

В ходе исследования было установлено, что наряду с темпоральным и динамическим компонентами ПС высказывания с модально-эмоциональной коннотацией «ирония» важную роль выполняет тональный компонент. В результате инструментально-акустического анализа были получены абсолютные цифровые значения следующих тональных характеристик (в Гц): высота частоты основного тона (ЧОТ) в начале высказывания; средний уровень ЧОТ в высказывании; направление движения ЧОТ во всем высказывании; направление движения тона на ядерном, предъядерном и заядерном слогах; тональный диапазон фразы; максимальное и минимальное значение ЧОТ в высказывании;

величина и локализация тональных экстремумов в высказывании. Соотношение тональных характеристик ПС нейтральной и ироничной реализаций высказывания рассмотрим на примере вопросительного высказывания: „*Warum versuchen Sie nicht lieber, sich diese zu holen?*“. Цифровой образец речевого сигнала нейтральной и ироничной реализаций данного высказывания в программе PRAAT (огибающая ЧОТ) представлен на рисунке 1.

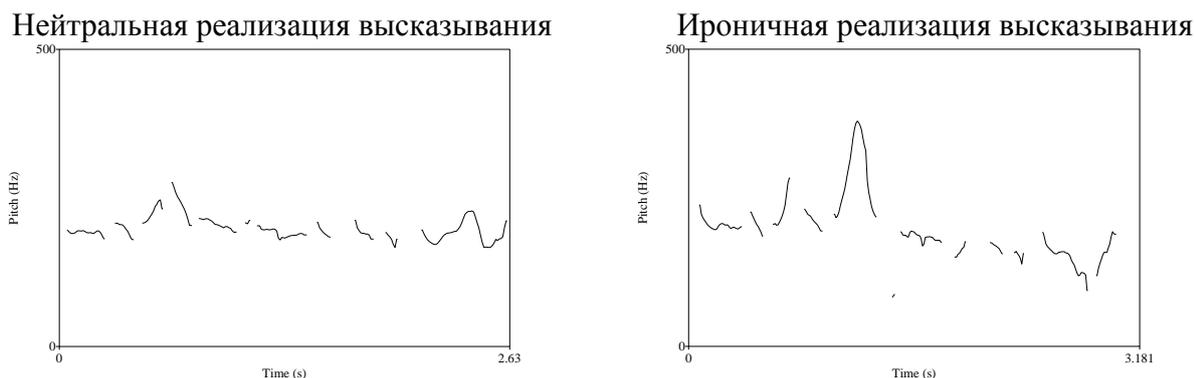

Рисунок 1. Огибающая ЧОТ нейтральной и ироничной реализаций высказывания

Модально-эмоциональная коннотация «ирония» характеризуется более выраженным проявлением и взаимодействием просодических средств и отличается как положительными, так и отрицательными составляющими тонального компонента ПС высказывания. Пример соотношения параметров ЧОТ нейтральной и ироничной реализаций вопросительного высказывания представлен на рисунке 2.

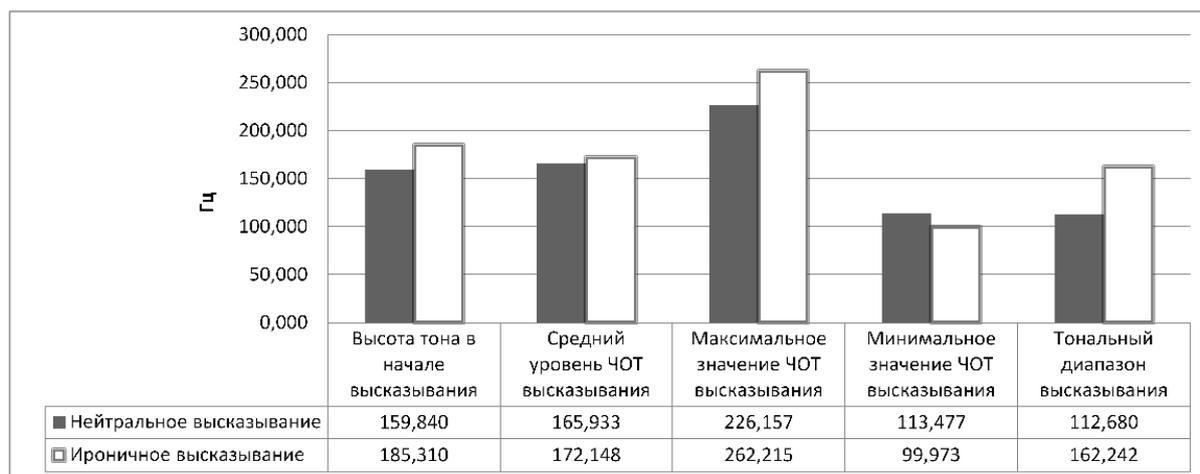

Рисунок 2. Сравнительные характеристики тональных показателей ПС нейтральной (НВЗ) и ироничной (ИВЗ) реализаций инициального высказывания

Высота ЧОТ в начале в начале ИВЗ составляет 185,3 Гц, что на 13,74 % выше высоты ЧОТ в НВЗ, равной 159,8 Гц. Разница между средним уровнем ЧОТ в ИВЗ и НВЗ составляет 3,6 %. При такой небольшой разнице средние уровни нейтральной и ироничной реализаций высказывания находятся в одной области – низкого тонального уровня (167,5 Гц). Наиболее значительные различия между ИВЗ и НВЗ наблюдаются в тональном диапазоне высказываний. Разница между максимальной и минимальной ЧОТ в ИВЗ и в НВЗ составляет 30,55 %. Максимальная ЧОТ в НВЗ (226 Гц) находится в конце ядерной части, в ИВЗ же происходит смещение максимального пика ЧОТ с ядерной части в заядерную и составляет 263 Гц. Направление движения тона на ядерной части ИВЗ и НВЗ восходящее. ИВЗ также характеризуется восходящим направлением движения тона в заядерной части, по сравнению с нисходящим в НВЗ.

Экспериментально-фонетическое исследование просодической структуры ироничной и нейтральной реализаций было проведено в трех коммуникативных типах высказываний. Каждый коммуникативный тип высказывания (вопросительный, повествовательный и восклицательный) отличается своими особенностями по тональному компоненту.

В ходе инструментально-акустического анализа между нейтральными (НВ) и ироничными (ИВ) реализациями вопросительных высказываний была выявлена следующая тенденция вариативности по тональному компоненту ПС. Наиболее заметные расхождения наблюдаются в частотных диапазонах высказываний (см. рисунок 3). Диапазон в ИВ варьируется от суженного к широкому, в НВ – от узкого к среднему.

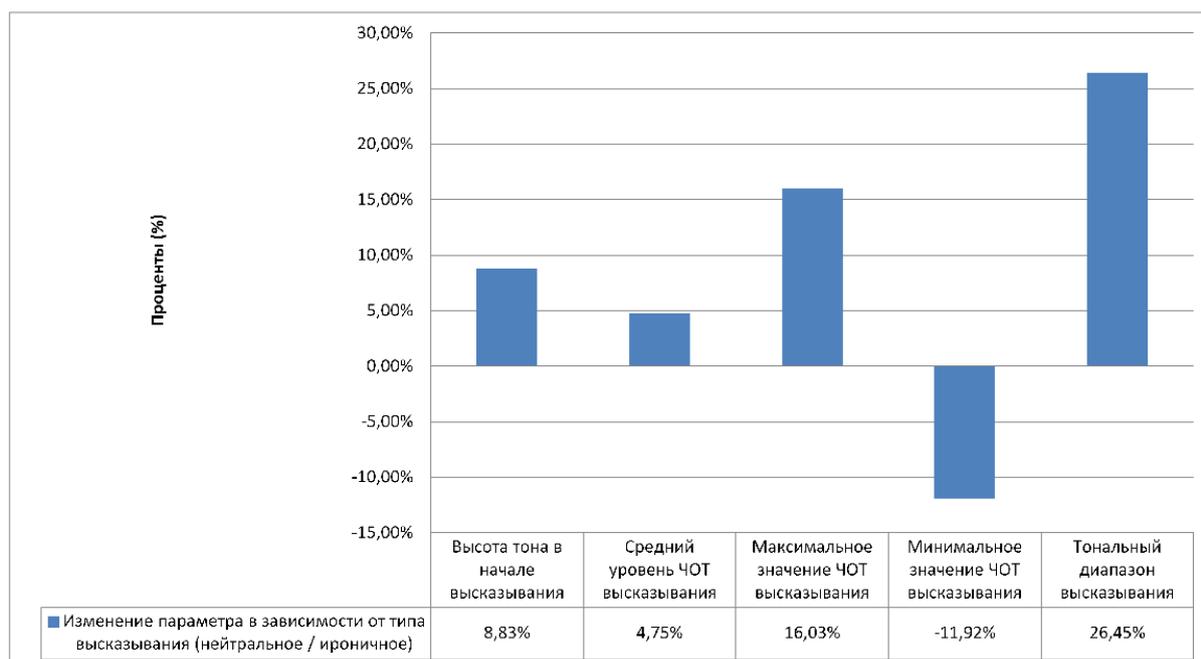

Рисунок 3. Сравнительные характеристики тональных показателей ПС нейтральной и ироничной реализаций вопросительных высказываний (НВ и ИВ)

Ироничные реализации также отличаются от нейтральных увеличением показателей высоты тона в начале высказывания на 8,83 % и среднего уровня ЧОТ во всем высказывании на 4,75 %. Средние уровни нейтральной и ироничной реализаций, несмотря на разницу показателей, находятся в одной области – низкого тонального уровня. В ИВ уменьшается только показатель минимального пика ЧОТ, который ниже, чем в НВ, на 11,92 %. Направление движения тона в ИВ и НВ на ядерном слоге совпадает и характеризуется как восходящее. В заядерной и предъядерной частях НВ и ИВ направление движения тона характеризуется как нисходящее и восходящее соответственно.

Анализ параметров ПС тональных характеристик НП (повествовательных высказываний, реализованных нейтрально, без учета модально-эмоциональной коннотации «ирония») и ИП (повествовательных высказываний, реализованных с учетом модально-эмоциональной коннотации «ирония») выявил следующие расхождения.

Для высказываний, реализованных иронично, характерно увеличение высоты тона в начале высказывания на 9,02 % и среднего уровня ЧОТ высказываний в среднем на 7,20 %.

Величина диапазона высказываний варьируется от узкого к суженному в нейтральных и от суженного к расширенному в ироничных реализациях. Средний показатель диапазона в ИП, таким образом, на 29,01 % выше данного показателя в НП. В ИП наблюдается тенденция к увеличению максимального пика ЧОТ на 15,09 % и к уменьшению показателя минимального пика на 6,84 % по сравнению с НП.

В заядерной части НП зафиксировано ровное движение тона, в ИП – нисходяще-восходящее движение тона. Что касается предъядерной части, то различия наблюдаются в 75 % высказываний, где ровно-нисходящий тон в ИП противопоставлен нисходяще-восходящему в НП.

Анализ нейтральной (НВл) и ироничной (ИВл) реализаций восклицательных высказываний выявил тенденцию как к увеличению (в ИВл по отношению к НВл), так и к уменьшению показателей тональных характеристик ПС. Заметные расхождения наблюдаются в частотных диапазонах высказываний: диапазон в ИВл в среднем на 30,78 % шире данного показателя в НВл, при этом в ИВл он варьируется от узкого к расширенному, в НВл – от суженного к расширенному.

Ироничные реализации инициальных высказываний отличаются от нейтральных увеличением показателей высоты тона в начале высказывания на 13,85 % и показателя максимальной ЧОТ на 15,52 % (в подавляющем большинстве случаев). Направление движения тона в ядерной и заядерной частях ИВл повторяет восходящий и нисходяще-восходящий контур в НВл. Что касается предъядерной части, то ИВл отличается нисходящим направлением движения тона на данном участке, по сравнению с ровным в НВл.

Таким образом, важную роль в формировании ПС высказываний играет тональный компонент. На просодическом уровне значение иронии создается за счет вариаций высоты тона на определенных отрезках мелодического контура, изменения тонального диапазона высказывания от узкого к расширенному, а также за счет изменения максимальных и минимальных частотных значений на ядерном, предъядерном и заядерном слогах высказывания. Ироничная речь характеризуется перепадами – повышением тона в начале высказывания и понижением на определенных его участках, что происходит за счет общего эмоционального состояния говорящего.

Говоря иронично, человек через просодику выражает свое личностное, субъективное (в том числе эмоционально-окрашенное) отношение к содержанию своего высказывания. Иронизируя, человек пытается через просодические средства реализовать как свои отношения, так и личностные качества, такие как чувство превосходства, чувство уверенности, снисхождения.

Просодические структуры высказывания, реализующие коммуникативную и эмотивную функции, подвержены в речи вариативности. Причиной вариативности вышеназванных просодических структур является субъективное отношение (в том числе и эмоциональное) говорящего к содержанию своего высказывания с учетом объекта речи. Овладение вариативными способностями реализации определенных модально-эмоциональных значений является важным компонентом формирования профессиональных компетенций студентов, изучающих немецкий язык. Предложенная методика может быть использована при контроле сформированности произносительных навыков студентов языковых вузов [9. С. 93].

Модально-эмоциональная коннотация «ирония» представляет собой разновидность прагматической информации не о предметах и явлениях, а об определённом отношении к ним. Модально-эмоциональная коннотация «ирония» реализуется в речи посредством просодических средств, которые, модифицируясь, образуют определенную просодическую структуру, коррелирующую с данной коннотацией. Просодическое оформление модально-эмоционально окрашенных высказываний, способных передавать значение иронии в немецком языке, не зависит от их лексического наполнения. Варьирование просодических средств в процессе реализации модально-эмоциональной коннотации «ирония» происходит также в зависимости от коммуникативного типа высказывания.

Библиографический список

1. Clyne M. Einige Überlegungen zu einer Linguistik der Ironie // Zeitschrift für deutsche Philologie. Berlin: Schmidt, 1974. S. 343-355.
2. Plett H.F. Textwissenschaft und Textanalyse: Semiotik, Linguistik, Rhetorik. Heidelberg: Quelle und Meyer, 1975. 354 S.

3. Кузьмичева А.А. Просодические средства реализации иронии в современном немецком языке (экспериментально-фонетическое исследование): Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2011. 194 с.
4. Kohvakka H. Ironie und Text: Dissertation. Frankfurt am Main: Lang, 1997. 327 S.
5. Кузьмичева А.А., Саможенов С.Н., Шимичев А.С. Модально-эмоциональные коннотации и грамматические средства их выражения на занятиях по иностранному языку // Функциональные аспекты языка: традиции и перспективы: Материалы Чтений памяти профессора А.Т. Кукушкиной. Ч. 1. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2014. С. 125-133.
6. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М.: Высш. шк., 1990. 320 с.
7. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.
8. Каспранский Р.Р. Роль коммуникативно-ситуативных координат в сжатии плана выражения языкового высказывания // Вестник Харьковского ун-та. Лингв.-дидакт. аспекты исслед. герм и ром. яз.: Сб. науч. тр. 1986. № 290. С. 38-43.
9. Жарёнова Н.В. Контроль сформированности произносительных навыков студентов языковых вузов // Социосфера. 2010. № 1. С. 91-94.

Сведения об авторах

Кузьмичева Анна Александровна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: anna_fromm@mail.ru

Жарёнова Наталья Вячеславовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: dmitrab@yandex.ru

Саможенов Сергей Николаевич
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики немецкого языка,
декан факультета романо-германских языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: samozh@lunn.ru

УДК 811.161.1'22

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМИОТИКИ
КОММЕРЧЕСКИХ ЗНАКОВ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ
ЛАНДШАФТЕ МОСКВЫ
(на материале надписей на детских игрушках)**

Г.И. Купцова

Московский городской педагогический университет, Москва

В статье излагаются результаты исследования, проведенного методом описания фрагмента лингвистического ландшафта – новой модели фиксации и анализа социального семиозиса мегаполиса. В качестве объекта исследования выбраны коммерческие знаки, представленные на детских игрушках. Установлены языки, используемые в текстах, нанесенных на детские игрушки, и обсуждена степень их представленности; при этом выделены три группы текстов по критерию представленности русского языка. Показано проникновение ряда языков (в первую очередь, английского) в функциональное пространство русского языка. Исследование показало ярко выраженный контакт языков и сужение сферы функционирования русского языка.

Ключевые слова: глобализация, повседневность, лингвистический ландшафт, языковые контакты, русский язык.

**Semiotics of Commercial Signs in the Linguistic Landscape of Moscow
Galina Kuptsova**

The article presents the results of the research project that describes a fragment of a linguistic landscape: a new model for recording and analyzing the semiotics of the metropolis. Focusing on commercial signs found on children's toys, the study identifies languages used in the inscriptions, discusses the frequency of their appearance, and specifies three groups based on the appearance of Russian. The research also demonstrates interference of other languages (mostly English) in the functional space of the Russian language and presents an excellent case study of language contact and the narrowing scope of the Russian language's operation.

Key words: globalization, everyday life, linguistic landscape, language contacts, the Russian language.

Рубеж XX-XXI вв. характеризуется целым рядом социальных изменений, вызванных глобализацией. Одна из характерных черт сегодняшнего состояния языка и общества – высочайшая скорость изменений, вызванная глобализацией и сменой технологий. На функционирование языка воздействуют: изменение технических условий коммуникации и самой среды функционирования языка; повышение интенсивности языковых контактов; рост многоязычия; изменение сфер функционирования языков и их социального

престижа; «перереформатирование» языковых ситуаций и т. п. Формирование новой реальности в значительной мере совершается через изменение языковой картины мира, перестраиваемой для фиксации новых явлений и создания новых связей между семантическими областями, для обслуживания новых социальных институтов и т. д.; усиливается роль языковых идеологий, активизируются механизмы социального конструирования; ускоряется динамика языковых изменений [1; 2]. Сущностной чертой глобализации является ее неравномерный характер, взаимодействие глобального и локального («глокализация»), при котором мегаполисы представляют собой зону наиболее интенсивных трансформаций. В связи с этим возрастает значение научного осмысления, систематизации и прогнозирования дальнейшего развития человека, языка и общества через исследование социального семиозиса мегаполисов, что, в частности, реализуется как исследование языкового ландшафта города.

Скорость языковых и социальных изменений часто не позволяет изучить их при помощи традиционных моделей (противопоставления языка и речи, уровневого представления языковой системы и др., восходящих к идеям Ф. де Соссюра) [3]. Одно из методологических оснований нового описания – концепция повседневности. Повседневность рассматривается как «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира» [4. С. 138]; как социальная практика, в которой преломляются главные константы человеческой жизни, происходит рутинное коммуникативное взаимодействие [5]; «как процесс жизнедеятельности индивидов, который разворачивается в общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий» [6].

В наиболее ярком виде концепция повседневности реализуется, на наш взгляд, в методе описания городского языкового пейзажа, получившем английское название *Linguistic landscape* [7; 8] – лингвистический ландшафт. Лингвистический ландшафт (ЛЛ) – один из способов описания повседневного существования языка, состоящий в исследовании письменных знаков в пространстве городской среды [9]. Изучение ЛЛ позволяет выявить закономерности и модели, представляющие различные «способы, которыми люди, группы, ассоциации, институты и государственные учреждения соревнуются в игре символов внутри сложной реальности» [10. Р. 27]

(здесь и далее перевод наш – Г.К.). Подробно о ЛЛ как новом социолингвистическом методе см. в [11; 12].

В 1997 г. Р. Лоундри и Р. Борхис впервые применили это понятие в социолингвистике: «ЛЛ раскрывает присутствие и соотношение / преобладание языков в общественных и коммерческих знаках на данной территории или в данном регионе» [13. Р. 23]; это «язык дорожных знаков, рекламных щитов, названий улиц и общественных знаков госучреждений, он формирует лингвистический пейзаж территории, региона или городской агломерации» [13. Р. 25]. Эвристический потенциал ЛЛ описывается следующим образом: «изучение языка знаков городской среды позволяет выделить среди других факторов социальное расслоение общины, относительный статус различных социальных сегментов и доминирующие культурные идеи» [14. Р. 38]. ЛЛ может также служить инструментом исследования языкового контакта, его динамики, скрывающихся за ним социальных отношений и многих других показателей жизни языка и его взаимодействия с другими семиотическими системами. Представленность языка в ЛЛ – важный показатель его витальности [15].

ЛЛ представляет собой сложную многомерную сущность, поэтому его изучение может проводиться многоаспектно: по типам письменных знаков, по представленности различных языков; по тематическим областям и т. д. Описание ЛЛ – часть урбанистической лингвистики [16; 17; 18; 19; 20]. Инновация в языковом описании при помощи этого метода – учет пространственных характеристик текстов городской среды – места расположения, размера надписи, окружения; возможность описать мозаичность языка, приближенную к реальным условиям его существования, а также социокультурный контекст знака.

При описании ЛЛ различают, например, знаки *муниципальные* (связанные с деятельностью местных администраций), *коммерческие* (реклама, ярлыки, ценники и под.) и *трансгрессивные* (продукт индивидуального творчества – граффити и под.) [21]. Для исследования нами избраны коммерческие знаки в сфере «детские товары». За единицу описания принят *текст, нанесенный на материальный объект*, то есть на упаковку или непосредственно на игрушку, если на ней есть надпись.

Надпись (inscription) характеризуется как составляющая повседневного функционирования языка в ЛЛ и определяется как «письменное использование языка, не имеющее идентифицируемого отправителя и не рассчитанное на конкретных / определенных получателей. Они могут быть прочитаны (получены) любым человеком, оказавшимся на достаточном расстоянии. Они не возникают из личных отношений, не создают и не развивают их; они и не интерпретируются таким образом (в отличие от диалога)» [22. Р. 460].

Сбор надписей проведен нами в Москве в 2010-2014 гг. Рассматривалась видеовербальная составляющая одной упаковки игрушки. Проанализировано 436 единиц. Выявлены три группы надписей: игрушки с надписями на одном языке; игрушки с текстами на двух языках и игрушки с текстами более чем на двух языках. Количество текстов первой группы составило 65 % от общего количества исследованных текстов, второй – 25 % и третьей – 10 %.

1. Группа игрушек с надписями на одном языке имеет две подгруппы: а) игрушки с текстами на русском языке и б) игрушки с текстами на английском языке. В группе моноязычных текстов доля английского составляет 63,50 %, а доля русского языка – 36,50 %.

2. Группа игрушек с надписями на двух языках имеет следующие подгруппы:

- а) игрушки с англо-русскими текстами;
- б) игрушки с англо-иноязычными текстами;
- в) игрушки с иными билингвальными текстами, где отсутствуют как русский, так и английский языки.

3. Группа игрушек с надписями на трех и более языках делится на подгруппы, где: а) присутствует русский язык; б) отсутствует русский язык; г) присутствует английский язык; д) отсутствует английский язык.

В группе двуязычных текстов доля англо-русских текстов равна 92 %, англо-иноязычных текстов – 5 %, а доля иноязычных билингвальных текстов – 3 %.

Третья группа (многоязычные тексты) составила 110 единиц; надпись в ней представлена как минимум на трех языках, при этом русский язык представлен минимально – менее 3 %. Были выявлены следующие языки (см. табл. 1).

Таблица 1

Языки многоязычных надписей на детских игрушках

Название языка	Количество единиц	Количество единиц в процентах
Английский	17	15 %
Французский	16	14 %
Испанский	15	14 %
Итальянский	11	10 %
Немецкий	10	9 %
Португальский	8	7 %
Нидерландский	8	7 %
Польский	4	4 %
Русский	3	3 %
Турецкий	2	2 %
Словенский	2	2 %
Румынский	2	2 %
Яванский	1	1 %
Греческий	1	1 %
Шведский	1	1 %
Датский	1	1 %
Финский	1	1 %
Норвежский	1	1 %
Язык не определен	6	5 %

Как видно из таблицы, частотность языков неравномерна. В этой группе английский язык присутствует в 15 % случаев и отсутствует в 85 %, а русский язык присутствует в 3 % случаев и отсутствует 97 %. Таким образом, доля английского языка на упаковке значительно превышает долю русского языка. Другие языки – испанский, немецкий, французский, португальский, греческий – также представлены на упаковках, однако в меньшей степени, чем английский язык.

На следующем этапе анализа будут рассмотрены пространственные характеристики надписей и их соответствие нормативным документам, в число которых нами включены Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» (53-ФЗ) 2005 г. и Федеральный закон «О рекламе» (38-

ФЗ) 2005 г., а также текст ГОСТ 25779-90 «Игрушки. Общие требования безопасности и методы контроля».

В лингвистическом ландшафте Москвы на рубеже веков наблюдается ярко выраженный контакт языков. В подтверждение идей, высказанных в [23], исследование показало, что в изучаемой области английский (и в меньшей степени другие иностранные языки) вторгаются в функциональное пространство русского языка и в ряде случаев даже вытесняют его. Нарушение языкового законодательства, таким образом, не может считаться допустимым.

Библиографический список

1. Гриценко Е.С. Язык. Гендер. Дискурс. Н. Новгород, 2005. 267 с.
2. Гриценко Е.С., Кирилина А.В. Язык и глобализация: задачи и направления социолингвистического анализа // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. Филология, 2010. № 6. С. 14-21.
3. Blommaert J.A. The Sociolinguistics of Globalization. Cambridge University Press, 2010. 230 p.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. 323 с.
5. Goehrke C. Russischer Alltag. Eine Geschichte in neun Zeitbildern vom Frühmittelalter bis zur Gegenwart. Band 1: Die Vormoderne. Zürich. Chronos Verlag, 2003. Band 2: Auf dem Weg in die Moderne, 2003. Band 3: Sowjetische Moderne und Umbruch. Zürich. Chronos Verlag. 2005.
6. Российская повседневность в условиях кризиса // Электронный ресурс Интернет: http://www.perspectivy.info/rus/nashe/rossijskaja_povsednevnost_v_uslovijah_krizisa_vzglad_sociologov_2010-03-16.htm.
7. Backhaus P. Signs of multilingualism in Tokyo – a diachronic look at the linguistic landscape // International Journal of the Sociology of Language. V. 2005. Issue 175-176. P. 103-121.
8. Backhaus P. Linguistic Landscape. A comparative Study of Urban Multilingualism in Tokio // Multilingual Matters (136). NY – Ontario: Clevalon, 2007. P. 48-88.
9. Backhaus P. Rules and regulations in linguistic landscaping: A contrastive perspective // Florian Coulmas (ed.). Language Regimes in Transformation. Future Prospects for German and Japanese in Science, Economy, and Politics (Contributions to the Sociology of Language 93). Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2007. P. 152-172.

10. Linguistic Landscape as symbolic construction of the public space: the case of Israel / E. Ben-Rafael, E. Shohamy, M.H. Amara, N. Trumper-Hecht // *International Journal of Multilingualism*. 2006. 3 (1). P. 7-30.
11. Кирилина А.В. Описание лингвистического ландшафта как новый междисциплинарный метод исследования языка // *Электронный ресурс Интернет*: <http://cognitive.rggu.ru/section.html?id=>.
12. Кирилина А.В. Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология»*. 2013. №24. Вып. 5 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». С. 159-167.
13. Laundry R., Bourhis R.Y. Linguistic landscape. And ethnolinguistic vitality: An empirical study // *Journal of Language and Social Psychology*. 1997. 16 (1). P. 24-49.
14. Reh M. Multilingual writing: A reader oriented typology – with examples from Lira Municipality (Uganda) // *International Journal of Sociology of language*. 2004. 170. P. 1-41.
15. Barni M., Bagna C. Linguistic landscape and language vitality // Shohamy E., Ben-Rafael E., Barni M. (eds). *Linguistic Landscape in the City*. NY, Bristol: North York, 2010. P. 3-19.
16. Иванов В. В. Проблемы урбанистической лингвистики // *Язык и общество в современной России и других странах*. М., 2010. С. 19-24.
17. Подберезкина Л.З. Лингвистическое градоведение (о перспективах исследования языкового облика Красноярска) // *Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методич. бюлл. / Под ред. А.П. Сковородникова*. Вып. 6. Красноярск-Ачинск, 1998. С. 22-30.
18. Шмелева Т.В. Город как текст: Bydgoszcz / Быдгощ // *Dzieło literackie jako dzieło literackie = Литературное произведение как литературное произведение / Pod red. A. Majmieskulow*. Bydgoszcz, 2004. С. 493-507.
19. Шмелева Т.В. Язык города: опыт изучения и перспективы // *Аналитический сборник по результатам мониторинга функционирования русского языка в г. Севастополе: Сб. ст. / Сост. Ю.Л. Ситько*. Севастополь, 2007. С. 106-159.
20. Шмелева Т.В. Имена городских улиц как предмет лингвистического интереса // *Слово и текст: история, культура, этнос: Сб. памяти Л.Я. Петровой*. Сыктывкар, 2009. С. 237-241.
21. Scollon R, Scollon S.W. *Discourses in Place: Language in the Material World*. London and New York: Routledge, 2003.

22. Wienold G. Writing, inscription and texts // *Origins of semiosis: sign evolution nature and culture* / Ed. by W. Nöth. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994. P. 455-478.

23. Кирилина А.В. Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психические границы языка (на материале русского языка Москвы) // *Вопросы психолингвистики*. 2011. №2. С. 30-39.

Сведения об авторе

Купцова Галина Ивановна
аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики
Института иностранных языков
Московского городского педагогического университета
E-mail: succub25@mail.ru

УДК 811.112.2'42:27

РЕЛИГИОЛЕКТЫ И КОНФЕССИОЛЕКТЫ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА¹

Е.В. Плисов

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются различные подходы к интерпретации таких понятий, как религиозный язык, религиолект, конфессиолект. Описывается структура современного немецкого религиозного дискурса, анализируются языковые единицы, маркированные в словаре пометами, которые свидетельствуют о религиозной или конфессиональной окраске слов, лексико-семантических вариантов и примеров употребления.

Ключевые слова: немецкий религиозный дискурс, язык религии, религиозный текст, церковный язык, конфессия, религиолект, конфессиолект, религиозная лексика.

Religiolects and Confessiolects in the Structure of Modern German Religious Discourse Evgeny Plisov

The article studies different approaches to the interpretation of concepts “religious language”, “religiolect”, and “confessiolect,” analyzing the structure of modern German religious discourse as well as language units registered in the dictionary: religious or confessional colored words, lexical-semantic variants, and examples of usage.

Key words: German religious discourse, language of religion, religious text, church language, confession, religiolect, confessiolect, religious vocabulary.

Дискуссии о статусе языка в религиозной сфере коммуникации связаны по большей части с несколькими подходами в интерпретации его роли в общении человека с Богом и людей друг с другом. В настоящее время язык религии изучается с теологических, лингвокультурологических, когнитивных, дискурсивных, лингвистических позиций. Целью настоящего исследования является описание основных подходов к изучению языка религиозной сферы и анализ языковых манифестаций в зависимости от религиозной и конфессиональной принадлежности носителей современного немецкого языка.

¹ Работа выполнена в рамках реализации государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, проект 1321 «Современный религиозный дискурс: структура и стратегии развития».

В современной германистике одним из первых ученых, обратившихся к изучению языка религиозной сферы, был Э. Лорей. Анализируя механизмы передачи религиозной информации в процессе массовой коммуникации, он отмечает существование самостоятельного церковного языка (*Kirchensprache*) [1. S. 74-75]. Ученый критикует церковный язык за его абстрактность, закрытость, замкнутость, отдаленность от потенциального слушателя. Причины таких характеристик он видит в богословском образовании его носителей, когда в краткой речевой формуле скрываются целые фрагменты религиозной истории и религиозного опыта, недоступные в такой форме обычному слушателю. Языковая манифестация религиозных идеологем должна претерпеть, по мнению автора, серьезные изменения, вызванные трансформацией современных общественных отношений [1. S. 75, 77]. По сути, автор в некотором смысле предвосхищает выделение церковного (религиозного) социолекта, или религиолекта, под которым в настоящее время понимается «относительно устойчивая, социально маркированная подсистема национального языка, обслуживающая речевые потребности ограниченной социальной группы верующих людей, отражающая теоцентрическую картину мира и характеризующаяся фонетическими, лексическими, словообразовательными и грамматическими особенностями» [2. С. 13]. И в этом смысле, как бы ни хотел сам автор, язык верующих, или язык церкви, останется относительно замкнутой подсистемой языка хотя бы потому, что действует по законам, хорошо известным в социолингвистике.

Второй особенностью позиции Э. Лорея является выражение общих устремлений в церковных и околоцерковных кругах западного христианского мира в 1960-х гг. к демократизации и популяризации церковной жизни. Это касается, в первую очередь, католической церкви, в которой в это время велись активные дискуссии относительно языка богослужения, внутренней и внешней миссии и т. п. В этом контексте «опрошение» языка касается, скорее всего, языка проповеди и языка миссии.

Изучению механизмов коммуникации между церковью и миром посвятил свои работы также Э. Эфнер, который исследует специфику интенциональной структуры сообщения церкви миру и предлагает модель, в использовании которой видит успешность коммуникации с точки зрения ее получателя, т. е. мира. Дихотомическая модель

«церковь – мир», по мнению ученого, является устаревшей и нуждается в реформировании [3. S. 28]. Э. Эфнер указывает на необходимость трансформации этой модели коммуникации в иную – в модель содействия, для которой будут характерны взаимовлияние, равноценность участников коммуникации, а это, в свою очередь, окажет влияние и на ее языковое оформление [3. S. 37]. Автор подробно описывает функциональные задачи Слова Божиего, общества и церкви как участников этого процесса коммуникации, в основном опираясь на коммуникативную ситуацию проповеди. Предлагая обновленную модель, он называет церковь целью и предпосылкой такой коммуникации, саму коммуникацию идентифицируя с верой. Участники должны быть открыты друг другу, только в такой ситуации возможно возвращение языка веры, когда человек способен услышать говорящего Бога и вербализировать свою веру [3. S. 50].

Очевидно, что существенное влияние на работы Э. Эфнера и других лингвистов и богословов оказали труды виднейших теологов XX века Э. Брунера, Р. Бультмана, П. Гиллиха по герменевтике сакральных текстов, в частности, так называемая теология «снизу», для которой характерен антропологический и антропоцентрический подход. Так, в работе «Иисус Христос и мифология» Р. Бультман указывает на условия актуализации Божественного Слова в этом мире: «Понимание Бога как Творца подлинно лишь в том случае, если я здесь и теперь понимаю себя как Его творение» [4. С. 236]. Далее он пишет: «Действие Бога не указывает на событие, которое я могу заметить, не будучи вовлеченным в это событие как в действие Бога и не участвуя в нем как тот, на кого это действие направлено. Иначе говоря, разговор о Боге как о Действующем включает события личного существования человека. Встреча с Богом может быть для человека событием лишь здесь и теперь, потому что его жизнь ограничена временными и пространственными рамками. Говоря о Боге как о Действующем, мы подразумеваем, что мы предстоим Богу, что Он к нам обращается, спрашивает нас, судит или благословляет» [4. С. 239].

Одним из первых ученых, посвятивших свои работы взаимоотношению лингвистики и теологии и изучению возможностей использования терминологического и понятийного аппарата лингвистики для исследования религиозных текстов, был П. Хартман.

Он отмечает, что первые исследования религиозных текстов были предприняты с позиций структурной лингвистики, однако указывает на необходимость поиска более совершенной феноменологии языка, разработки текстовой грамматики с учетом религиозной компоненты, необходимости анализа новых конструктов в аспекте символизации языка в религиозных текстах. По его мнению, насущной задачей является переход от лексемной семантики к текстовой семантике, а также разработка новых подходов в интерпретации текста. Сомневаясь в исчерпывающей описательности термина «религиозный текст», П. Хартман все же указывает на имеющуюся тенденцию в его использовании [5. S. 116]. Важным представляется и замечание ученого о специфике взаимодействия теологии и лингвистики. В то время как лингвистика будет стараться изучать религиозную компоненту доступными ей формальными методами, пишет ученый, теология должна помочь лингвистике найти новое измерение и новые технологии в методике изучения религиозных текстов [5. S. 118]. Ученый предлагает выделить в качестве необходимых следующие компоненты анализа религиозных текстов: разработку семантики слова по отношению к историческим религиозным текстам для установления значения имен в минимальных контекстах; разработку семантики предложения и текста, основой которой может выступить ориентированная на текст теория значения; изучение семантики слова, предложения и текста в соответствующих экзегетических текстах; компаративный анализ систематических соответствий / несоответствий в религиозных текстах и богословских интерпретациях; сопоставительное изучение религиозных текстов и современных им «профанных» текстов [5. S. 124-125].

Следует отметить, что за прошедшие десятилетия изменилось отношение к самому понятию «религиозный текст». Применение методов функциональной лингвистики привело к описанию функционально-стилистической дифференциации религиозных текстов, к которым теперь относят не только тексты религиозного содержания, но и другие тексты (церковно-юридические, административные и т. д.), которые используются в религиозной сфере коммуникации, в церковной среде. Хотя в целом предложенный автором системный анализ содержательной стороны религиозных текстов имеет значение и для многих современных исследований.

Б. Клаус, размышляя о формируемой теологической теории церковной коммуникации, предлагает использовать в качестве основы поиска достижения теории коммуникации, но обязательно с учетом специфики тех функций, которые реализует язык в сфере религиозной коммуникации. Он предлагает выделить антропологический, христологический и экклесиологический аспекты. Под первым он понимает способность звучащего слова выступать в качестве конституирующего фактора самого человека, который создан словом Бога, вступает с Ним в коммуникацию посредством слова, осваивает окружающий мир с помощью слова [6. S. 21]. При этом автор указывает и на то, что возможен разрыв этой коммуникационной цепочки: человек нарушив заповеди, данные ему словом, разрывает идеальный круг общения Бога и человека. История строительства Вавилонской башни показывает попытку человека исключить из своего круга Бога, что приводит к утрате самого языка. И наоборот – привлечение к своей деятельности Бога приводит к коммуникативному успеху (сошествие языков). Б. Клаус отмечает в этой связи: «Спасение понимается как освобождение от давления я-ориентированной изоляции и переход к новой коммуникативной способности и жизнеспособности через восстановление утраченного языка» [6. S. 21-22] (здесь и далее перевод наш – Е.П.). Можно утверждать, что язык позволяет человеку реализовывать свою религиозную сущность. Это взаимозависимые явления.

Христологический аспект церковной коммуникации автор видит в изначальном диалоге божественного и человеческого, которые присутствуют в Господе Иисусе Христе, в Его природе: «Он [Иисус] оригинальный инаугуратор действующего слова как таковой, и то, что Он благовествует, это “собственное Слово” Бога, а именно Он Сам; это сообщение Себя как окончательного единения, *communio* Бога с человеком в Нем и через Него» [6. S. 22]. Экклесиологический аспект заключается в богослужении как коммуникативном акте, соединяющем Бога и верующих людей.

Коммуникативный подход в изучении текстов религиозной сферы коммуникации характерен и для других ученых. Предлагая некоторые основы лингвистического анализа богослужений, И. Верлен указывает на особую функцию лингвиста, который должен выступать в качестве реконструирующего наблюдателя, дескриптора, но не прескриптора. Такая позиция позволит ему с большей степенью

достоверности установить статус богослужения как коммуникативного действия, которое может быть инструментальным или символическим, индивидуальным или коллективным, простым или сложным [7. S. 79, 82]. В результате анализа ученый приходит к выводу о том, что богослужение является символическим, коллективным, частично конститутивно языковым, комплексным, производящим и в своей основе интерактивным коммуникативным действием [7. S. 84].

Понятийно-терминологический аппарат теории коммуникации прочно закрепился в литургике и используется представителями этой науки для характеристики языка богослужения. Так, например, Т. Бергер в своих трудах указывает на специфику взаимоотношения двух коммуникантов в богослужении – Бога и человека [8. S. 802]. Т. Бергер отмечает перформативный характер языка литургии; по ее мнению, многие речевые действия в составе литургии являются совершающими, исполняющими, творящими; в языке литургии реализуется не просто языковое сообщение, она есть некоторое речевое событие, а именно встреча человека, к которому обращается Бог, и вопрошающего Бога, который ожидает ответа [8. S. 802]. Таким образом, диалогичность литургического языка заключается в изначальном «вопросе» Бога и «литургическом ответе» человека, основной формой которого является молитва. Т. Бергер отмечает также различное внешнее проявление языка литургии (поэтический, богатый язык восточных церквей; ограниченный, стилизованный язык католической церкви; дидактически ориентированный язык протестантских общин), а также полифоничность языка литургии, когда могут сливаться в один голос язык Ветхого Завета, язык сочиненного М. Лютером псалма и язык юного проповедника. Наряду с немецким звучит древнееврейский и древнегреческий. В этом литургическом многоязычии исследователь видит и проявление одного из основных принципов пастырского богословия – учет языка (в широком смысле) молящейся общины: «литургическое многоязычие – это <...> принятие с готовностью присутствия Бога в многоязычном народе Божиим» [8. S. 806].

Анализируя использование языка в религиозной сфере, К. Байер указывает на сложность и взаимозависимость светского и религиозного языка, отмечая при этом первичность религиозной модели мира и прототипичность религиозных конструктов для их

светских аналогов [9. S. 7]. Во многих лингвокультурных сообществах для этих сфер используются разные языки, как например, церковнославянский и русский, латынь и немецкий, санскрит и хинди, которые могут находиться в историческом и типологическом родстве. В том случае, если в обществе нет таких языков, единственный язык для сакральной и профанной сфер коммуникации имеет тенденцию к варьированию, он реализует широкий спектр контекстуально обусловленных и сакрально маркированных лексических синонимов, словоформ, морфологических вариантов, синтаксических структур и текстовых форм.

Рассмотренные позиции в изучении понятий «религиозный язык» и «религиозный текст» свидетельствуют о различном понимании обсуждаемых предметов, и здесь важно отметить характерные черты этих исследовательских усилий. Во-первых, начиная с 1970-х гг., наметилась тенденция к взаимодействию лингвистики и теологии. Теология активно осваивает понятийно-терминологический аппарат лингвистики, вместе с тем вырабатывая свои подходы к критическому анализу религиозных текстов и религиозного языка (языка верующих). Те или иные подходы оказываются востребованными в зависимости от уровня развития лингвистики в определенные временные отрезки. Во-вторых, это взаимодействие касается исследования различных сфер использования религиозного языка – языка проповеди и молитвы, языка исповеди, языка верующих (в качестве религиолекта или конфессиолекта), языка церковных СМИ и т. д. Систематизация и классификация жанров религиозной коммуникации могла бы способствовать дальнейшему развитию типологии религиозных текстов, теории речевых жанров и др. В-третьих, использование понятийно-терминологического аппарата лингвистики (например, теории коммуникации) очевидно, способствовало обогащению теологии и ее направлений, помогло глубже понять и точнее описать механизмы коммуникации в религиозной сфере. Думается, что уточнение самих понятий «религиозный язык» и «религиозный текст» должно произойти с дальнейшим взаимодействием теологии и лингвистики, которое будет полезно обоим наукам.

Современный немецкий религиозный дискурс характеризуется гетерогенной структурой, обусловленной внешними и внутренними

факторами (прим. 1). В современной лингвистике используется несколько понятий для описания гетерогенности немецкого религиозного дискурса. Наряду с понятиями *религиозный язык*, *язык религии* используются также понятия *теолект*, *теоглоссия*, *религиолект*, *конфессиолект*, *язык конфессии*, *субконфессиолект*, *этноконфессиолект* и другие, которые также требуют некоторого пояснения.

В научной дискуссии конца 1990-х – 2010-х гг. немецкий германист и медиевист А. Гройле отмечает, что отказ от термина «сакральный язык» (*Sakralsprache*) в настоящее время представляется неоправданным, требуется дальнейшее обсуждение ключевых для теолингвистики понятий и терминов, где локализация и терминологическое значение «сакрального языка» будут уточняться [10]. Он напоминает, что еще в 1968 г. К. Морман предложила несколько характеристик сакрального языка [11], которые возможно отнести к его конституирующим признакам: сакральный язык существенно возвышается над языком повседневного общения; в сакральном языке религиозный опыт выполняет системообразующую и системорегулирующую функции (прим. 2); сакральный язык является вариантом языка, в котором обнаруживается глубинная стилизация языка под воздействием коллективного религиозного опыта и потребностей. К сакральным языкам ученая относит, например, язык древнегреческих оракулов, древнееврейский язык иудейского богослужения, церковнославянский язык, латинский язык в богослужении католической церкви и др. К языковым аспектам глубинной стилизации относятся консерватизм, использование заимствованных слов, синтаксическая и фонетическая стилизация. Сакральные языки могут быть первичными, т. е. с самого начала использоваться в такой функции, или естественные языки могут приобрести сакральный характер, когда с течением времени языковые формы, в том числе стилистические, обособляются, систематизируются и закрепляются в языке как сакральные, или иератические (прим. 3). А. Гройле предлагает также начать дискуссию о взаимоотношении понятий «сакральный язык», «теолект» и «литургический язык» [12]. Под первым он понимает язык, который используется в отношении коммуникативной ситуации богослужения и характеризует используемые во время богослужения тексты. Под теолектом (во взаимосвязи с такими явлениями языковой

вариативности, как социолект, диалект и др.) он понимает в большей степени гиперонимическое по отношению к сакральному языку явление, поскольку теолект может проявляться в различных коммуникативных ситуациях, в том числе в научной сфере и средствах массовой информации. Литургический язык (*Liturgiesprache*) А. Гройле считает не богослужебным языком, а исключительно специфическим языком литурга, вместе с языком общины он входит в качестве гипонима в понятие «сакральный язык». В работе «Теонимы» ученый определяет теолект как объект теолингвистики и сумму действующих в одном или всех языках теолектальных коммуникатов устной или письменной природы, «речь идет о языковых выражениях, которые связаны с Богом (*theós*), будь то ситуация, когда говорится о Боге или с Богом, будь то языковые выражения, которые понимаются как выражения самого Бога» [13. S. 13]. Другими словами, теолект – это тот вариант коммуникации, где «Бог выступает в качестве отправителя, получателя или содержания» [13. S. 13]. В этом ракурсе А. Гройле пытается доказать и предпочтительность обозначения направления научного поиска «теолингвистика» (*Theolinguistik*) вместо использовавшегося ранее «язык и религия» (*Sprache und Religion*): речь идет о том, чтобы научно описать, как человеку удастся или удавалось с помощью языка коммуницировать о Божественном [13. S. 13]. Благодаря своей близости к теологии теолингвистика рассматривается до сегодняшнего дня в большей степени в христоцентрическом аспекте, хотя ее потенциал значительно шире, и в последние годы появляются работы по исследованию неевропейских языков в аспекте их взаимодействия с божественным и / или сакральным [14; 15; 16; 17; 18; 19].

Наряду с понятием «теолект» некоторые исследователи выделяют также «базилеолект» как язык господствующего класса, в том числе как составляющую теолекта в условиях, когда правители либо обожествляются, либо наделяются способностью транслировать божественное слово [20].

Кроме понятия «теолект» ученые используют также понятие «религиолект». Э. Кречмер выделяет религиолект наряду с другими «лектами» языка: социолектом, диалектом, сексолектом, геронтолектом, хронолектом, идиолектом и др., количество «лектов» потенциально не ограничено [21. S. 157]. Под ними автор понимает

«конструкты, которые как таковые возникают из наблюдения над языковой действительностью, но при этом этой действительностью не являются» [21. S. 156]. Поскольку с их помощью может быть упорядочена языковая действительность, они, по мнению автора, обладают дискретной природой: «они разделяют на уровне “*langue*” то, что на уровне “*parole*” никогда не будет разделенным. <...> Это зависит от позиции наблюдателя, какие варианты он свяжет в один лект, чтобы отличить его от других лектов» [21. S. 156].

Идея рассмотрения внутрирелигиозных процессов в их взаимосвязи с политическими, культурными, языковыми изменениями опирается на общественные процессы конфессионализации (*Konfessionalisierung, Konfessionsbildung*) и секуляризации Германии в XVI-XVII вв. Конфессиональный фактор влияет существенным образом на жизнь немцев вплоть до эпохи Просвещения (прим. 4), в том числе на бытовой язык. Достаточно вспомнить о таких конфессионализмах, как окончание *-e* у существительных женского рода (*das lutherische -e*), начальные прописные буквы у существительных в лютеранских изданиях Библии, наличие лексических конфессионализмов (*Kommunion – Abendmahl – Nachtmal; Glaube in Gott – Glaube an Gott*), различные традиции написания библейских имен собственных (*Genesareth – Genezareth; Golgotha – Golgatha; Sabaoth – Zebaoth; Sion – Zion*) (прим. 5). Это влияние в некоторых направлениях продолжается до настоящего времени. Р. Хиндерлинг называет конфессиолектом конфессионально обусловленный вариант языка; в совокупности с другими социальными факторами конфессиональная принадлежность призвана выполнять четкую идентифицирующую функцию в условиях поликонфессиональности общины [22. S. 135].

Понятие «конфессиолект» получает распространение и в отечественной лингвистике. С.Г. Павлов определяет его следующим образом: «Конфессиолект – подсистема в системе национального языка, обслуживающая коммуникативные потребности определенного религиозного объединения» [23. С. 37]. Ученый отмечает, что религиозная речь не является функциональным стилем, т. е. явлением, принадлежащим литературному языку и противостоящим другим стилям; она является социальной разновидностью языка. По его мнению, к отличительным особенностям православного конфессиолекта как религиозной

разновидности социолекта относятся: распространение конфессиолекта среди воцерковленных людей и ограниченность религиозной средой; необязательность / невозможность перехода на конфессиолект в других сферах общения; наличие в конфессиолекте элементов, не принадлежащих к системе литературного языка; отсутствие семантической эквивалентности между лексическими и фразеологическими единицами конфессиолекта и общенационального языка. Для понимания конфессиолекта необходимо знание кода, правильную интерпретацию которого обеспечивает объединяющая говорящих языковая конвенция. Отличительные особенности конфессиолекта будут мировоззренчески обусловленными [23. С. 40-41; 43].

В работах В.М. Викторина под конфессиолектом понимается религиозно-окрашенный вариант языка и производная модель речи, он предлагает также термины «этноконфессиолект» для обозначения бытовой языковой разновидности (речевого состояния) с вероисповедно-общинной спецификой и «субэтноконфессиолект» – для формы последнего при компактном проживании религиозно обособленной этногруппы [24. С. 10]. В результате изучения ираноязычного и татароязычного конфессионального своеобразия ученый устанавливает, что этнокультурная специфика может создаваться не только в «собственной» среде, но и в контактах с одноязычными иноверцами и иноязычными единоверцами [24. С. 11]. Здесь, на наш взгляд, возможно вести речь о первичных и вторичных (приобретенных) конфессиолектных признаках, а возможно и религиолектных, если взаимодействие и влияние происходило между носителями разных религиолектов.

К. Фосс выделяет и надъязыковой конфессиолект – язык мусульман, населяющих Балканы, при этом в языковом отношении они делятся на три большие группы: албанские мусульмане, славяноговорящие мусульмане и тюркоговорящие мусульмане в Боснии, Македонии, Греции и Болгарии [25]. Рассмотрение их как относительно обособленной культурно-религиозной группы происходит на основе принципов европейской интеграции и в русле становления нового направления – евролингвистики. Ученый фокусирует внимание и на тех аспектах, которые только предстоит исследовать: гибридности, гифенации, полиопциональности этих субъязыков.

Применительно к немецкому религиозному дискурсу сегодня можно говорить о наличии нескольких религиолектов, функционирование которых зависит от представленности мировых религий в немецком культурно-языковом пространстве, а именно христианского, исламского и буддистского. Отдельное место будет занимать иудаистский религиолект как связанный с национальной религией, в отношении него справедливо будет ввести термин «этнорелигиолект». Каждый из представленных религиолектов будет, в свою очередь, подразделяться на конфессиолекты. Применительно к христианскому религиолекту возможно выделение католического, протестантского, православного, древневосточного (дохалкидонского), ассирийско-восточного и других конфессиолектов. Почти все конфессиолекты претерпят дальнейшую дифференциацию в зависимости от этнических, гендерных, возрастных, временных и других факторов, релевантных для того или иного конфессиолекта.

Остановимся на христианском религиолекте и его конфессиональных особенностях. Здесь целесообразно рассмотреть словарные языковые единицы (ЯЕ), маркирующие принадлежность говорящего к определенной религиозной или конфессиональной группе. Для этого в словарях используется целый ряд помет (сплошная выборка произведена по словарю *Duden* электронной версии 2001 г. [26] и составляет 941 ЯЕ). Для маркировки принадлежности к христианству в словаре используются следующие пометы:

– пометы, маркирующие принадлежность к религиолекту (359 ЯЕ): *Religion* (религия) – 140, *christliche Religion* (христианская религия, христианство) – 82, *kirchlich* (церковное) – 2, *christliche Kirche(n)* (христианская церковь, христианские церкви) – 24, *Theologie* (теология, богословие) – 49, *christliche Theologie* (христианское богословие) – 9, *ökumenisch* (экуменическое) – 16, *biblisch* (библеизм) – 37.

– пометы, маркирующие принадлежность к конфессиолекту (582 ЯЕ): *katholische Religion* (католическая религия, католичество) – 36, *evangelische Religion* (евангелическая религия, протестантизм) – 9, *katholische Kirche* (католическая церковь, католицизм) – 461, *evangelische Kirche* (евангелическая церковь, протестантизм) – 51, *orthodoxe Kirche* (православная церковь, православие) – 6, *Ostkirche*

(восточная церковь) – 2, *katholisches Kirchenrecht* (католическое церковное право) – 9, *katholische Liturgie* (католическая литургия) – 1, *katholische Theologie* (католическое богословие) – 3, *evangelische Theologie* (протестантское богословие) – 4.

В предложенной выборке большинство ЯЕ относится к конфессиолектам (61,8 %). Их дробность, наличие особых реалий и специфических способов обозначения являются причинами частотного использования приведенных маркеров в словаре.

На примере группы помет, объединенных общей принадлежностью к церкви (*christl. Kirche, kath. Kirche, ev. Kirche, orth. Kirche*) (542 ЯЕ), попытаемся проследить особенности описания христианской лексики в общем толковом словаре. Выбранные пометы могут относиться как к основному значению слова (64,4 %) и его лексико-семантическим вариантам (32,4 %), так и к примерам употребления (3,2 %).

Как видно из приведенных данных, чаще всего этими пометами сопровождается основное значение слова (349 ЯЕ), например:

Reliquiar, das (kath. Kirche): *künstlerisch gestaltetes Behältnis für Reliquien.*

Diözesan, der (kath. Kirche): *Angehöriger einer Diözese.*

Reformationsfest, das (ev. Kirche): *Gedenkfeier für den als Beginn der Reformation geltenden Anschlag der 95 Thesen Luthers (am 31. 10. 1517 in Wittenberg).*

Katechumene, der (christl. Kirche): **1.** *[erwachsener] Taufbewerber im Vorbereitungsunterricht. 2. Konfirmand, bes. im ersten Jahr des Konfirmandenunterrichts.*

Rauchfass, das (kath. u. orthodoxe Kirche): *an Ketten hängendes, durchbrochenes Metallgefäß zum Verbrennen von Weihrauch während der Liturgie.*

Значительно реже этими пометами маркированы лексико-семантические варианты значения (176 ЯЕ):

Vikar, der: **1.** (kath. Kirche) *ständiger od. zeitweiliger Vertreter einer geistlichen Amtsperson. 2.* (ev. Kirche) **a)** *Pfarrvikar; b)* *in ein Praktikum übernommener Theologe mit Universitätsausbildung. 3.* (schweiz.) *Stellvertreter eines Lehrers.*

Metropolit, der: **a)** (kath. Kirche) *Vorsteher einer Kirchenprovinz; Erzbischof; b)* (orthodoxe Kirche) *Leiter einer unabhängigen Landeskirche.*

В группе исследуемых единиц встречаются имена существительные (477) и прилагательные (24), глаголы (22), а также устойчивые речевые формулы (2). Среди имен существительных можно выделить следующие тематические группы: обозначения Богородицы и святых; обозначения храма и элементов его структуры; обозначения Святых Таинств, богослужения и его элементов; обозначения богослужебных предметов, литургических сосудов, элементов облачения; обозначения церковных праздников и предметов, связанных с этими праздниками; обозначения

абстрактных понятий; обозначения представителей церковной иерархии; обозначения церковных институтов, богословских школ и их последователей. Маркировка лексем указывает либо на функционально-стилистическую специфику ЯЕ (в том числе внутри религиозной сферы: *Priesterseminar* – *Predigerseminar*), либо на различие толкования ее значения в разных христианских традициях (*Sakrament*, *Liturgie*, *Patriarch*, *Diakon*, *Vikar*, *Synode* и др.). Встречаются также лексемы, основное значение или лексико-семантический вариант значения которых сопровождается более «широкой» пометой *christl. Kirche*, а дальнейшие варианты значений (микроварианты) маркированы «конфессиональными» пометами, которые отмечают различия в значении слова, например:

Lektor, der: **3.** (christl. Kirche) **a)** (ev. Kirche) *Laie, der in Vertretung des Pfarrers Lesegottesdienste hält*; **b)** (kath. Kirche) *Laie, der während der Messe liturgische Texte vorliest*.

Подробнее о тематическом принципе классификации религиозной лексики [см. 27; 28; 29].

В словарях лексико-семантические варианты значения могут быть лишены любых помет, однако их конкретная реализация в речи в окружении определенного контекста способна инициировать возникновение некоторых приращений смысла или актуализировать потенциальные семы их значения. Так, в примере „er starb, versehen mit den Tröstungen der Kirche“ слово *Tröstung*, употребленное в сочетании с *versehen*, актуализирует один из своих семантических признаков *jmdm. von irgendwoher zuteil werden*, и ЯЕ получает маркировку *kath., orthodoxe Kirche* с толкованием значения этого примера „nach Empfang der Sterbesakramente“, релевантным для обеих конфессий.

Основное отличие значения от употребления заключается в том, что значение не обязательно обусловлено контекстом. Употребление, напротив, неизбежно обусловлено контекстом, либо языковым, либо ситуационным, но всегда таким, который дает возможность однозначного соединения употребления с одним определенным значением. Часто общим недостатком основных определений значения является то, что они не дают возможности лингвистически отделить друг от друга значения полисемантического слова. Причина этого заключается в том, что значение находится в корреляции с понятием и включает группу денотатов. Здесь на помощь приходят примеры употребления ЯЕ. Так, у слова *Jungfrau* зафиксировано пять

лексико-семантических вариантов, при иллюстрации первого значения „(bes. weibliche) Person, die noch keinen Geschlechtsverkehr gehabt hat“, среди прочего, приводится пример *die Jungfrau Maria* (kath. Kirche; *die Mutter Jesu*), который сопровождается соответствующим маркером. Слово *Segen* также многозначно, но первый лексико-семантический вариант „durch Gebetsworte, Formeln, Gebärden für jmdn., etw. erbetene göttliche Gnade, gewünschtes Glück und Gedeihen“ маркирован пометой *Religion*, в то время как в иллюстративной части приводятся примеры употребления, сопровождающие маркеры которых сужают сферу функционирования лексемы в определенном контексте: *sie leben ohne den Segen der Kirche* (veraltend; *ohne kirchlich getraut zu sein*) *zusammen*; *es läutete zum Segen* (kath. Kirche; *zum abschließenden Teil der Messe*). Похожую ситуацию можем наблюдать в отношении слова *liturgisch* (кстати, единственная лексема, сопровождаемая в словаре пометой *christl. Kirche* во множественном числе):

liturgisch (christl. Kirchen): *die Liturgie betreffend*: liturgische Texte, Handschriften, Geräte; liturgische Gewänder (vom Geistlichen beim Gottesdienst getragene Kleidungsstücke); liturgisches Jahr (kath. Kirche; Kirchenjahr); liturgische Farben (kath. Kirche; Farben der liturgischen Gewänder und Tücher für Altar, Kanzel o.Ä.).

Здесь примеры употребления не призваны снять полисемию многозначного слова; коммуникативная сфера его употребления обозначена достаточно широко – все христианские церкви, а вот пометы, сопровождающие примеры употребления, ограничивают эту сферу одной христианской церковью – католической. «Литургический год» это в действительности специфическое обозначение в католической церкви, восточные церкви для этого пользуются термином «богослужебный (церковный) год» (*Kirchenjahr*). В отношении слова *Kirchenjahr* приводится неоднозначная дефиниция (*am 1. Advent beginnendes Jahr mit allen Sonn- und Feiertagen und kirchlichen Festen*): по западной традиции церковный год начинается с первого адвента, но восточные церкви исчисляют церковный год с 1 сентября (старого или нового стиля), а весь годовой круг богослужений строится относительно праздника Пасхи. Трактовка понятия будет зависеть от конфессиональной традиции говорящего.

Теперь обратим свое внимание на рассмотрение взаимодействия этих помет с другими пространственно-временными, стилистическими и специальными маркерами.

Во-первых, в «чистом» виде пометы встречаются в 494 случаях (90 % от общего числа примеров). Эти данные свидетельствуют о том, что ведущее место занимают моносемантические ЯЕ с однозначной трактовкой функциональной сферы их употребления. Это связано с тем, что «сфера богослужебного (религиозного) общения представляет собой коммуникативную сферу, наиболее тесно связанную с традицией, уходящей в средневековье, и потому наиболее консервативную по отношению к соблюдению традиционных норм поведения» [30. С. 342], в том числе и речевого. Дополнительные семантические процессы отражены в тех примерах, функционально-стилистическая направленность которых не получает однозначного толкования. Это несколько усложняет процесс определения сфер употребления отдельных ЯЕ, маркировка которых в одном словаре может быть неоднозначной.

Reliquie, die (Rel., bes. kath. Kirche): *Überrest der Gebeine, Asche, Kleider o. Ä. eines Heiligen, Religionsstifters o. Ä., der als Gegenstand religiöser Verehrung dient*: eine R. in einem Schrein aufbewahren, ausstellen; -n verehren.

weihen 1. (christl., bes. kath. Kirche) **a)** *durch Weihe heiligen, zu gottesdienstlichen Zwecken bestimmen*: einen Altar, Kerzen, Glocken, einen Friedhof w.; die Kirche wurde im Jahre 1140 geweiht; eine geweihte Stätte; **b)** *jmdm. durch Erteilen der Weihe ein geistliches Amt übertragen*: jmdn. zum Diakon, Priester, Bischof w.

Mette, die (kath. u. ev. Kirche): *mitternächtlicher od. frühmorgendlicher Gottesdienst vor einem hohen kirchlichen Fest*.

Hilfsgeistliche, der u. die (ev. u. kath. Kirche): *in der Seelsorge tätige[r], dem Pfarrer unterstellte[r] Geistliche[r]*.

Анализируемые лексемы могут иметь прямое или косвенное отношение к шкале времени. Слова, сфера употребления которых в современном языке существенно сужена по сравнению с предшествующим историческим периодом, сопровождаются пометами *veraltend* и *veraltet*:

Pönitent, der (kath. Kirche *veraltend*) *Büßender, Beichtender*.

Pönitenz, die (kath. Kirche *veraltend*) *in der Beichte auferlegte Buße*.

Messknabe, der (kath. Kirche *veraltet*) *Messdiener*.

Exorzist, der: **2.** (kath. Kirche *veraltet*) *jmd., der den dritten Grad der niederen Weihen besitzt*.

Чаще всего процесс их «ухода» из языка происходит в связи с постепенным исчезновением или, по крайней мере, менее частым обращением к обозначаемой реалии, например:

Versehgang, der (kath. Kirche *veraltend*) *Gang eines Geistlichen zur Spendung der Sterbesakramente*.

В прежние времена в католическом сообществе процесс шествия священника к умирающему христианину был более

значимым событием в повседневной жизни; в разных традициях перед священником (выносящим из храма Св. Дары) несли крест или фонарь (свечу), иногда с этой целью использовали колокольчик. В настоящее время ситуация изменилась, и вряд ли наш взгляд способен вычленил из массы людей священника, а тем более по внешним признакам узнать, что он направляется в чей-то дом, чтобы преподать последнее Причастие.

Сужение сферы влияния церкви в западноевропейском обществе и снижение в некоторых случаях значения и авторитета духовных лиц приводит к дезактуализации некоторых релевантных для этой сферы понятий:

Ehrwürden (kath. Kirche veraltend): *Anrede u. ehrende Bezeichnung für Brüder od. Schwestern in geistlichen Orden u. Kongregationen*: E., Sie werden das verstehen; darf ich Euer, Eure E. etwas fragen?

По данным Х.-В. Тённеса, ректора Епископской духовной семинарии Эссена, количество кандидатов в священство снизилось в целом по стране с 3 123 в 1986 г. до 1 088 в 2000 г. [31. S. 76]. То есть резко уменьшается количество тех, к которым можно использовать такое обращение. Другой важной причиной устаревания является процесс обмирщения церкви; большинство сегодня, скорее, будет использовать обращение *Herr Pfarrer* или *Vater (Bruder) N.*

Другую группу будут составлять лексемы со сходной комбинированной пометой *kath. Kirche früher*. Лексикографы отмечают, что само понятие или предмет вышли из активного употребления, но ЯЕ пока не устаревает:

indizieren 3. a) (kath. Kirche früher) (*ein Druckwerk*) *auf den Index (2) setzen*: die Bücher dieses Autors wurden von der Kirche indiziert.

Tonsur, die (kath. Kirche früher): *kreisrund kahl geschorene Stelle auf dem Kopf von Geistlichen, bes. Mönchen*.

Subdiakon, der (kath. Kirche früher): *Geistlicher, der unter einem Diakon steht*.

Sündenregister, das: **b)** (kath. Kirche früher) *Verzeichnis einzelner Sünden für die Beichte*.

Особое место занимает диалектная лексика церковно-религиозной тематики. В последнее время в германистике появилась целая серия работ, посвященная изучению взаимодействия диалекта и религиолекта (конфессиолекта) [22; 25; 32; 33; 34], проводятся многочисленные научные мероприятия, посвященные этой теме [34].

Комбинаторные пометы, включающие религиозную компоненту и отражающие территориальную дифференциацию лексики, встречаются в общем толковом словаре нечасто [27. С. 52; 36. С. 17].

В толковом словаре [26] представлены как пометы, характеризующие наддиалектный характер лексики (*österreichisch, schweizerisch, landschaftlich, regional, norddeutsch* и др.), так и пометы, указывающие на распространение языковых единиц в пределах диалекта (*bayrisch*).

В тематическом отношении это почти всегда конкретные имена – названия праздников, предметов (церковного) обихода, действующих лиц, например:

Auffahrt, die (christl. Rel.): **a**) (südwestd. veraltend, schweiz.) *Himmelfahrt Christi*; **b**) (südd., schweiz.) *Himmelfahrtstag*: an A. hat es geregnet.

Weihnachtskerze, die **a**) (landsch.) *Christbaumkerze*; **b**) [*mit weihnachtlichen Motiven verzierte*] *Kerze, die zu Weihnachten aufgestellt wird*.

Wittum, das (kath. Kirche landsch.) *mit einem Kirchenamt verbundenes, zum Unterhalt des Amtsinhabers bestimmtes Vermögen*.

Herrgottswinkel, der (südd., österr.) (*in katholischen Bauernstuben*) *Ecke, die mit dem Kruzifix geschmückt ist [u. in der auch andere Andachtsgegenstände verwahrt werden]*.

Pastor, der (regional, bes. nordd.) *Pfarrer*: Abk.: P.

Pastorat, das (regional, bes. nordd.): **1.** *Pfarramt*. **2.** *Wohnung des Pastors*.

Pastorin, die (bes. nordd.): **a**) (ev. Kirche) *Pfarrerin*; **b**) (ugs.) *Ehefrau eines Pastors*.

Особого внимания заслуживают обозначения церковных праздников, в которых представлена вариативность диалектных форм, в том числе морфологических:

Pfingsten, das <meist o. Art., bes. südd., österr. u. schweiz. sowie in bestimmten Wunschformeln u. Fügungen auch als Pl.> (*in den christlichen Kirchen*) *Fest der Ausgießung des Heiligen Geistes*: frohe P.!.; wir werden diese P., dieses Jahr (bes. nordd.!) zu / (bes. südwestd.!) an P. zu Hause bleiben; sie haben zu P. geheiratet.

Weihnachten, das <meist o. Art.; bes. südd., österr. u. schweiz. u. in bestimmten Wunschformeln u. Fügungen auch als Pl.> **1.** (*am 25. Dezember begangenes*) *Fest der christlichen Kirche, mit dem die Geburt Christi gefeiert wird*: W. steht vor der Tür; es ist bald W.; vorige, letzte W. waren wir zu Hause; schöne, frohe, fröhliche, gesegnete W.!.; [nächstes Jahr] W. / (bes. nordd.!) zu W. / (bes. südd.!) an W. wollen sie verreisen; kurz vor, nach W. **2.** (landsch.) *Weihnachtsgeschenk*: ein reiches W.; etw. als W. bekommen.

Примечательно, что в рассматриваемой лексикографической комбинаторике не встречаются комбинации с пометами, маркирующими принадлежность к городским койне (*berlinisch, wienerisch*), что, скорее всего, связано с бóльшим языковым консерватизмом жителей сельской местности и небольших городов.

Подводя итог, следует обратить внимание на следующие положения.

Конфессионально значимыми пометами в подавляющем большинстве случаев маркированы ЯЕ, релевантные для католической церкви. Тому есть несколько причин. К экстралингвистическим следует отнести более древнюю и глубокую

традицию католичества в европейских государствах и в Германии в частности; ритуальный характер богослужения и в целом церковной жизни (в сравнении, например, с протестантами), а в этой связи наличие большего количества релевантных для этой сферы предметов: обозначения Святых Таинств, богослужения и его элементов; обозначения богослужебных предметов, литургических сосудов, элементов облачения; обозначения церковных институтов и т. д. Среди лингвистических причин на первом месте выступают языковые традиции богослужения: долгие столетия главенствующую роль играла латынь, которая явилась источником многочисленных заимствований в религиозной сфере коммуникации, есть также заимствования из греческого и древнееврейского языков. Трудность понимания обусловила сопровождение ЯЕ указанными пометами. Помета *orth. Kirche* ни разу не встречается самостоятельно, а только в тех случаях, когда концептуальное наполнение лексико-семантического варианта ЯЕ принципиально отличается от значения, маркированного прежде как *kath. Kirche*.

Чаще всего пометами *christl. Kirche, kath. Kirche, ev. Kirche, orth. Kirche* маркируется основное значение слова или его лексико-семантические варианты. Это обусловлено тем, что зачастую мы имеем дело с обозначениями специфических денотатов, языковая «вольность» в отношении которых строго ограничена сакральным характером самих предметов и (или) традицией. С другой стороны, спецификация может касаться и языковой формы – в богослужебный немецкий язык были заимствованы многочисленные элементы богослужебной латыни, ныне редко используемой.

Лексикографы не всегда точно определяют сферу использования языковой единицы, иногда она оказывается релевантной не для всех христианских церквей.

Наличие дополнительных маркеров отражает динамику развития лексики языка: неоднозначность толкования значения, переосмысление лексики общерелигиозного назначения, использование помет, отражающих становление отдельных значений, тенденции к выходу языковых единиц из употребления. Возможность употребления языковой единицы в различных ситуациях зависит от целевой установки говорящего и подтверждает ситуативную обусловленность значения, реализуемого в определенном контексте.

Сложность конфессиональных вариантов современного немецкого языка обуславливается как общими свойствами языка, так и специфическими особенностями их системы и функционирования. Изучение вариативности в современных религиолектах (конфессиолектах) немецкого языка свидетельствует о важности сочетания лингвистического и социолингвистического аспектов [37. С. 5]. Различные взаимодействия религиолектов и конфессиолектов, в том числе в аспекте гиперо-гипонимических связей этих субъязыков [38], и их подчиненность по отношению к немецкому литературному языку усложняют их функционирование и определяют их открытость для постоянного влияния общественных процессов и шире – социальных факторов.

Религия и язык, будучи важными элементами конструирования культурной идентичности, под воздействием процессов секуляризации способны изменяться; детерриториализация конфессии (например, функционирование конфессии в условиях или в административных границах иноконфессионального большинства) способна привести со временем к деконфессионализации языка. Причем этот процесс является многоуровневым: в условиях секуляризации деконфессионализация может коснуться не только языка конфессионального меньшинства, но и окружающего его или контактирующего с ним большинства, деконфессионализация языка меньшинства сама по себе способна повлиять на конфессиональную «устойчивость» языка большинства.

Примечания

1. По данным Епископской конференции Германии, Евангелической церкви Германии и Религиоведческого информационного центра (<http://remid.de/>), в стране в настоящее время проживает почти 24 млн католиков (29,5 % от общего количества населения), а также 15,7 тыс. старокатоликов, 15 тыс. харизматов и 1,5 тыс. англикан. Среди приверженцев евангелической традиции 22,6 млн протестантов (27,9 %), 350 тыс. представителей новоапостольской церкви, 418 тыс. баптистов и менонитов, 167 тыс. свидетелей Иеговы, 53 тыс. методистов, 49 тыс. пятидесятников, 39 тыс. мормонов, 34 тыс. адвентистов Седьмого дня, 33 тыс. лютеран, 26 тыс. представителей Латвийской евангелическо-лютеранской церкви за рубежом, 8 тыс. представителей Голландской церкви в Германии, 8 тыс. представителей датской церкви в Южном

Шлезвиге и др. Среди 1,53 млн представителей православных, восточных и униатских церквей ведущее место занимают представители Константинопольской православной церкви (460 тыс.), Румынской православной церкви (300 тыс.), Сербской православной церкви (250 тыс.), Русской православной церкви (190 тыс.), Болгарской православной церкви (60 тыс.), Антиохийской православной церкви (15 тыс.), а также Сиро-яковитской православной церкви (100 тыс.), Украинской греко-католической церкви (40 тыс.), Армянской апостольской церкви (35 тыс.), Эфиопской православной церкви (20 тыс.), Коптской православной церкви (10 тыс.), Ассирийской церкви Востока (10 тыс.) и др. Ислам в Германии представлен 4 млн мусульман различного происхождения и толка. В настоящее время насчитывается около 200 тыс. иудеев, в том числе без закрепленной общинной принадлежности и представителей Союза прогрессивных евреев Германии. Индуизм представлен, по разным подсчетам, 90-100 тыс. последователей, в том числе приверженцев новых религиозных течений. В стране насчитывается около 270 тыс. буддистов, в том числе из Вьетнама (60 тыс.), Таиланда (40 тыс.) и других стран. По разным оценкам, в стране также насчитывается около 2-2,5 млн представителей других (альтернативных) религиозных групп и течений, в т. ч. сектантов, организованных атеистов и людей, не исповедующих никакой религии.

2. Под системой в данном случае понимается множество элементов языка, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенное единство и целостность.

3. В качестве примера вторичного сакрального языка ученые обычно приводят язык перевода Библии М. Лютера.

4. См. подробнее [33; 34]. Интересным представляется и тот факт, что для начала Нового времени конфессиолект определяется скорее как региолект с конфессиональной основой, т. е. самым тесным образом, а возможно и синкретически, связаны субъязыки территориальной и социальной дифференциации.

5. См. также принятый в 1967 году и опубликованный в 1971 году «Экуменический перечень» (Ökumenisches Verzeichnis der biblischen Eigennamen nach den Loccumer Richtlinien / hrsg. von den katholischen Bischöfen Deutschlands, dem Rat der Evangelischen Kirche in Deutschland und der Deutschen Bibelgesellschaft – Evangelisches Bibelwerk. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, Katholische Bibelanstalt, 1981. 103 S.).

Библиографический список

1. Lorey E.M. Mechanismen religiöser Information: Kirche im Prozess der Massenkommunikation. München: Kaiser, 1970. 139 S.
2. Бугаева И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 48 с.
3. Öffner E. Kirche als Vermittlungsinstanz: Intention – Funktion – Kommunikation // Kommunikation in der Kirche: Predigt – Religionsunterricht – Seelsorge – Publizistik / hrsg. von B. Klaus u.a. Gütersloh: Mohn, 1979. S. 25-53.
4. Бультман Р. Избранное: вера и понимание. Т. 1-2 / Пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 752 с.
5. Hartmann P. Religiöse Texte als linguistisches Objekt // Sprache und Sprachverständnis in religiöser Rede: Zum Verhältnis von Theologie und Linguistik / Hrsg. von Thomas Michels und Ansgar Paus. Salzburg; München: Universitätsverlag Anton Pustet, 1973. S. 109-134.
6. Klaus B. Einführung in die theologische Theorie kirchlicher Kommunikation // Kommunikation in der Kirche: Predigt – Religionsunterricht – Seelsorge – Publizistik / hrsg. von B. Klaus u.a. Gütersloh: Mohn, 1979. S. 17-24.
7. Werlen I. Linguistische Analyse von Gottesdiensten // Liturgisches Jahrbuch. 38. Jg. H. 1/2. 1988. S. 79-93.
8. Berger T. Die Sprache der Liturgie // Handbuch der Liturgik. Liturgiewissenschaft in Theologie und Praxis der Kirche / hg. von H.-Ch. Schmidt-Lauber, M. Meyer-Blanck, K.-H. Bieritz. 3. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck&Rupprecht, 2003. S. 798-806.
9. Bayer K. Religiöse Sprache. Thesen zur Einführung. Münster: LIT Verlag, 2004. 121 S.
10. Greule A. Annäherung an Sakralsprache. Einführung in die Fachtagung „Sakrale Sprache in Geschichte und Gegenwart“, Regensburg, 24.-26.09.1997 // Greule A. Sakralität. Studien zu Sprachkultur und religiöser Sprache. Hg. von S. Reimann und P. Rössler. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2012. S. 13-17.
11. Mohrmann Ch. Sakralsprache und Umgangssprache // Archiv für Liturgiewissenschaft. 1968. X. Halbband 2. S. 344-354.
12. Reimann S., Rössler P. Vorwort // Greule A. Sakralität. Studien zu Sprachkultur und religiöser Sprache. Hg. von S. Reimann und P. Rössler. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2012. S. VII-XI.
13. Greule A. Theonyme // Namenkundliche Informationen. 2013. Doppelheft 101/102. S. 11-21.

14. Meisig K. Buddhist Chinese: Religiolect and Metalanguage // *Religiosität und Sprache. Teil 2/3: Religiolekte und Metasprache(n)*. Münster: Ugarit-Verl., 2008. S. 91-100.

15. Kulmar T. Zum Problem der sakralen und der profanen Sprache bei den Inkas // *Religiosität und Sprache. Teil 2/3: Religiolekte und Metasprache(n)*. Münster: Ugarit-Verl., 2008. S. 361-368.

16. Schleiff U. Religion in anderer Sprache: Entstehung, Bewahrung und Funktion religiös bedingter Diglossie. Berlin: Logos-Verl., 2005. 227 S.

17. Richardson P. A closer walk: a cognitive linguistic study of movement and proximity metaphors and their impact of certainty in Muslim and Christian language: A thesis submitted to the University of Birmingham for the degree of doctor of philosophy. Birmingham, 2013. 272 p.

18. Ngom F. Linguistic Resistance in the Murid Speech Community in Senegal // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2002. Vol. 23. Issue 3. P. 214-226.

19. Chinesische Religion und Philosophie. Konfuzianismus – Mohismus – Daoismus – Buddhismus. Grundlagen und Einblicke / Hg. von K. Meisig. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. 188 S.

20. Manfred D. Der Herrscher in göttlichem Gewand - Bemerkungen zu Basileolekt-Wörtern aus dem Wortschatz des Theolekts in mesopotamischen Königsepitheta und Inthronisationsriten // *Religiosität und Sprache. Teil 2/3: Religiolekte und Metasprache(n)*. Münster: Ugarit-Verl., 2008. S. 21-38.

21. Kretschmer E. Über die Kategorisierung der Sprachvarietäten und die des Mediolekts im Besonderen // *REAL Revista de Estudos Alemães*. 2013. № 4. P. 152-175.

22. Hinderling R. *Wej mir sog'n*. Sprache und Identität des Mundartsprechers in Nordostbayern. Erfahrungen bei der Erhebung des Materials für den Sprachatlas von Nordostbayern // *Sprachidentität – Identität durch Sprache* / Hg. N. Janich, Ch. Thim-Mabrey. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2003. S. 125-136.

23. Павлов С.Г. Семантика языковых единиц. Внешняя лингвистика. Н. Новгород: НГПУ, 2011. 108 с.

24. Викторин В.М. Новейшая проблематика «конфессиолекта» и «этноконфессиолекта»: становление терминологии, связи российской и германской традиций // *Современные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков*. Астрахань: Астраханский гос. ун-т, 2015. С. 10-17.

25. Voss Ch. Südslawistische Perspektiven auf christliche vs. muslimische Sprachidentitäten und Weltbilder // *EuroLinguistik. Entwicklungen und Perspektiven*. Hg. U. Hinrichs, N. Reiter und S. Tornow. Wiesbaden: Otto Harrassowitz GmbH & Co. KG, 2009. S. 297-314.

26. Duden Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. von der Dudenredaktion. 4., neu bearb. und erw. Auflage. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 2001.

27. Плисов Е.В. Конфессиональная дифференциация христианской лексики в толковом словаре (на материале немецкого языка) // Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки». 2006. № 1. С. 43-54.

28. Зинцова Ю.Н. Тематический принцип описания лексики (на примере религиозной лексики современного немецкого языка) // Проблемы изучения религиозных текстов: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013. С. 12-20.

29. Бугаева И.В. Русская религиозная терминология в финском языке // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История. Филология. 2011. Т. 10. № 9. С. 56-61.

30. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. 568 с.

31. Thönnies H.-W. Priester werden in Deutschland. Über Zustand und Standards heutiger Priesterausbildung // Leidenschaft für Gott und sein Volk. Priester für das 21. Jahrhundert. Hrsg. P. Klasvogt. Paderborn: Bonifatius, 2003. S. 75-82.

32. Dialekt und Religion. Beiträge zum 5. dialektologischen Symposium im Bayrischen Wald, Walderbach, Juni 2012. Hg. E. Friebe, U. Kanz, B. Neuber, L. Zehetner. Regensburg: Edition Vulpes, 2014. 361 S.

33. Macha J. Der konfessionelle Faktor in der deutschen Sprachgeschichte der Frühen Neuzeit. Würzburg, Ergon-Verlag, 2014. 240 S.

34. Macha J., Balbach A.-M., Horstkamp S. (Hg.) Konfession und Sprache in der Frühen Neuzeit. Interdisziplinäre Perspektiven. Münster: Waxmann Verlag, 2012. 245 S.

35. Плисов Е.В., Зинцова Ю.Н. Язык и религия в проблемном поле германистики: научные мероприятия и направления поиска // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2013. № 23. С. 164-168.

36. Плисов Е.В. Словарь религиозной лексики современного немецкого языка. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. 147 с.

37. Плисов Е.В. Немецкий религиозный текст в условиях поликонфессиональности: Монография. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013. 160 с.

38. Голубева Н.А. Язык религии как объект лингвистического описания // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2015. № 31. С. 219-225.

Сведения об авторе

Плисов Евгений Владимирович
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: e_plissov@mail.ru

УДК 811.161.1'373:378.147

МЕСТО ФРАЗЕОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

С.М. Раупова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва

В статье исследуется место фразеологии в обучении русскому языку иностранных студентов, рассматриваются трудности иностранных студентов в изучении идиоматики; проводится анализ учебников русского как иностранного на наличие идиом в обучающем материале.

Ключевые слова: фразеология, фразеологические единицы, преподавание русского как иностранного.

The Role of Phraseology in Teaching Russian as a Foreign Language

Saodat Raupova

This article examines the role of phraseology in teaching Russian language to foreign students, briefly discusses the difficulties foreign students experience in studying Russian idioms, and analyses textbooks of Russian as a foreign language for presence of idioms in the training material.

Key words: phraseology, phraseological units, teaching Russian as a foreign language.

Цель данной статьи состоит в изучении места фразеологического компонента в преподавании русского языка в иностранной аудитории. Для достижения данной цели необходимо решение следующих задач: 1) краткое рассмотрение трудностей иностранных учащихся в изучении идиоматического материала; 2) проведение анализа учебников русского языка как иностранного на наличие идиом в обучающем материале.

Существует мнение, что одним из главных недостатков в лексической стороне «речи студентов 1-2 курсов является неидиоматичность словоупотребления, не совсем уместное, неточное в стилистическом отношении употребление устойчивых сочетаний» [1. С. 5].

Вопрос об изучении фразеологии определяется необходимостью сформировать у учащихся системное представление о русском языке. Под термином «начальный этап» подразумевается курс обучения иностранцев русскому языку в I семестре на подготовительных факультетах [2. С. 46].

Очевидны противоречия в отношении к включению фразеологизмов в содержание обучения на указанном этапе (ср., с одной стороны, распространенную точку зрения, согласно которой на начальном этапе фразеологические единицы (ФЕ) вводить не следует, а с другой – реальное использование ФЕ практически во всех учебниках и учебных пособиях по русскому языку для иностранных учащихся начального этапа обучения).

Обратимся к учебным пособиям, адресованным учащимся начального и продвинутого этапов обучения. В учебнике М.Н. Аникиной [3] встречаются следующие ФЕ: *ну что Вы говорите!* [3. С. 83]; *устал как собака* [3. С. 83]; *не твое дело* [3. С. 129]; *в конце концов* [3. С. 139]; *находить общий язык* [3. С. 185]; *сходить с ума* [3. С. 226]; *в первую очередь* [3. С. 276]; *хорошо все, что хорошо кончается* [3. С. 286].

На продвинутом этапе обучения количество включенных в учебники ФЕ увеличивается. В учебнике русского языка для иностранных студентов-филологов Е.И. Войновой, В.М. Матвеевой, Г.Н. Аверьяновой [4] используются следующие ФЕ: *играть роль* [4. С. 8]; *серебряная свадьба* [4. С. 27]; *прийти в голову* [4. С. 76]; *(начинать) с какого конца* [4. С. 83]; *точка зрения* [4. С. 85]; *скрепя сердце* [4. С. 104]; *(ждать) с часу на час* [4. С. 128]; *друзья познаются в беде* [4. С. 129]; *аппетит приходит во время еды* [4. С. 129]; *в чужой монастырь со своим уставом не ходят* [4. С. 130]; *всяк кулик своё болото хвалит* [4. С. 131]; *не место красит человек, а человек место* [4. С. 131]; *стереть с лица земли* [4. С. 151] и др.

Н.А. Лобанова и И.П. Слесарева в учебнике русского языка для иностранных студентов-филологов (систематизирующий курс, третий год обучения) [5] предлагают для изучения и освоения такие ФЕ, как *на каждом шагу* [5. С. 13]; *игра слов* [5. С. 13]; *играть роль* [5. С. 14]; *(продрогнуть) до костей* [5. С. 15]; *(бояться) до смерти* [5. С. 16]; *что ни слово, то золото* [5. С. 25]; *скажи на милость* [5. С. 26]; *(не было) в мыслях* [5. С. 27]; *береги платье снову, а честь смолоду* [5. С. 36]; *кровь стынет в жилах* [5. С. 55]; *(сидеть) сложа руки* [5. С. 107]; *черным по белому* [5. С. 108] и др.

Н.М. Лариохина предлагает к изучению на продвинутом этапе [6] следующие ФЕ: *на пороге* [6. С. 8]; *быть на виду* [6. С. 29]; *брать на себя* [6. С. 30]; *подливать масла в огонь* [6. С. 38]; *у страха глаза*

велики [б. С. 48]; *коломенская верста* [б. С. 53]; *на первый взгляд* [б. С. 64]; *держат камень за пазухой* [б. С. 72] и др.

Мы проанализировали только небольшую часть пособий. Обилие ФЕ еще раз убеждает в необходимости обращать особое внимание иностранных учащихся на этот весьма сложный для адекватного восприятия пласт русской лексики. Под определением «особое» мы имеем в виду необходимое толкование (семантизацию) фразеологизмов и хотя бы в минимальном объеме упражнения с этой ФЕ.

Описание фразеологии в учебных целях осуществляется поэтапно. Первый этап включает: а) сопоставление в каждой ФЕ набора признаков, конституирующих фразеологизм; б) упорядочение ФЕ по убыванию количества сопоставленных признаков; в) расчленение полученного перечня ФЕ на гомогенные пласты; г) именование каждого такого пласта в соответствии с семантическими и функциональными свойствами составляющих его единиц.

Последовательное применение изложенной процедуры позволило выделить следующие типы структурно-семантических объединений ФЕ: идиомы, пословицы, поговорки, крылатые выражения, фразеологические сочетания, фразеологические субстантивные словосочетания (номинативные обороты), формулы речевого этикета, грамматические составные обороты.

Содержанием второго этапа является методическое ориентирование полученной лингвистической модели, которое заключается: а) в таком переформировании лингвистической модели, которое бы согласовывалось с методическими целями и задачами конкретного этапа обучения; б) в целесообразной с точки зрения задач обучения редукции типологически однородных фразеологических массивов и представлении исследуемого фразеологического массива в виде языкового поля, состоящего из ядра и периферии [7].

Наиболее удобным, с точки зрения практики преподавания русского языка на начальном этапе, способом размещения ФЕ в учебном словаре Э.М. Шахсуварова считает алфавитный, в соответствии с которыми ФЕ, независимо от их структурно-семантического типа, располагаются по первому слову (включая и предлог).

Традиционно важным вопросом методической интерпретации учебного материала является его минимизация. Однако мы берем на себя смелость отойти от традиционной постановки вопроса в силу целого ряда причин:

1) индивидуализация и гуманизация процесса обучения позволяют и преподавателю, и учащимся выбирать из предлагаемого множества ФЕ то, что близко пониманию каждого из них;

2) сужение изучаемых ФЕ происходит за счет ограничения активного и пассивного фразеологического запаса каждого из участников учебного процесса;

3) в век информационного бума одной из главных задач преподавателя становится необходимость научить самостоятельному поиску сведений о необходимой ФЕ, используя различного рода списки и перечни ФЕ.

Отобранный фразеологический минимум может быть рекомендован для реализации в программе двумя способами: а) представлением фразеологических единиц в виде отдельного минимума (аналогично лексическому и грамматическому), б) введением ФЕ в рамки лексического минимума и представлением последнего в виде единого лексико-грамматического минимума. При организации в рамках программы собственно фразеологического минимума рекомендуется использовать поэтапное приложение к учебному фразеологическому словарю. Составление единого лексико-фразеологического минимума предполагает включение ФЕ в содержание лексического минимума, в котором представление единиц разных языковых уровней может быть различным: либо это единый алфавитный список единиц, либо это перечень слов лексического минимума, с частью которых может быть сопоставлена определенная совокупность фразеологизмов, имеющих в своем составе соответствующее слово лексического минимума. Поскольку в лексическом минимуме традиционно выделяются грамматические классы слов, то и эквивалентные им структурно-семантические объединения ФЕ следует включать в эти классы. Пословицы, поговорки, крылатые выражения и формулы речевого этикета рекомендуется размещать отдельно.

При решении вопроса о характере введения фразеологического материала в содержание учебников и учебных пособий следует учитывать принципы, формы и способы введения языкового

(лексического и грамматического) материала. ФЕ могут включаться в учебники и учебные пособия: а) как самостоятельные языковые факты, служащие средством обозначения явлений действительности, понятий, которыми оперируют учащиеся в актах коммуникации; б) в составе речевых образцов, т. е. типичных отрезков речи в форме предложений, совокупности предложений, диалогических единств; в) в составе учебных текстов; г) в составе учебной или «словарной» темы.

Введение необходимого количества ФЕ в языковое содержание учебника или учебного пособия требует учета таких методических факторов, как основной способ предъявления языкового и тематического материала, принятый в соответствующем средстве обучения; принципы распределения этого материала в его структуре; характер основной композиционной единицы, в рамках которой предполагается реализовать и фразеологический материал [8. С. 2-20].

Навыки владения фразеологией могут быть неосознаваемыми или осознанными. Неосознанное владение формируется путем положительного переноса при наличии в двух языках фразеологизмов, тождественных по значению и формальной структуре. Эта возможность особенно возрастает при изучении близкородственного языка. Осознание навыков может осуществляться на разных уровнях: общем и специальных. Осознание на общем уровне состоит в способности отличить фразеологизм от свободных сочетаний слов как устойчивую и воспроизводимую единицу, истолковать значение или перевести на родной язык. Прочие сведения о фразеологизме являются специальными, и их полнота должна определяться с учетом тех трудностей, которые они помогают преодолевать, а также с учетом категории учащихся.

Способ введения ФЕ целесообразно выбирать соответственно характеру формируемого навыка: для потенциального владения эффективен способ «контекст 1 (изучаемый язык) – ФЕ – контекст 2 (русский язык)», для рецептивного – «ФЕ – контекст».

Наилучшим способом семантизации фразеологизма следует признать, так же как и для лексической единицы, полную семантизацию, для достижения которой необходимо использовать все или большинство приемов, каждый из которых раскрывает отдельный аспект значения фразеологизма. Однако полная семантизация не может быть достигнута при первом предъявлении нового

фразеологизма, она достигается в течение длительной работы, включающей не только этап введения, но и этап тренировки.

Для введения и первичного объяснения ФЕ необходимо выбирать наиболее экономный прием, раскрывающий тот аспект значения, без которого не могут быть выполнены задачи учебной работы на данном конкретном уроке. Обычно в качестве такого аспекта выступают предметный или предметно- понятийный аспект, хотя преподаватель может привлечь для семантизации также и образный, и культурный, и другие компоненты. При этом от этапа к этапу самостоятельность учащегося в семантизации словарного значения ФЕ, в том числе и с использованием словарей, должна возрастать.

Особое внимание нужно уделить осознанию учащимися своих навыков овладения русской фразеологией, т. е. осмыслению того, что представляет собой ФЕ, какие существуют типы этих единиц и каким образом нужно действовать при их понимании, запоминании и употреблении. Для этого целесообразно использовать задания, подобные видам работы над фразеологией родного языка, а также специальные курсы русской фразеологии для иностранцев. К осознанию навыков преподаватель может привести учащихся за 2-3 урока при условии строгого отбора как формулировок, содержащих лингвистические сведения, так и языкового материала.

Обобщение методических исследований показало, что существуют разные способы организации фразеологического материала. Одни из них – лексический, грамматический, тематический, лингвострановедческий и др. – являются, по существу, одноаспектными, т. к. обращены к отдельным сторонам ФЕ (лексическому составу, грамматическим характеристикам, номинативному значению, национально-культурному компоненту семантики и т. д.). Они применимы к более или менее широкому, но всегда ограниченному кругу фразеологизмов. Кроме того, такой подход более полно позволяет учесть возможности межъязыковой интерференции.

Однако для начального этапа обучения русскому языку наиболее эффективной представляется организация фразеологического материала, которая основывается на последовательном формировании навыков владения фразеологией.

Работа же над лингвистическими характеристиками ФЕ призвана способствовать формированию этих навыков.

Кроме того, удачно подобранные виды работы над фразеологией не только не осложняют существенным образом учебный процесс, но вносят разнообразие и занимательность, чем повышают интерес студентов к изучению русского языка. Однако для того чтобы работа над ФЕ давала желаемый эффект, преподаватель должен уметь последовательно применять лингводидактические и методические положения по фразеологии, опирающиеся на общепризнанные результаты фразеологических исследований в рамках фундаментальной лингвистики [9. С. 3].

В лингводидактике уже сложились принципы, характерные для минимизации языкового материала в учебных целях. В качестве одного из главных принципов отбора языкового, в частности лексического, материала в современной методике выдвигается принцип, получивший различное обозначение: семантическая ценность, практическая необходимость, ситуативно-тематический принцип. Сущность его сводится к тому, что отобранный языковой материал должен включать единицы, необходимые для обслуживания тем и ситуаций, которыми должен владеть обучаемый.

Немаловажную роль в методической интерпретации фразеологического материала в учебных целях играет также тематическая группировка ФЕ на занятиях по развитию речи.

Повторяемость ФЕ в различных темах по развитию речи в разнообразных речевых ситуациях можно рассматривать как прием методической интерпретации фразеологического материала в учебных целях.

Списки ФЕ могут быть представлены в различной форме: в алфавитном порядке по первому слову ФЕ, в алфавитном порядке по опорным словам. На основе тематических списков ФЕ, как и на основе фразеосемантических полей с однотипными компонентами ФЕ, осуществляется активизация фразеологизмов в русской речи обучаемых.

Библиографический список

1. Гузина О.С. Лексический аспект совершенствования устной речи монгольских студентов-филологов (на материале фразеологии): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1992. 20 с.
2. Чернова Н.В. Русская фразеология в аудитории иностранцев (методический аспект) // Русский язык и культура (изучение и преподавание): Тезисы докладов межд. науч. конф. М.: ЭКОН, 2000. С. 46-47.
3. Аникина М.Н. Начинаем изучать русский. Лестница: Учебник-книга по русскому языку. М.: Рус. яз., 2001. 254 с.
4. Войнова Е.И., Матвеева В.М., Аверьянова Г.Н. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Основной курс (первый год обучения). М.: Рус. яз., 1981. 312 с.
5. Лариохина Н.М. Практический курс русского языка для иностранных учащихся. Продвинутый этап. Части I, II: Учебное пособие. М.: Филол. ф-т МГУ, 1997. 432 с.
6. Лобанова Н.А., Слесарева И.П. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Систематизирующий курс (третий год обучения) / Под ред. В.Г. Гака. М.: Рус. яз., 1980. 375 с.
7. Морковкин В.В. Русская лексика в аспекте педагогической лингвистики // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: Сб. докладов советской делегации на VI Конгрессе МАПРЯЛ. М., 1986. С. 214-228.
8. Шахсуварова Э.М. Лингвистические и методологические аспекты описания фразеологии русского языка в целях обучения иностранных учащихся на начальном этапе: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1983. 23 с.
9. Патоцка-Платек М. Обучение фразеологии по учебникам русского языка для польских школ: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1992. 23 с.

Сведения об авторе

Раупова Саодат Мухаматшукуровна
аспирант кафедры методики преподавания
русского языка как иностранного
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
E-mail: ollohba@mail.ru

УДК 811.111'282.4(520)

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСТИННОСТИ / РЕАЛИСТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНСКОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

В.В. Фёдоров

*Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга,
Петропавловск-Камчатский*

В статье рассматривается механизм оформления истинности / реалистичности в языке японских англоязычных газет и журналов, которые сопоставляются со своим англо-американским аналогом на предмет выявления их соответствия эндонорме и экзонорме английского языка.

Ключевые слова: японская англоязычная газетно-журнальная публицистика, истинность / реалистичность, прецизионная лексика, публицистические ориентализмы, эндонорма, экзонорма, энзонорма.

Genuineness / Realness in Japan's English Language Journalism Vitaliy Fyodorov

The article examines the mechanism of presenting genuineness / realness in the texts of Japan's English language journalism, comparing the latter with their Anglo-American counterpart in order to establish their correspondence to either the endonorm or the exonorm of the English language.

Key words: Japan's journalism in the English language, genuineness / realness, precise lexicon, journalistic oriental words, endonorm, exonorm, enzonorm.

За последнее столетие английский язык стал одним из самых распространённых и наиболее «влиятельных» языков в мире, что позволило многим языковедам использовать определения «мировой, международный, глобальный» для его описания.

Американский лингвист Б. Качру одним из первых выявил основные факторы, способствующие становлению языка в качестве мирового: демографический и численный фактор, функциональный фактор (мировой язык выполняет функцию обеспечения знаниями), оценочный фактор (международный язык означает нейтральность, либерализм, престижность, хорошее положение в обществе и т. п.), фактор доступности, плюрицентричность (способность мирового языка самому подстраиваться под другие культуры и служить их проводником), материальные факторы (международный язык

является средством для достижения экономического благополучия, определенного социального статуса и т. д.) [1. Р. 130]. Очевиден тот факт, что английский язык вполне удовлетворяет всем перечисленным условиям, выполняя роль языка межнационального общения, в связи с чем набор указанных определений может рассматриваться как синонимический ряд, раскрывающий его статус и роль в современном мире.

Как международный язык, английский язык перестал быть привязанным к какой-либо определённой культуре. Как полагает К. Фергюсон, «развитие английского языка в современном мире всё меньше и меньше определяется людьми, для которых он является родным языком» [2. Р. 16] (здесь и далее перевод наш – В.Ф.). Именно в этом, по мнению ряда исследователей, заключается плюрицентричность английского языка, которая приходит на смену дуоцентрической (британский и американский английский) модели его функционирования и научного описания, что обуславливает выделение множества его разновидностей – *World Englishes* [3; 4].

Создателями этого термина являются Б. Качру и Л. Смит, которые полагают, что «пользователи английским языком как родным и неродным являются равными партнерами в рассуждениях относительно использования английского языка и его преподавания в международном масштабе» [5. Р. 2], в связи с чем термин *World Englishes* и соответствующая аббревиатура (*WE*) признаются наиболее точно раскрывающими принципы *World Englishes Paradigm* (контактной вариантологии) – направления в лингвистике, которое базируется на представлении о множестве и равенстве всех вариантов английского языка, как исторически первичных, так и производных, трансплантированных в новые социально-культурные условия. Представители данной научной школы утверждают, что тезис о существовании единой нормы, которая непременно сводится к британской или американской модели, не оправдан, поскольку сегодня английский язык превратился из моно- или бицентричного языка в полицентричное образование. Все региональные варианты равноправны и характеризуются собственными лингвистическими чертами, отличающими один вариант от другого [6; 7; 8].

М. Бернс, предлагая перечень возможных тем для будущих исследований в рамках контактной вариантологии, позволяющих более полно изучить региональные варианты английского языка,

уделяет особое внимание возможности выделения в них функций / сфер деятельности, подобных британскому и американскому вариантам английского языка [9. С. 35].

Как полагают вариантологи, работы описательного характера, посвящённые функционированию региональных вариантов английского языка, должны сменяться исследованиями, носящими узконаправленный характер, развивающими и углубляющими основополагающие представления *World Englishes Paradigm* применительно к отдельным группам языковых единиц, объединениям текстов, разновидностям речи и т. п. [10. С. 72].

К таковым, в частности, относится сопоставительный анализ характера функционирования однотипных текстов в различных вариантах английского языка. Исследования подобного рода позволяют выявить общие и частные черты актуализации одной и той же функциональной разновидности речи в различных социолингвистических условиях, что способствует, в конечном итоге, формированию более целостного представления о роли и языковых характеристиках того или иного типа текстов в парадигме современного языкознания.

В качестве предмета для подобного сравнительного анализа в рамках настоящей работы избрана актуализация понятийной характеристики истинности / реалистичности газетно-журнального текста, под которой понимается онтологически первичная для публицистики понятийная характеристика, связанная с установкой всякого публицистического текста на описание действительных (или понимаемых создателем текста как действительные) фактов [11. С. 68], в англоязычной периодике Японии.

Источниками эмпирического материала для этого явились следующие англоязычные газетно-журнальные издания Японии: ежедневная газета “The Japan Times”: выпуски за апрель-май 2010 года [12], за май-июль 2012 года [13] и за февраль-март 2015 года [14], ежедневная газета “The Daily Yomiuri”: выпуски за апрель-май 2010 года [15] и за июнь-июль 2012 года [16], ежедневная газета “International Herald Tribune / The Asahi Shimbun”: выпуски за апрель 2010 года [17], а также электронная версия “Tokyo Journal International Magazine” за 2015 год [18].

После извлечения из японских англоязычных публикаций путём сплошной выборки языковых единиц, используемых для

лингвистического оформления истинности / реалистичности, проверялось их наличие или отсутствие в лексикографических источниках, наиболее полно отражающих состояние британского и американского вариантов английского языка (*Longman Dictionary of English Language and Culture* [19] и *Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language* [20]), а также в специализированном англо-русском контактологическом словаре восточноазиатской культуры «Перекрёсток» З.Г. Прошиной [21].

Фиксация исследуемых языковых единиц одним или несколькими словарями рассматривалась как показатель их большей или меньшей ассимилированности в английском языке, в то время как их отсутствие во всех лексикографических источниках свидетельствовало о специфике их функционирования только в японских англоязычных газетах и журналах.

На следующем этапе анализа структурно-семантические характеристики и особенности контекстуального функционирования исследуемых единиц в японской прессе на английском языке сопоставлялись с нормообеспечивающим стандартом англо-американской газетно-журнальной публицистики; особое внимание уделялось отличительным чертам, характерным только для первой из них.

Проведённое исследование свидетельствует о том, что способ языковой актуализации понятийной характеристики истинности / реалистичности в языке японской прессы на английском языке полностью идентичен способу её актуализации в англо-американской газетно-журнальной публицистике и напрямую связан с широким использованием прецизионной лексики, включающей имена собственные героев газетно-журнальных публикаций, топонимические номинации, номенклатурные наименования общественно-политической тематики, аббревиатуры, цифровые показатели и т. п.

Не вдаваясь в подробности использования в японской англоязычной прессе традиционного для англо-американской газетно-журнальной публицистики набора прецизионных единиц, отметим тот факт, что языковое наполнение способа актуализации понятийной характеристики истинности / реалистичности обнаруживает ряд существенных особенностей, характерных только для англоязычной японской прессы.

На страницах исследуемых изданий обнаруживается большое количество национальномаркированных единиц, передающих содержание реалий, характерных для жизни Японии и практически не встречающихся или встречающихся крайне редко в англо-американской прессе, которые могут быть названы публицистическими ориентализмами.

Семантика этих единиц охватывает четыре группы: личные имена, наименования инстанций, топонимические обозначения и культурные явления. Характер их функционирования неоднороден, в связи с чем в пределах каждой группы представляется возможным выделить некоторые внутренние подгруппы, отличающиеся структурой и степенью ассимилированности в английском языке, поскольку «степень проникновения языковых элементов в систему другого языка зависит от множества факторов, как чисто лингвистического, так и экстралингвистического характера» [22. С. 145].

Так, среди личных имён выделяются две разновидности языковых единиц:

а) публицистические фонографические ориентализмы-экзотизмы прецизионного типа, включающие личные имена героев газетно-журнальных публикаций, которые не регистрируются ни одним из указанных выше лексикографических источников, являются неассимилированными в английском языке и отражаются в японских англоязычных газетно-журнальных публикациях посредством транслитерации или транскрипции: *Seiji Maehara, Asuka Saito, Yoshishiko Noda, Ichiro Ozawa, Futenna, Toshiro, Seisho Mokino, Yukido Edano, Tohoku, Shoro Azuma, etc.*

“Osaka Mayor Toru Hashimoto has admitted to an extramarital affair with a club hostess prior to entering public office, confirming the revelation the day before a weekly tabloid magazine published a detailed account of their relationship Thursday” (The Japan Times, July 20, 2012);

б) публицистические ассимилированные ориентализмы прецизионного типа, к которым относятся имена известных во всём мире японцев, регистрируемые большинством словарей и вызывающие устойчивые ассоциации с обозначаемыми ими деятелями политики и культуры: *Akira Kurosawa, Takeshi Ketano, Hirohito, Showa, Akihito, Hokusai, etc.*

Hirohito – (1901-89) the EMPEROR of Japan from 1926 to 1989

[19. P. 629], *Hirohito* – (“*Showa*”) born 1901, emperor of Japan since 1926 [20. P. 673], *Showa* – Сёва, период правления императора Хирохито (*Hirohito*) (1926-1989) [21. С. 425];

“The women are also weighing whether to demand that Tokyo recognize the role of Emperor Hirohito, posthumously known as Emperor Showa, in the nation’s march to war” (The Japan Times, March 9, 2015).

Среди наименований инстанций также можно выделить несколько групп:

а) неассимилированные однокомпонентные публицистические фонографические ориентализмы-экзотизмы прецизионного типа, к которым, в первую очередь, относятся наименования японских малых промышленных предприятий и компаний: *Marubeni, Secom, Ricoh, Chugoku, Hokuriku, Sojitz, etc.*

“According to Atsushi Shibata, chief of the №. 1 overseas power generation project team of Marubeni, ‘Japan’s global technological advantage in geothermal power generation will remain strong for a long time’” (The Daily Yomiuri, July 20, 2012);

б) ассимилированные однокомпонентные публицистические ориентализмы прецизионного типа, регистрируемые большинством лексикографических источников: *Mitsubishi, Panasonic, Sony, Toshiba, Yamaha, Fuji, Nissan, etc.*

Mitsubishi – trademark a type of car or other motor vehicle made by the Japanese company Mitsubishi [19. P. 871], Mitsubishi [яп. «три бриллианта»] Мицубиси, Мицубиши; 1. Японская промышленная корпорация; 2. (торг. марка) марка японского автомобиля [21. С. 306].

“The suit will also target Japanese firms in the Mitsubishi and Mitsui groups for their alleged involvement in installing and managing so-called comfort stations, the sources said” (The Japan Times, March 9, 2015);

в) многокомпонентные публицистические неассимилированные ориентализмы-кальки прецизионного типа: *Chief Cabinet Secretary, the House of Councilors, The Robot Revolution Realization Committee, the National Centre of Incident Readiness and Strategy for Cybersecurity, etc.*

“The Robot Revolution Realization Committee, an advisory panel appointed by Abe, will review existing radio and civil aeronautics laws and set up industry-run best practices for drones” (The Japan Times, March 1, 2015);

г) **многокомпонентные публицистические ассимилированные ориентализмы-кальки прецизионного типа**, регистрируемые преимущественно контактологическим словарём: *Japan Corporate Program, Japan Development Bank, Japanese American Citizens' League, Japan Communist Party, Japan International Cooperation Agency, etc.*

Japan International Cooperation Agency сокр. **ЖИСА** Японское агентство международного сотрудничества [21. С. 202].

“All five of Kokusai Service Agency’s past presidents have been retired officials from the Japan International Cooperation Agency (JICA) and its current president and another senior executive are both retired JICA officials” (The Asahi Shimbun, April 23, 2010);

д) **многокомпонентные публицистические неассимилированные ориентализмы-полукальки прецизионного типа**: *Mizuho Financial Group, Kansai Electric Power Co., Ueno Zoo, Chubu Electric Power Co., Naha-based Regional Coast Guard Headquarters, etc.*

“Ueno Zoo Director Toshimitsu Doi had stressed that panda cubs need to be carefully watched for at least a week since it takes that long to determine whether a baby panda will be able to thrive” (The Daily Yomiuri, July 13, 2012);

е) **многокомпонентные публицистические ассимилированные ориентализмы-полукальки прецизионного типа**; ориентализмы, входящие в их состав, регистрируются словарями различного типа: *Tokyo Electric Power Co., Diet Building, Mitsubishi Heavy Industries Ltd., Fuji Electric Co., Yamaha Motors, Tokyo Olympics, etc.*

Diet – 1 a meeting to talk about political or church matters, 2 (often cap.) (in certain countries) a parliament [19. P. 356], **Diet** (полит.) японский парламент, законодательный орган высшей власти в Японии, образован в соответствии с конституцией Мейдзи в 1889 г. [21. С. 105].

“An inaugural meeting was held in the Parliamentary Museum near the Diet Building in Tokyo with 49 former DPJ members who left the party in opposition to the plan to raise the current 5 percent tax rate to 8 percent in April 2014 and 10 percent in October” (The Daily Yomiuri, July 12, 2012).

Среди прецизионной лексики, обозначающей различного рода

топонимические понятия, также выделяются:

а) неассимилированные однокомпонентные публицистические фонографические ориентализмы-экзотизмы прецизионного типа, к которым, в первую очередь, относятся наименования малоизвестных географических реалий Японии: *Oi, Kubashima, Taishoto, Uotsurijima, Ishigakijima, Rikuzentakata, etc.*

“The government to purchase Uotsurijima, Kita-kojima and Minami-kojima islands of the Senkaku Islands, which are owned by a civilian” (The Daily Yomiuri, July 10, 2012);

б) ассимилированные однокомпонентные публицистические ориентализмы прецизионного типа, регистрируемые большинством лексикографических источников: *Tokyo, Fukushima, Japan, Okinawa, Hiroshima, Hokkaido, Nagasaki, etc.*

Tokyo – the capital and largest city of Japan, and its main financial and business center. Population: 11,549,100 (1995) [19. P. 1418], Tokyo – a seaport in and the capital of Japan, on Tokyo Bay: one of the world’s three largest cities; destructive earthquake and fire 1923; signing of the Japanese surrender documents aboard the USS “Missouri”, September 2, 1945 [20. P. 1491], Tokyo [яп. Токио назв. современной столицы Японии] токийский, токиоский (устар.) [21. С. 478].

“At a symposium on ‘Trauma and Utopia’ held in Tokyo in October 2014, photographer Naoya Hatakeyama talked about his work ...” (The Japan Times, March 4, 2015);

в) многокомпонентные публицистические фонографические ориентализмы-экзотизмы, воспроизводящие только фонографическую форму японских топонимических реалий, как, например, в следующем примере, взятом из статьи о популярных барах Киото: *“Sake Bar Yorami: Nijo Dori Higashinotouin Higashi-iro Minamigawa, Nagakago-ku; ... Кб: Nijo Dori Kiyamachi Higashi-iru, Nagago-ku ...”* (The Japan Times, April 23, 2010);

в) многокомпонентные публицистические неассимилированные ориентализмы-кальки прецизионного типа, воспроизводящие в буквальном переводе наименования малоизвестных иностранному читателю топонимических понятий, связанных с Японией: *Cherry Blossoms District – «округ цветущей вишни Shinjuku Gyoen в Токио», Noon Buddha Mount – «гора Nikogiri», etc.*

“Cherry Blossoms District is one of the main attractions for

tourists” (The Japan Times, April 4, 2010);

г) **многокомпонентные публицистические ассимилированные ориентализмы-кальки прецизионного типа:** *Japan Sea, Northern Japan, Central Japan, Southern Japan, etc.*

Japan Sea – the sea that separates Japan from Korea and the mainland of Asia. In Korea, it is called the East Sea [19. P. 702].

Некоторые из них обнаруживают признаки стёртой метафоризации, как, например, единица *Black Stream*, исходное основание для которой, как правило, регистрируется лексикографическими источниками: *Black Stream (Jpn. Kuroshiro), Japan Current, Japan Stream, a warm ocean current in the Pacific, flowing N along the E coast of Furmosa, NE along the E coast of Japan, and continuing in an easterly direction into the open Pacific* [20. P. 763], *Black Stream / Current / River* [фр. *Le Fleuve-Noire* < яп. *Kuroshiro*] (периф.) «Чёрное течение», *Куросуо* [21. С. 43];

д) **многокомпонентные публицистические неассимилированные ориентализмы-полукальки прецизионного типа**, к которым относятся малоизвестные географические реалии, не фиксируемые словарями, типа: *Takao Mount, Mount Kanuki, Sibuiyan Sea, Kubashima island, Kita-kojima island, Minami-kojima island, Uotsurijima island, etc.* Наряду с японской прецизионной единицей они содержат лексемы *mount, sea, island, etc.*, поясняющие сущность незнакомого топонима.

“*The 73,000-ton Musashi was sunk by U.S. warplanes on Oct. 24, 1944, during World War II in the fierce Battle of Leyte further east of the Sibuyan Sea*” (The Japan Times, March 9, 2015);

е) **многокомпонентные публицистические ассимилированные ориентализмы-полукальки прецизионного типа**, включающие японские топонимы, регистрируемые словарями: *Ibaraki Prefecture, Fukui Prefecture, Akita City, Amakusa Islands, Asahikava City, Fuji Mount, etc.*

Fukui – г. Фукуи (о. Хонсю, Япония) [21. С. 546].

“*Reactor 4 at the Oi nuclear power plant in Fukui Prefecture reached criticality Thursday morning following its reactivation the night before by Kansai Electric Power Co.*” (The Japan Times, July 20, 2012).

Группа прецизионной лексики, называющей культурные явления, включает:

а) **однокомпонентные публицистические фонографические**

ориентализмы-экзотизмы прецизионного типа, не ассимилированные в английском языке: *Harajuku* (культурное направление), *Akinabara* (крупнейшая концертная площадка в Токио), *Takarazuka* (известная шоу-труппа) и т. п.

“*Masuda has worked recently to spread Harajuku culture to people all over the world*” (Tokyo Journal International Magazine, September 13, 2014);

б) однокомпонентные публицистические ассимилированные ориентализмы прецизионного характера: *Midori-no-hi*, *Hagoita*, *Hinomaru*, etc.

Midori-no-hi [яп.] Мидоринохи: День зелени, отмечаемый в Японии 29 апреля [21. С. 300], *Hagoita* Хагойта; праздник, отмечаемый в Японии 17-19 декабря [21. С. 151], *Hinomaru* [яп.] Хиномару; государственный флаг Японии [21. С. 167];

в) многокомпонентные фонографические ориентализмы-экзотизмы (публицистически неассимилированные ориентализмы-кальки прецизионного типа), представляющие собой буквальное воспроизведение в английском языке фонетической формы наименований различных культурных объектов: культурно-развлекательных центров и корпораций (*Shochicku Kageki Dan*, *Marunouchi Toei*), книг и музыкальных произведений (*Mino Isshin*, *Sono Mama no Kimi de Ite*), телепрограмм (*Hodo Tokusho*, *Sunao ni Narenakute*, *Gegege No Niobo*, *Keishicho Shissonin Sosaka*) и т. п.

Интересно отметить, что такие наименования отражаются в японской англоязычной прессе при помощи фонографического воспроизведения по-английски произношения этого наименования на японском языке, которое может сопровождаться соответствующей английской калькой:

“*Yukichi Fukuzawa, a thinker of Meiji era (1868-1912) and founder of Keio Gijuku (the present Keio University), authored the book ‘Minjo Isshin’ (A Complete Change in the Conditions of the People) in August 1879*”; “*The good news for NHK is that Gegege No Niobo is catching on after debuting with the lowest morning serial ratings ever*” (The Daily Yomiuri, April 23, 2010);

г) многокомпонентные публицистические ассимилированные ориентализмы-кальки прецизионного типа: *Japan Times*, *Gentlemen’s Agreement*, *Land of the Rising Sun*, *Labor Thanksgiving Day*, *Liberal Democratic Party of Japan*, etc.

Оригинальное основание стёртой метафорической образности некоторых из них отражается в словарях: *Land of the Rising Sun, Informal. Japan* [20. P. 805], *Land of the Rising Sun*, [яп. *Hinode-guni* < *hino-de* «восход солнца» + *guni / kuni* «страна» < кит. *Jin-pen*] (периф.) Страна восходящего солнца [21. С. 276].

“*Junko Shimazaki runs Donna Models, one of the leading agencies of foreign models in the Land of the Rising Sun, and is mother-agent for Japan’s international supermodel, Tao Okamoto*” (Tokyo Journal International Magazine, October 16, 2014);

д) **многокомпонентные публицистические ассимилированные ориентализмы-полукальки прецизионного типа:** *Tokyo Journal, The Japan Quaterly, Higashiyama Period, Joyo Kanji List, Grand Kabuki, etc.*

Kanji 1. A system of Japanese writing using Chinese-derived characters, 2. Any one of these characters. [*< Jap. Equiv. to kan “Chinese” + ji “ideograph”*] [20. P. 805], *Joyo Kanji List* [яп.] список Дзёё-кандзи; список из 1945 японских иероглифов, созданный на основе китайской письменности (**kanji**), утверждённых правительством для повседневного использования [21. С. 213].

“*As a foreigner I found Joyo Kanji List characters unbearably difficult*” (The Asahi Shimbun, May 3, 2010);

е) **многокомпонентные публицистические неассимилированные ориентализмы-полукальки прецизионного типа:** *Mori Arts Centre Gallery, Hotel Mume, Sake Bar Yorami, etc.*

“*With the exhibition ‘European Masterpieces’ from the Museum of Fine Arts, Boston at the Mori Arts Centre Gallery in Roppongi, Tokyo, however, you needn’t feel disappointment*” (The Daily Yomiuri, April 23, 2010).

Анализ корпуса отобранных аббревиатур позволяет сделать вывод о том, что в языке англоязычной японской периодики наряду с традиционным набором газетно-журнальных сокращений, принятых в англо-американской прессе, широко используются аббревиатуры, отражающие национальные реалии Японии.

Среди них выделяются публицистические аббревиатурные ориентализмы-экзотизмы прецизионного типа и публицистические ассимилированные аббревиатурные ориентализмы прецизионного типа.

К первой группе относятся незнакомые англоязычному

читателю сокращения, призванные унифицировать инокультурные реалии и представить их в привычной для газетно-журнальных публикаций манере изложения материала: *Tepeco (Tokyo Electric Power Co.)*, *Kepeco (Kansai Electric Power Co.)*, *SDF (Self-Defence Forces)*, *NISC (The National Centre of Incident Readiness and Strategy for Cybersecurity)*, etc.

“Because Tepeco is struggling due to increasing fuel costs for thermal power generation to make up for the half in nuclear power because of the Fukushima disaster” (The Japan Times, July 20, 2012).

Ко второй группе относятся сокращения, отличающиеся большей ассимилированностью в английском языке, которые регистрируются лексикографическими источниками и широко распространены за пределами Японии: *JCP (Japan Communist Party)*, *JACL (Japanese American Citizens’ League)*, *JAL (Japan Air Lines)*, *JICA (Japan International Cooperation Agency)*, etc.

Japan International Cooperation Agency сокр. *JICA* Японское агентство международного сотрудничества [21. С. 202].

“All five of Kokusai Service Agency’s past presidents have been retired officials from the Japan International Cooperation Agency (JICA) and its current president and another senior executive are both retired JICA officials” (The Asahi Shimbun, April 23, 2010).

Проведённый анализ позволяет уточнить некоторые теоретические подходы к изучению функционирования региональных вариантов английского языка в определённых регистрах речи, наиболее обсуждаемым из которых является вопрос о нормативности.

Языковая норма представляет собой совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе общественной коммуникации; норма как совокупность стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом, является специфическим признаком национального литературного языка определённого периода [23].

Б. Качру убеждён, что, будучи интернациональным, английский язык в каждой стране функционирует по-своему. Существование разных вариантов языка предполагает наличие нескольких видов норм, в связи с чем традиционно выделяют эндонорму, связанную с родным языком, и экзонорму, являющуюся атрибутом второго языка

[24. С. 43]. При этом есть мнение, что норма регионального варианта языка определяется только в формальных условиях общения, в частности в публицистике [25. Р. 109].

Полученные данные позволяют прийти к выводу о нормативной сущности лингвистических механизмов актуализации понятийной характеристики истинности / реалистичности в японской англоязычной газетно-журнальной публицистике.

С одной стороны, они идентичны способам её актуализации в англо-американской газетно-журнальной публицистике и ориентированы на норму британского и американского вариантов английского языка, которая по сути своей представляет экзонорму для носителей японского языка, поскольку английский язык не является для них родным.

В то же время языковое содержание актуализации понятийной характеристики истинности / реалистичности имеет ряд специфических черт, указывающих на его ориентированность на норму, выработанную для оформления англоязычной периодики в японском варианте английского языка, которая может быть определена как эндонорма японского английского, что в полной мере соотносится с мнением Б. Качру, который считает, что модель второго языка также должна считаться эндонормативной, поскольку «институциализированные» варианты языка вырабатывают свою собственную внутреннюю форму, отличающуюся от британского или американского вариантов английского языка, представляющих собой традиционные эндонормы [26. Р. 21].

Основным эндонормативным проявлением, связанным с актуализацией понятийной характеристики истинности / реалистичности в японской англоязычной прессе, является наличие значительного количества публицистических прецизионных ориентализмов, отличающихся степенью освоенности в английском языке: неассимилированных фонографических экзотизмов и ассимилированных языковых единиц «японской» семантики. Многие из них давно нашли своё место на страницах словарей и справочников, другие вообще не известны англоязычным читателям в силу собственной экзотичности и малоупотребительности, а третьи регистрируются лишь некоторыми, как правило специализированными, изданиями, что указывает на их переходный характер из японского языка в постоянный фонд

заимствований английского языка.

Как видно, лингвистические механизмы оформления понятийной характеристики истинности / реалистичности в японской англоязычной газетно-журнальной публицистике одновременно ориентированы как на экзонорму, так и на эндонорму. В таких случаях, считает О.Е. Семенец, имеет смысл выделение энзонормы, носящей промежуточный характер между эндонормой и экзонормой, которая характерна для функционирования английского языка как второго в англоязычной среде [27. С. 157-162].

Таким образом, способы языковой актуализации истинности / реалистичности в англоязычной периодике Японии могут быть признаны энзонормативными.

Библиографический список

1. Kachru B.B. The Power and Politics of English // *World Englishes*. 1986. Vol. 5. № 2 / 3. P. 130.
2. Ferguson C. Forward to the First Edition // *The Other Tongue: English across Cultures*. 2nd ed. / B. Kachru (ed.). Urbana & Chicago: University of Illinois Press, 1992. P. 19-26.
3. Kachru B.B. Standards, codification and sociolinguistic realism. *The English Language in the outer circle* // *English in the World: Teaching and Learning the Language and the Literatures*. Edited by Randolph Quirk and H.G. Widdowson. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 11-30. Reprinted: *World Englishes: Critical Concepts in Linguistics* / Ed. by Kingsley Bolton and Braj B. Kachru. Vol. 3. London and New York: Routledge, 2006. P. 214-269.
4. Lockwood R. Global English and Language Market Trends // *Language International*. 1998. Vol. 10. № 4. P. 17-18.
5. Kachru B.B., Smith L. Editorial // *World Englishes*. 1985. № 4. P. 209-212.
6. Davies D.R. World Englishes and descriptive grammars // *The Handbook of World Englishes* / Ed. by B. Kachru, Y. Kachru, and C. Nelson. Malden, MA., USA; Oxford, UK; Carlton, Victoria, Australia: Blackwell Publ., 2006. P. 509-525.
7. Kachru B.B. Regional norms for English // *Initiatives in Communicative Language Teaching*. Edited by Sandra J. Savignon and Margie S. Berns. Reading: Addison-Wesley Company, 1984. P. 55-78. Reprinted: *World Englishes: Critical Concepts in Linguistics* / Ed. by Kingsley Bolton and Braj B. Kachru. Vol. 3. London and New York: Routledge, 2006. P. 434-455.

8. Kachru Y. World Englishes and rhetoric across cultures // Asian Englishes. 2001. Vol. 4. № 2. P. 54-67.

9. Д'Анджело Дж. Японский вариант английского языка? Направляя дискуссию в нужное русло // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. №2 (42). С. 32-43.

10. Фёдоров В.В. Лингвистические механизмы оформления аргументированности в китайской англоязычной газетно-журнальной публицистике // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 29. Н. Новгород, 2015. С. 71-81.

11. Вариативность в европейских и восточных языках: межкультурный аспект: Монография / Авт. коллект.: Деркач А.В., Каразия Н.А., Плисов Е.В., Фёдоров В.В., Хохлова И.Н. / Под ред. И.Н. Хохловой. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГУ им. Витуса Беринга, 2013. 172 с.

12. The Japan Times. Weekly edition. Tokyo. April-May 2010 issues.

13. The Japan Times. Weekly edition. Tokyo. May-July 2012 issues.

14. The Japan Times. Weekly edition. Tokyo. February-March 2015 issues.

15. The Daily Yomiuri. Weekly edition. Tokyo. April-May 2010 issues.

16. The Daily Yomiuri. Weekly edition. Tokyo. June-July 2012 issues.

17. International Herald Tribune / The Asahi Shimbun. Weekly edition. Tokyo. April 2010 issues.

18. Tokyo Journal International Magazine // Электронный ресурс Интернет: www.tokyojournal.com.

19. Longman Dictionary of English Language and Culture. New Ed. Addison Wesley Longman, 1998. 1586 p.

20. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language, Random House Company, New Jersey, 1989. 1854 p.

21. Прошина З.Г. Перекрёсток: Англо-русский контактологический словарь восточноазиатской культуры. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 580 с.

22. Текст как социокультурный феномен: Монография / Авт. коллект.: Деркач А.В., Каразия Н.А., Кузнецов В.В., Плисов Е.В., Фёдоров В.В., Хохлова И.Н. / Под ред. И.Н. Хохловой. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГУ им. Витуса Беринга, 2014. 216 с.

23. Ицкович В.А. Языковая норма. М.: Просвещение, 1968. 94 с.

24. Прошина З.Г. Английский язык и культура народов Восточной Азии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 476 с.

25. Lowenberg P. Testing English as a World Language: Issues in Assessing Non-Native Proficiency // The Other Tongue: English Across Culture.

2d ed. / B. Kachru (ed.). Urbana & Chicago; University of Illinois Press, 1992. P. 109.

26. Kachru B.B. *The Alchemy of English: The Spread, Functions and Models of Non-native Englishes*. Oxford a.o., 1986. 200 p.

27. Семенец О.Е. Социальный контекст и языковое развитие: Территориальная и социальная дифференциация английского языка в развивающихся странах. Киев: Вища школа, 1985. 175 с.

Сведения об авторе

Фёдоров Виталий Викторович
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой переводоведения
и второго иностранного языка
Камчатского государственного
университета им. Витуса Беринга
E-mail: vvfyodorov@mail.ru

УДК 81'373.45

О ВОЗМОЖНОСТИ ЗАИМСТВОВАНИЯ КОНЦЕПТОВ

Фу Цзин

Сычуаньский университет иностранных языков, Чунцин, Китай

В статье рассматриваются теоретические аспекты проблемы заимствования концептов. Основное внимание уделяется установлению способов актуализации инокультурных ментальных сущностей в принимающей культуре и критериев их определения в качестве таковых.

Ключевые слова: заимствование концептов, способ актуализации, критерии определения.

On Possibility of Borrowing Concepts

Fu Jing

The article deals with theoretical aspects of borrowing concepts. The focus is on establishing the ways of actualization of alien mental entities in the host culture and the criteria of their identification as such.

Key words: concepts' borrowing, method of realisation, criteria of identification.

Процессы глобализации и другие кардинальные изменения, происходящие в современном мире, приводят к интенсивному диалогу культур, который проявляется в различных сферах духовной, интеллектуальной, социально-практической деятельности человека.

В области языка наиболее видимым проявлением усиления межкультурных взаимодействий и взаимовлияний выступает нарастание потока лексических заимствований, в том числе и тех, посредством которых в культуре-реципиенте отражаются особенности мировосприятия, бытового уклада, духовной жизни другого народа. Это, в свою очередь, порождает в области лингвистики проблему осмысления лексических заимствований с позиций содержания отражаемого в них знания. Принимая во внимание достижения современной гуманитаристики, «объем» информации, ассоциируемый с этими заимствованными лексемами (или некоторыми из них), может быть определен как *концепт* – понятие, соответствующее представлению «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких “квантов” знания» [1. С. 90].

Осознание заимствованных лексических единиц как языковых знаков, репрезентирующих в культуре-реципиенте национально(этно)-специфические концепты как целостные структуры знания, привело к постепенному признанию явления «перенимания» одной лингвокультурной общностью у другой лингвокультуры подобных ментальных сущностей. В русскоязычной лингвистической традиции данное явление нашло отражение в терминах «импорт концептов» (В.И. Карасик) и «заимствование концептов» (В.И. Карасик, Т.Б. Новикова), предложенных и разработанных в трудах В.И. Карасика [2; 3], а также защищенных под его руководством диссертаций Т.Б. Новиковой [4] и Е.О. Клименко [5]). Однако в названных работах – без сомнения, значимых и своевременных – явление заимствования концептов рассматривалось скорее как объективная данность, как состоявшийся факт, в то время как вопрос о правомерности постановки самой проблемы заимствования концептов как *ментальных* сущностей не получил достаточно четкого освещения. Не в полной мере теоретические аспекты заявленной проблемы были рассмотрены и в нашей кандидатской диссертации «Концепт ФЕН-ШУЙ и его освоение в русской языковой картине мира» [6] в силу практической направленности исследования.

Указанные обстоятельства и обусловили актуальность избранной нами темы. Цель предлагаемой статьи состоит в изучении вопроса о самой возможности переноса концептуальных структур из одной культуры в другую и механизмов подобного переноса.

Для достижения поставленной цели нами были определены следующие задачи:

- 1) обобщить имеющиеся научно-теоретические данные о проблемах заимствования концептов;
- 2) охарактеризовать механизмы актуализации заимствованных концептов в культуре-реципиенте, в частности, в русской языковой картине мира.

Обращаясь к непосредственному рассмотрению вопроса о возможности заимствования концептов, отметим, прежде всего, что для номинирования данного явления в лингвистике параллельно используются два термина – «импорт» и «заимствование» (концептов), введенные в научный обиход В.И. Карасиком [3. С. 176-186] и названными выше представителями его научной школы

(Т.Н. Новиковой, Е.О. Клименко), в исследованиях которых «теория импорта концептов» и сами эти термины получили свое развитие и более детальное освещение.

В настоящее время более широкое распространение в лингвистической литературе получил термин «заимствование концептов» – вероятнее всего, вследствие того обстоятельства, что он является более привычным, сугубо «лингвистическим» термином (ср. «языковое заимствование»), в то время как термин «импорт» более ассоциируется со сферой экономики. Тем не менее оба термина в одинаковой мере отражают процесс взаимодействия концептосфер различных культур и как таковые используются при номинировании и размежевании *исконных* (или *автохтонных*) и *заимствованных* (*импортированных*, «чужих») ментальных сущностей, принципиальное отличие между которыми, согласно М.В. Пименовой, состоит в том, что исконные концепты (*князь*, *богатырь*, *Русь*, *соловей-разбойник* и др.) зародились в национальной концептосфере, заимствованные же (такие, к примеру, как *идея*, *фантазия*, *император*, *президент*) были в нее привнесены из других национальных концептосфер [7. С. 83].

Ориентируясь на сформулированные В.И. Карасиком общетеоретические положения, взаимодействие концептосфер различных национальных культур можно рассматривать как двуединый процесс, сочетающий в себе два компонента. Первым из них является собственно *импорт* (или *заимствование*) как проявление культурной экспансии – *факт* проникновения (спонтанного или вызванного целенаправленными действиями) концепта из концептосферы одной культуры в другую.

Исходя из накопленного эмпирического материала, можно говорить о двух основных векторах «импорта» концептов в русскую ментальность: а) с Запада (так называемые «западные» концепты), по преимуществу из англоязычной и особенно американской культуры («менеджмент», «гламур», «звезда Голливуда», «пиар», «свобода слова»² и др.); б) с Востока (так называемые «восточные» концепты, к числу которых относится и реконструированный нами концепт ФЕН-ШУЙ).

² Мы даем перечень концептов, которые *уже* реконструированы в работах российских и украинских исследователей.

Второй компонент в структуре процесса взаимодействия национальных культур – это *внедрение* концептов как процесс *освоения* и *адаптации* / *ассимиляции* импортированных («чужих») ментальных сущностей заимствующей культурой. А.Д. Шмелев в своем докладе на конференции «Теория и методология гуманитарного знания: история понятий» (Москва, РГГУ, 29 марта 2010) обозначил два возможных способа освоения инокультурных (в частности, «западных») ментальных сущностей русской языковой картиной мира. Первый из них мыслится А.Д. Шмелевым как «*встраивание*», вызывающее трансформацию семантики самого концепта. В качестве примера такого способа освоения инокультурных концептов автор упомянутого доклада называет заимствованное из французского языка слово-концепт «кураж», которое в русском языковом сознании изначально ассоциировалось с состоянием алкогольной раскрепощенности (ср.: «пьяный кураж»), и лишь впоследствии стал одним из национально специфичных концептов – наряду с такими «сугубо русскими» концептуальными образованиями, как «тоска» и «надрыв» [8].

Другой путь «усвоения» автохтонной культурой заимствованного культурного концепта А.Д. Шмелев видит в изменении сегмента языковой картины мира, в которую встраивается концепт [8].

Сущность проблемы, связанной с феноменом заимствования концептуальных структур, определяется самой природой концепта. По определению Е.С. Кубряковой, концепт – это «единица *ментальных* или *психических* ресурсов нашего сознания <...>; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, <...> языка мозга» [1. С. 90]. Данное определение созвучно и определению концепта, предложенному в работах известных российских лингвокогнитологов З.Д. Поповой и И.А. Стернина. В частности, З.Д. Попова идентифицирует концепт как «дискретное *ментальное* образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного

сознания к данному явлению или предмету» [9. С. 24]. Таким образом, концепт представляет собой единицу «абстрактного уровня осмысления реальной действительности» [10. С. 95], то есть является, по справедливому замечанию З.Д. Поповой и И.А. Стернина, «категорией *мыслительной, ненаблюдаемой*» [11. С. 21].

В таком случае при заимствовании «речь идет, – по справедливому замечанию В.И. Карасика, – о *внедрении* в иную культуру концепта» как *ментального* образования, «опирающегося на многослойный культурный опыт (этноса – *Ф.Ц.*), сконцентрированный в индивидуальном и коллективном языковом сознании (этноса – *Ф.Ц.*)» [3. С. 177].

Именно подобная ментальная «локализация» концепта стала причиной, по которой некоторые ученые отказывались признавать заимствование концептов как таковое и, соответственно, отказывали в праве на существование таким терминам как «заимствованный концепт» или «импортированная ментальная сущность». Ошибочность такого подхода, на наш взгляд, заключалась в том, что не учитывалось главное положение лингвоконцептологии – о том, что все концепты, «свои» или «чужие», «распредмечиваются», «объективируются» при помощи слов. Это общеметодическое положение одной из первых сформулировала А. Вежбицкая, утверждавшая, что добратся до мысли можно «только *через слова* (никто еще пока не изобрел другого способа)» [12. С. 293]. М.В. Пименова отмечает, что «концепты – это единицы концептуальной системы в их отношении к *языковым выражениям*» [13. С. 8]. На «языковой фиксации концепта» [2. С. 10] как способе «материализации» этой «невидимой» мыслительной сущности настаивает и В.И. Карасик. Этот же путь ученый считает единственно возможным для идентификации заимствованных ментальных сущностей: «В лингвистическом аспекте определить чужие концепты можно лишь отталкиваясь от *их вербальных проявлений*» [3. С. 177]. Таким образом, заимствованные концепты полностью укладываются в общее для когнитивной лингвистики положение о том, что «концепты имеют *языковую объективацию*, то есть выраженность языковыми средствами того или иного языка» [14. С. 40]. Поэтому единственно возможным способом моделирования заимствованных – так же, как и исконных – ментальных сущностей оказывается анализ их языкового воплощения (об этом, кроме работ упомянутых выше

ученых и исследователей, речь идет в трудах Н.Д. Арутюновой, А.П. Бабушкина, С.Г. Воркачева, В.В. Красных, Д.С. Лихачева, С.Х. Ляпина, Г.Г. Слышкина).

Н.С. Платонова отмечает, что структурирование концептов в той или иной лингвокультуре происходит на основе как минимум двух критериев: 1) «овеществления» концепта, 2) появления *имени*, т. е. ключевой репрезентирующей этот концепт лексемы, а также наличие ценностной составляющей [15. С. 8]. В этом смысле ценным нам представляется наблюдение М.В. Пименовой, которая подчеркивает, что «показателем заимствования» как такового является «заимствованное слово – репрезентант (имя – *Ф.Ц.*) концепта» [13. С. 8]. Поэтому именно появление *имени* концепта как его базового вербализатора, репрезентирующего данную инокультурную ментальную сущность в лингвокультуре-реципиенте, можно считать началом освоения заимствованного концепта в принимающей лингвокультуре. Такая ключевая лексема является главным «входом» в концепт в заимствующей культуре, поскольку именно на ее основе происходит «овеществление» концепта, формирование номинативного поля и системы ассоциатов (как правило, это совокупность уже освоенных и существующих в языковом сознании концептов), определяющих эмоционально-оценочную составляющую заимствованного концепта в культуре-реципиенте.

Важным аспектом проблемы импорта концептов является вопрос о том, какую именно заимствуемую ментальную сущность можно идентифицировать как таковую.

В связи с этим обратимся к тем типам «чужих» концептов, которые В.И. Карасик различает в своей монографии «Языковой круг, концепты, дискурс» на основе их (концептов) вербальных проявлений с учетом таких признаков как формальность, наличие ценностного компонента, разновидность этого компонента и ценностная специфика.

К первому типу рассматриваемых единиц ученый относит *нулевые* (или *пустые*) концепты, которые проявляются как варваризмы, используемые в русской речи вместо русских слов без смысловой дифференциации (например, «фейсом об тейбл», игровое замещение русских слов «лицо» и «стол»). Такие «псевдоконцепты» часто встречаются в речи лиц, использующих макаронический стиль

смешения языков («чилдренята» от англ. *children*, «виндовочка» от англ. *window* и т.п.) [3. С. 177].

Второй тип составляют *квази-концепты* (типа «сканер», «принтер», «винд-серфинг»), обозначающие реалии, заимствуемые из иной (в данном случае – английской и американской) культуры. По мнению ученого, концептами в строгом смысле слова назвать ментальные образования, стоящие за данными словами, достаточно трудно, поскольку у них отсутствуют ценностные или этнокультурные признаки [3. С. 178].

К третьему типу В.И. Карасик относит *паразитарные* концепты типа «сэконд хэнд» (от англ. *second hand*), которые не меняют ценностных содержательных ориентиров в сознании носителей языкового сознания, а являются, как правило, лишь рекламным ходом [3. С. 177-178].

В полном смысле слова «заимствованными» концептами В.И. Карасик считает «чужие частнооценочные концепты, <...>, фиксирующие *ценности иной культуры*» [3. С. 178]. Их главная функция, по мнению ученого, – это «установление ценностных отношений, свойственных *иной* <...> культуре» [3. С. 179], следовательно, эти концепты, согласно выводам ученого, выделяют те смысловые объекты, которых в национальной культуре *нет*.

Отталкиваясь от этого тезиса В.И. Карасика, Т.Б. Новикова трактует заимствование лингвокультурного концепта как «заполнение концептуальной *лакуны*, проявляющейся в процессе межкультурной коммуникации при *расхождении* лингвокультурного опыта» отдающей и принимающей лингвокультуры [4. С. 85]. По мнению исследователя, именно степень *чуждости* инокультурного феномена, наличие сходных концептов в заимствующей лингвокультуре, степень содержательной и / или структурной сложности концепта (как то: наличие метафоры, включения предметного или сценарного компонентов и т.п.) определяет успешность заимствования той или иной инокультурной концептуальной структуры. При этом, как утверждает Н.С. Платонова, говорить о заимствовании концепта можно лишь в том случае, если концептуализируемая область важна для языкового сообщества, если имеется потребность дробно и дифференцированно обозначать варианты интерпретации концепта.

Приведенные выше положения позволяют сделать вывод о правомерности расширения ареала термина «заимствование» и

применения его не только к лексическим единицам, но и к стоящим за ними лингвоментальным сущностям – концептам. Реконструкция такой сущности в принимающей культуре происходит на основе его языковых воплощений и чаще всего сопровождается заимствованием иноязычного выражения в качестве имени инокультурного концепта, ценностное содержание которого (имени) определяет вектор / векторы разворачивания концептуальных смыслов в культуре-реципиенте.

Перспективным направлением дальнейших исследований в заявленной области представляется уточнение и конкретизация обозначенных в данной статье ключевых теоретических аспектов феномена заимствования лингвокультурных концептов, а также моделирование еще не исследованных социально значимых заимствованных концептов.

Библиографический список

1. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.
2. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // *Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности*. Волгоград: Перемена, 2001. С. 3-16.
3. Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*: Монография. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Новикова Т.Б. *Заимствование лингвокультурных концептов (на материале английского и русского языков)*: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 210 с.
5. Клименко Е.О. *Концепт «МЕНЕДЖМЕНТ» в американской и русской лингвокультурах*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 26 с.
6. Фу Цзин. *Концепт ФЕН-ШУЙ и его освоение в русской языковой картине мира*: Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2011. 295 с.
7. Пименова М.В. *Коды культуры и проблема классификации концептов* // *Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отделения РАЛК* / под ред. Г.Н. Манаенко. Вып. 5. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2007. С. 72-78.
8. Шмелев А.Д. *Русское восприятие «западных» концептов: пути адаптации* // *Электронный ресурс* Интернет: www.gumchtenia.rggu.ru/binary/253733_51.1269556538.69872.doc.

9. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ, Восток-Запад. 2007. 314 с.
10. Сегал Н.А. Образ дороги в политическом дискурсе // Культура народов Причерноморья. № 94. С. 95-100.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: Монография. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006. 226 с.
12. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А.Д. Шмелева, под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
13. Пименова М.В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику / под ред. М.В. Пименовой. Вып. 4. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. С. 3-10.
14. Светоноснова Т.А. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия // Филологические науки в МГИМО: сборник науч. трудов. № 27 (42) / отв. ред. Г.И. Гладков. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 39-46.
15. Платонова Н.С. Становление и развитие межъязыковых коррелирующих концептов «GLAMOUR» и «ГЛАМУР»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 26 с.

Сведения об авторе

Фу Цзин
кандидат филологических наук,
преподаватель факультета русского языка
Сычуаньского университета
иностранных языков, Чунцин, Китай
E-mail: fenger1205@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.163.41"19"

МЕЖДУ СНОМ И ЯВЬЮ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ «САД ЦВЕТА МАЛЬВЫ» БРАНКО ЧОПИЧА

Лиляна Байич

Белградский университет, Белград, Сербия

В работе исследуются поэтические оппозиции, которые появляются в рамках структуры сборника рассказов «Сад цвета мальвы» Бранко Чопича. Очевидно, что бинарные оппозиции мотивов встречаются как в отдельных рассказах («Поход на Луну», «Голубые горшки»), так и в циклах («Утра голубой мальвы», «Дни красной мальвы»). Это явление интерпретируется на отдельных примерах, особенно на примере письма Зие Диздаревичу. В этом письме противоположности, приведенные в парах, эксплицитно выделены и в поэтическом проекте, отмечены как конструктивный подход, характерный для произведения в целом. Бинарные оппозиции мотивов появились на основании придуманных автором понятийных разграничений, таких как добро и зло, сон и явь, возвышенность и равнина, открытое и закрытое пространство. Оппозиции отличаются взаимными противоположностями, но в то же время характеризуются неопределенностью и взаимопроникновением противоположных понятий.

Ключевые слова: «Сад цвета мальвы», бинарные оппозиции мотивов, поэтический проект, противоположности, взаимопроникновение.

Between Dreams and Reality: Branko Copic's Novel *The Marshmallow Color Garden* **Ljiljana Bajić**

The paper examines poetic oppositions that occur within the structure of Branko Copic's novel *The Marshmallow Color Garden*. It emphasizes binary oppositions of motifs, represented in both individual stories ("Pohod na mjesec", "Plavi lončići") and cycles ("Jutra plavog sljeza", "Dani crvenog sljeza") and provides selected interpretations, specifically that of the letter to Zija Dizdarevic, in which the opposites listed in pairs are explicitly highlighted and marked as a constructive procedure characteristic of the poetic project as a whole. Binary oppositions of motifs are identified on the basis of conceptual distinctions devised by the author and include good and evil, dream and reality, high and low, open and confined space. Each of them features mutual opposites and is simultaneously burdened with uncertainties and mutual permeation of opposing concepts.

Key words: *The Marshmallow Color Garden*, binary oppositions of motifs, poetic project, opposites, permeation.

Сборник «Сад цвета мальвы» сложился в результате нанизывания коротких рассказов, сгруппированных по темам и

героям в соответствующие повествовательные циклы (прим. 1). Рассказы, разделенные на две части циклического типа («Утра голубой мальвы», «Дни красной мальвы»), формально связаны функциональным заглавием произведения, в котором посредством мотива мальвы сохраняется семантическая" связь с названиями циклов и подразумевается возможность их добавления. Группировка и соединение рассказов в циклы и их объединение еще сильнее подчеркнуты посредством рассказа в форме письма Зие Диздаревичу (прим. 2).

Но этот текст в форме письма можно читать и как своего рода литературную программу, в которой автор соответствующим образом изложил теоретический принцип биполярной типологии, оппозицию, в рамках которой он разместил поэтическую и нравственную дихотомию добра и зла, сна и яви.

В письме Чопича говорится о тревоге за мир и мыслях о судьбе:

Поздняя ночь, и мне не спится. В эту глухую пору разговаривают только с духами и воспоминаниями, а я размышляю о золотой паутине и серебряном тумане твоих рассказов, и о страшном конце, который постиг тебя в концлагере Ясеновац. <...>

В те самые годы я случайно избежал твоей судьбы, но вот уже некоторое время за моим рабочим столом меня охватывает черное предчувствие: я вижу какую-то ночь, прохладную, со звездами из льда, в которой ведут меня неизвестно куда. Кто они – эти мрачные палачи в человеческом обличье? Похожи ли они на тех, которые тебя увели? Или они братья тем, перед которыми ушел Горан? Разве это не те мрачные убийцы Кикича? [1. С. 3] (перевод мой – Л.Б.).

Жизненная реальность и мир рассказа резко противопоставлены. В стесненном мире, обремененном угрозами опасности и зла, страх земных насильников рождает страх экзистенциальный. Поэтический мир Диздаревича, меж тем, соткан из мотивов света, прозрачности и эфирности и поддерживает радость и бодрость, побуждает мысли о порядке, смысле и гармонии. В контексте его творчества бессонная ночь и сопровождающие ее часы воспринимаются как выражение страха и неуверенности перед всем извращенным, нечеловеческим и демоническим. Семиозис противопоставленных миров уводит читателя в поле символического смысла, в котором поэтический принцип, хотя и не может отвергнуть земной удел смерти, придает смысл человеческой жизни:

Множатся по миру черные кони и черные всадники, ночные, дневные вампиры, а я сижу над своей рукописью и рассказываю об одном саде цвета мальвы, о добрых стариках и романтических юношах. Я погружаюсь в дым войны и нахожу суровых воинов с кротким сердцем. Прежде чем меня уведут, я спешу рассказать золотую сказку о людях. Ее семя посеяли в моем сердце еще в детстве, и оно все время всходит, цветет и обновляется. Его сжигали многие ужасы, через которые я проходил, но корень оставался, животворящий и неуничтожимый, вновь выставляя под солнце свой хилый росток, свое знамя. На него обрушивалась танковая броня, а защищала его и сохранила дружески наклоненная человеческая ладонь [1. С. 4].

В художественном мире «Сада цвета мальвы» поэтический принцип является не только эстетическим началом, но и своего рода жизненным и ценностным принципом. В отдельных рассказах этот принцип конкретизируется как мечта о красоте и счастье, как тоска по неизведанному миру и далям или как порыв доброты и понимания между людьми, и именно тогда, когда, предупреждая о зле и бесчеловечности, спешит рассказать о том, что человечно и гуманно. Используя близкий и доверительный тон эпистолярной формы, писатель обнаруживает, что жанр рассказа можно назвать «золотой сказкой о людях». Ее смысл и действие могут быть объяснены именно тем, что делает такой рассказ достойным написания. Литературные теоретики подчеркивают, что роль рассказов заключается в поучении о мире, о том, как он функционирует. Они нам дают возможность путем различных процедур фокусирования рассмотреть явления с другой точки зрения, осознать как благородство, так и несовершенство / жестокость людей, раскрыть пустоту мира и подвергнуть его критике, а знанием, которое нам дают, в той мере, в которой они создают смысл, поддерживают приемлемый порядок ценностей [2. С. 108]. Тематизируя мотивы доброты, воодушевления, фантазии, понимания и смелости в качестве достоинств, ценность которых не подвергается сомнению, рассказы Б. Чопича устанавливают такой приемлемый порядок. На принципах доброты, любви, доверия и дружбы выстроен мир «Сада цвета мальвы». Несомненно, «Сад цвета мальвы» для Чопича – это и свидетельство, и акт сопротивления смерти, когда творчество воспринимается как аутентичная жизнь. Поэтому, даже тогда, когда Чопич не хочет

говорить о «тех других», которые как представители зла распространяются в мире, произведение само сопротивляется им в той мере, в которой автор устанавливает и подтверждает собственный ценностный мир. В этом смысле «Сад цвета мальвы» представляет артефакт борьбы с бесчеловечностью, в которой писатель обнаруживает глубочайшие мотивы и причины для того, чтобы писать.

Особое место в цикле «Сад цвета мальвы» занимает рассказ «Поход на Луну». Существует несколько причин, по которым этот рассказ является произведением, репрезентативным для всего цикла. Это тема детства, которая встречается во многих других рассказах цикла «Сад цвета мальвы», и тема похода, который представлен как движение к символической высоте и к свету.

О походе на Луну рассказывает мальчик, который с седельником Петраком в нем участвует. Мальчик энергичный и любознательный, всем интересующийся, подходит на роль повествователя. Образ мальчика детально проработан и сформирован при помощи атрибутов, типичных для его возраста. К тому же мальчик является протагонистом событий, о которых он повествует, и его присутствие воздействует на само событие и рассказ о нем. В данном случае речь идет о так называемом драматизированном повествователе, который более или менее подробно охарактеризован как определенное / некое «Я». Хотя драматизированный повествователь может быть в значительной мере обезличен, его образ чаще, как в «Походе на Луну», создан при помощи физических, ментальных и моральных атрибутов:

Мне только пятый год, а мир вокруг меня уже начинает закрываться и сжиматься. Это тебе можно, а это нельзя, это хорошо, а то плохо, это ты можешь сказать, а то не смеешь. Появляются так, со всех сторон, стаи сердитых гусей, они могут и ударить.

– Получишь ты, малыш, по голове, тогда и бросишь свои глупости.

Как пройти! Утром, как только открываешь глаза, вот и они с разных сторон, клюют как воробы, и мне приходится спрашивать. Это мир вокруг меня придурковатый и глуповатый, а не я [1. С. 21].

Мир запретов, которыми обременен быт рассказчика, тесен для его возбужденного и беспокойного духа, и тем самым конфликт с этим миром отражается в его речи и самой форме повествования. Разъединенность двух миров, сна и яви, подчеркивается с помощью наречий *только* и *уже* (*Мне только пятый год, а мир вокруг меня уже начинает закрываться и сжиматься*) и местоимения *это* и *то* (*Это тебе можно, а то нельзя, это хорошо, а то плохо, это ты можешь, а то не смеешь*), выделенные в начале предложений, в данном контексте имеют значение противопоставлений. Большое количество запретов и их непредсказуемость выражены в синтагмах *это тебе можно – это ты можешь, то нельзя – то не смеешь*, потому что они не относятся ни к одному конкретному явлению. Живописные картины стада сердитых и озорных гусей, *клюющих как воробы*, созданы в сознании повествователя, а в психологическом и фразеологическом смысле приспособлены к его точке зрения. Этой необычной, но аутентичной живописностью, характеризующей юношеский опыт и проблемы, с которыми автор сталкивается, достигается близость и слияние с повествователем. В данном случае именно он оказывается в фокусе читательского внимания и является фокализатором. Читатель не только слышит его голос, он также само действие видит его глазами (прим. 3).

На повествовательные эффекты в большей степени влияет и отбор временной фокализации. Он сосредоточен на том, что чувствует и о чем думает во время похода. Повествователь фокусирует случаи через сознание ребенка. В конце рассказа он переходит с того, о чем когда-то знал и что когда-то чувствовал, на то, что знает и понимает во время повествования.

И, как и тогда, так и до нынешних дней: стою, разрываясь между спокойным дедушкиным костром, постоянно понемногу горящим в темной долине, и страшным блестящим лунным пожаром, холодным и обманчивым, растущим над горизонтом и неудержимо тянущим в неизвестное [1. С. 27].

Комбинируя две временные фокализации, он показывает, что позже смотрит на мир такими же глазами, какими смотрел во время похода. Это позволяет повествователю выделить свое противоречивое и напряженное отношение с миром, выраженное в контексте между приятной известностью знакомого ему мира и заманчивой красотой неизвестного, и рассказать о нем.

В рассказе особенно развиты бинарные представления поэтического пространства (возвышенность и долина, открытое и закрытое пространство), между которыми установлены отношения сопоставления. Возвышенность и свет – это знаки, которыми отмечен поход. Идя вслед за лунным пожаром, путешественники, которые участвуют в походе, приближаются к блестящим горизонтам, погруженным в волны света, от которых захватывает дух и невозможно отвести глаза. Мотив воодушевления тесно связан с луной, которая сильнее всех излучает свет и заставляет мечтать и грезить о неизвестном. В противовес высоте, снабженной атрибутами желанного и воображаемого мира, представлена долина. Свет, освещающий ее, исходит от игривого, горящего под котлом для ракии, костра дедушки Радо. Когда в походе герой рассказа оглядывается за дедушкой, он все еще видит этот огонь. Но перед ним высится горизонт самого блестящего света, широкое небо, пылающее от могучего лунного пожара. Перед этой сценой костер дедушки не в силах привлечь воображение героя, но он за ним оборачивается и ему посылает свое сердце. Костер для героя теплее лунного пожара, так как он воспринимает его как символ любви и безопасности. В его сердце это костер-защитник.

Мотив костра строился на основе элементов эмоционального опыта героя. С его точки зрения костер – «печальный», «надежный», «спокойный», он «бдит, зовет и показывает путь». Огонь перерастает значение материального мотива и мотив явления и переходит в сферу антропологического и гуманистического содержания и ассоциируется с теплом, дружбой, любовью, опорой и защитой. А посредством этих гуманных свойств мы вникаем в территорию символической семантики: огонь, который бдит и показывает путь, – это символ постоянной дружеской и покровительственной любви. И долина, освещенная огнем дедушки, в рассказе построена как представление защищенного пространства, знаками которого являются доброта, любовь и понимание.

Не только в «Походе на Луну», но и в других рассказах цикла «Сада цвета мальвы» мотивы пространства являются одними из ведущих мотивов произведения. Бинарные оппозиции этих мотивов выражены через противопоставленные границы пространства, которое либо упрощено и ограничено (домашний очаг, родная долина, родина), либо оно неизмеримо, открыто, широко и подвижно

(высота / возвышенность, небо, даль, река). Открытое пространство привлекает, приводит в восторг и призывает к движению. Закрытое пространство воспринимается как защищенное, а его сила особенно подчеркнута в мотивах дома и сада.

Мотив дома высвобождается из ряда других, подчиненных мотивов. Даже самые большие бродяги и путешественники, бездомный Петрак, бородатый живописец и сельский поэт Джуро, собираются вокруг дома дедушки Радо под его крыло. Привлекательная сила дома заключается в его интимности и близости. Дом – первое, дружественное человеку пространство, созданное по мере его существования, и дающее, прежде всего, убежище от жизненных невзгод. Защищающая сила дома особенно выделена в рассказе «Мальчик с чердака». Укромный чердак очень привлекает героя, который воспринимает его как тайну. Но художественный образ чердака заключается не только в провоцирующей героя силе. Чердак – это и часть дома, которая защищает героя и позволяет ему спокойно мечтать. За пределами его дома накапливается человеческая вражда. Когда она поставила жизнь героя под угрозу, дом свернулся вокруг мальчика и, даже пораженный вражескими бомбами, он устоял и защитил героя. Его прочный фундамент и в разгар войны внушает мысль о неизменных ценностях, которые дом собирает вместе: любовь, дружбу, семью, общность. Так дом, который защищается, трансформируется в квинтэссенцию самой гуманности, благодаря которой герой выходит в мир и сопротивляется его агрессии.

Мотив сада – это многосложный символ. Поэтическое представление из названия произведения Чопича коннотирует повторение, а также изменение этого художественного символа (весна и цветение мальвы в противовес их субъективному восприятию), что указывает на возможность постоянного наращивания значения сада. Так, например, в письме Зие Диздаревичу этот мотив связывается с духовными ценностями и характерными чертами, а в рассказе «Сад цвета мальвы» – с символическим образом детства, сотканного из мечтания и снов. С помощью сада детства, показанного сказочным и поэтическим способом, жизнь расположена на крепком фундаменте счастливого и защищенного мира.

Несмотря на то, что самые возвышенные мечтатели острее всего ощущают, чувствуют, как явь стесняет их в осуществлении желаний,

от тоски, вызванной явью, почти никому не уберечься. Это мотивировано двумя причинами: внешними факторами (запретами, которые диктует среда, обязанностями, которые навязывает повседневная жизнь, конкретными социальными или историческими условиями, в которых находятся герои), с одной стороны, и психологическими причинами (самой природой героев, т. е. их беспокойной натурой и склонностью грезить и мечтать), – с другой. Примером этого может послужить рассказ «Святой Радое Лоповски», который показывает, что даже трезвомыслящий, серьезный Радое иногда хочет пойти «окольными путями» племянника Николы. В другом рассказе «Мученик Сава» чувство тоски связано с одиночеством и бытом жизни поденщика:

– Ведь и я, скажем так, живое существо, хочу поговорить, так что хотелось бы иметь какого-нибудь своего, душевного... Баба моя померла, сыновья заняты своими делами, только и остается старому человеку, что разговаривать со святыми или с мертвыми...

– Чего тут скажешь, брат Раде, только светает, а крестьянин уже приковывает руки к плугу или мотыге, наклоняет свою родную спину к черной матушке – земле, и так, шаг за шагом, будто ноги его в кандалах, движется по борозде. Не видит он как следует ни солнышка, ни облака над головой, ни пролетающей птицы. Это та самая вечная каторга, которая и зовется поденщиной. Никуда от нее не денешься, и так цепляется один день за другой, как звенья в цепи. Чем длиннее жизнь, тем длиннее цепь, тяжелее, и тянет тебя к земле [1. С. 68, 69].

Сава придавлен грузом поденной работы, бедности и тревоги, чтобы выжить, и только когда он решается на мелкую кражу, он чувствует себя свободным, как будто больше не является человеком этой земли, и живет только для себя. Подсознательно нарушая человеческие законы, он именно тогда действительно становится другим человеком: *находчивым, мудрым, смелым и самодостаточным*. Рассказ о Саве Дамьяновиче показывает, что преодоление экзистенциальной тоски требует изменения социальных условий, в которых живет герой, но более глубокий смысл рассказа заключается в сознании сложности человеческого естества.

В качестве третьего примера возьмем рассказ «Славный малый Василие». Тяжелый и скверно устроенный мир приводит героя этого рассказа к борьбе за переустройство этого мира. Хотя обстоятельства

его ухода в партизаны представлены в анекдотическом и юмористическом ключе (дядя «обменял» его на корову, которую у них отобрал интендант Краишского партизанского батальона), сам поступок мотивирован серьезными причинами. Василие не вписался в мир, в котором он живет, что показано через детали его внешнего вида: богатырь, чрезмерно крупный юноша, он скроен не по обычным человеческим меркам, поэтому физический портрет является художественной рамкой его специфического восприятия жизни. Больше всего мотивационных источников содержится в поведении Василие при сделке с интендантом: он спокоен, добродушен и не заинтересован, что подчеркивает его уникальность. В плане образной мотивации выдвинуты веские причины ухода Василие в партизаны. Поскольку его ценностные критерии во всем превысили критерии среды, Василий должен чувствовать себя обособленным и стесненным в мире, в котором считают, торгуются и обмениваются. Такому герою нужен более широкий мир, который будет построен по другой, более приемлемой схеме.

Чувство тоски и стесненности свойственно большому числу героев, но у мальчика Баи и дяди Николы оно особенно заметно. В рассказе под названием «Марияна» Никола показан как мечтатель о далях, но он никогда не идет открытыми дорогами. Мотив отнятой дороги – это метафора всего, чего нет у Николы в повседневной жизни, поэтому этот подтекст выдвигает проблему пребывания героя в плену повседневных обязанностей, формирует его мечту и вдохновляет на песни о незнакомке Марияне. Но так как песня вносит некоторую тревогу в семью Николы, озорной Станко Веселица получает задание вылечить Николу от этой блажи. Он это делает с юмором, догадавшись дать только что ожеребившейся кобыле имя Марияна. Это добрая шутка отвращает Николу от любых мыслей о Марияне. Комический эффект шутки связывается с представлением, что заигрывание с Николой, которое могло быть опасным и неприятным, ему не приносило вреда. Веселый, жизнерадостный, бодрый смех – это аффективная реакция на комичность ситуации, в которую попадает Никола. Выражается симпатия к герою, которую возбуждает понимание его человеческого страдания, слабости. В этом, как и во многих других рассказах цикла, окрашенных жизнерадостным юмором, смех имеет особую целенаправленность. Когда прерываются мечтания Николы о Марияне, тогда находчивая и

простодушная шутка смягчает внушенную горечь, а беззлобное отношение к герою, которое появляется благодаря шутке, защищает его от упрека в виде злорадной критики и недоброжелательного смеха. При этом юмористическим затенением смягчается впечатление о неприспособленном к окружающей среде Николе и отсутствии взаимопонимания.

Образный мир «Сада цвета мальвы» дает повод переживать восторг, мечтать и грезить, когда он наполняется ароматом весны и красками цветов мальвы или когда его освещает пожар лунного света. Его поэтическое пространство открыто к высотам, а границы сдвинуты вдаль. Но и такой образный мир не соответствует требованиям героев, так как присутствие одного из аспектов предсказывает отсутствие других. На этом принципе в цикле «Сад цвета мальвы» автором разработана бинарная оппозиция мотивов, и в каждой из двух совокупностей элементов создано динамичное и напряженное отношение как взаимного сопротивления, так и притяжения и взаимопроникновения.

Примечания

1. Стремление к объединению кратких форм в одно крупное целое замечается в эпической традиции и письменной литературе. Со времен античной и древних восточных литератур, посредством эпической традиции и художественной литературы европейских народов, феномен циклизации, несомненно, известен всем литературам. Его можно распознать в поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея», во многих книгах Ветхого завета, в древних восточных эпосах «Махабхарата» и «Рамаяна», в славянском фольклорном наследии (русские былины, сербский цикл о Марко Королевиче), а также в художественной литературе до настоящего времени («Декамерон» Боккаччо, «Кентерберийские рассказы» Чосера, «Назидательные новеллы» Сервантеса; в более новой сербской литературе «Божьи люди» Б. Станковича, «Большие дети» А. Исаковича, «Сад цвета мальвы» Б. Чопича и др. произведения).

2. Обрамление является традиционным приемом для объединения большого количества разных рассказов, как, например, в произведениях «1001 ночь», «Декамерон», «Кентерберийские рассказы». Уже в этой форме функциональная роль состоит в том, чтобы уведомить, объяснить и связать между собой последующие рассказы. Начальные мотивы соединения рассказов вводятся через рассказчиков, которым

приписываются все остальные истории: паломников, которые забавляются байками по дороге в Кентербери, Шехерезады, которая, усиливая напряженность повествования своими рассказами, откладывает трагическую развязку собственной судьбы, юношей и девушек, коротающих рассказами время изгнания из Флоренции. Еще более выраженную роль / функцию обрамление получает в новейшей литературе. Здесь этот прием используется и для достижения других эффектов, как например: выделение единой субъективной перспективы, высказывание точки зрения, с которой интерпретируются и описываются действия и герои, а иногда оно представляет собой и элемент всей структуры, композиции и внутренней формы произведения.

3. Жерар Женетт ввел полезное отличие между повествованием какого-нибудь персонажа (гомодиегетическое повествование) и повествования, происходящего за границами мира рассказа (гетеродиегетическое и экстрадиегетическое повествование). Исходя из этого повествователей можно описать согласно диегетическому уровню и роли, которую они играют в представляемом ими диегезисе. Повествователь, который, как в «Саду цвета мальвы», является частью представляемого диегезиса, героем в повествовательных ситуациях и событиях, в нарратологии называется гомодиегетическим повествователем, а так как он является и их протагонистом, мы имеем дело с автодиегетическим повествованием [4].

Библиографический список

1. Ћопић Б. Башта слезове боје. Београд: СКЗ, 1970. 203 с.
2. Kaler Dž. Teorija književnosti. Beograd: Službeni glasnik, 2009. 171 с.
3. But V. Retorika proze. Beograd: Nolit, 1976. 464 с.
4. Prins Dž. Naratološki rečnik. Beograd: Službeni glasnik, 2011. 266 с.

Сведения об авторе

Лиляна Байич

доктор филологических наук,

профессор кафедры сербской литературы и языка,

зам. декана по учебной работе филологического факультета

Белградского университета, Сербия

E-mail: ica.bajic@gmail.com

Љильана Бајић

доктор филолошких наука,

редовни професор Катедре за српску књижевност и језик,

продекан за наставу Филолошког факултета

Универзитета у Београду, Србија

E-mail: ica.bajic@gmail.com

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.147:811

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ЛИНГВОИНФОРМАЦИОННОЙ МНОГОУРОВНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

К.Э. Безукладников, Б.А. Крузе

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь*

Статья посвящена рассмотрению проблемы построения системы лингвоинформационной подготовки будущих учителей иностранного языка. В статье рассматривается методическое проектирование как концептуальная основа такого построения, структура лингвоинформационной компетентности будущего учителя, которая представлена набором компонентов; дана их характеристика и технологии формирования.

Ключевые слова: методическое проектирование, лингвоинформационная компетентность, лингвоинформационное образовательное пространство, технологии лингвоинформационной подготовки.

A Methodological Basis for Constructing the System of Lingua-Informational Pre-Service Training for Foreign Language Teachers

Konstantin Bezukladnikov, Boris Kruze

The article examines challenges of building the system of lingua-informational training for future foreign language teachers. It describes methodological design as the conceptual foundation for such a system, presents the structure of future teachers' lingua-informational competence, and identifies elements of this complex competence along with appropriate training methods.

Key words: methodological design, lingua-informational competence, lingua-informational context of intercultural communication, lingua-informational methods of education.

Актуальность исследования обусловлена особенностями новой парадигмы общественных отношений, которые зафиксированы в задачах модернизации системы российского образования в целом и высшего иноязычного образования в частности. В современных

условиях научное рассмотрение процессов модернизации образования не может происходить изолированно от информационного пространства как составной части современной культуры. Информатизация в такой трактовке предстает не только как технико-технологический феномен, но и как явление современной культуры.

Обеспечение интегративной лингвоинформационной подготовки будущего учителя иностранного языка с позиций методологии методики преподавания иностранных языков требует разработки соответствующей системы обучения иностранному языку и методики его преподавания [1], ориентированной на междисциплинарное интегративное формирование компетенций в лингвоинформационном контексте подготовки будущего учителя иностранного языка.

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что становление постнеклассической парадигмы иноязычного образования связано с революцией в хранении и получении знаний, невозможностью решить ряд научных задач без комплексного использования знаний различных научных дисциплин. Сущность постнеклассической образовательной парадигмы диктует необходимость коммуникации, сотрудничества и сотворчества профессионалов сферы обучения иностранным языкам всего мира. Современный работник системы иноязычного образования должен стать высококомпетентными, готовыми и способными к непрерывному самообразованию, творческому саморазвитию и совершенствованию своих способностей, восприятию самих себя как граждан глобального общества, критическому анализу, осмыслению и внедрению в своей работе инновационных технологий в контексте глобализации всех сфер деятельности, ориентированной на комплексное развитие полилингвальной и поликультурной личности [2].

Основной целью языкового образования становится овладение межкультурной коммуникацией во всей её полноте [3]. Основным условием и показателем такого развития будущего учителя иностранных языков является коммуникативное формирование компетенций в сфере иноязычного образования.

Реалии информационного общества вносят существенные коррективы в понимание процесса научного познания, который не может рассматриваться изолированно от быстро развивающегося информационного пространства [4]. Существование совершенно специфичного лингвоинформационного контекста межкультурной коммуникации имеет важное методологическое значение в процессе подготовки будущего учителя иностранного языка. Значимость лингводидактического описания лингвоинформационного контекста межкультурной коммуникации будущих учителей иностранного языка обусловлена феноменологией языка, служащего средством общения, хранения и передачи информации самого разного рода [5]. Без описания метаязыка, обеспечивающего лингвоинформационную деятельность учителя иностранного языка невозможно и эффективное обучение такой деятельности.

Системообразующий термин настоящего исследования *лингвоинформационный контекст межкультурной коммуникации и подготовки учителя иностранного языка* обусловлен обширной теоретической базой рассмотрения понятия *межкультурной коммуникации* в методике преподавания иностранного языка, с другой стороны, такой термин указывает на специфику рассматриваемого коммуникативного взаимодействия. Рассмотрение лингвоинформационного контекста межкультурной коммуникации будущих учителей иностранного языка в современных исследованиях носит многоаспектный характер.

В рамках предмета настоящего исследования, опираясь на проделанный теоретический анализ, под лингвоинформационным контекстом межкультурной коммуникации будущего учителя иностранного языка мы понимаем опосредованный программными и аппаратными информационными средствами контекст любого взаимодействия учителей иностранного языка, основанного на иноязычной коммуникативной деятельности в сфере иноязычного образования.

Существует несколько классификационных основ для структурированного описания этого типа коммуникации: количество субъектов, тип субъектов, географический ареал участников коммуникации, тип используемых средств; тематика взаимодействий,

характер информационного наполнения; форма обращения, временная отнесенность общения [6].

Особенности лингвоинформационного контекста межкультурной коммуникации необходимо учитывать при проектировании лингвоинформационной системы подготовки будущего учителя иностранного языка:

- лингвоинформационный контекст образует особое коммуникативное социальное пространство, особое место реализации языка;

- вербальное общение, выраженное с помощью электронных текстов, является системообразующим признаком лингвоинформационного контекста как социальной реальности;

- при функционировании языка в информационном пространстве изменения происходят практически на каждом его уровне – фактически, возникла новая разновидность формы речи – устно-письменная.

Развитие компетентности будущего учителя иностранных языков осуществляется с использованием форматов, составляющих лингвоинформационный контекст межкультурной коммуникации. Поэтому при постановке целей и задач подготовки учителей иностранных языков в вузе должны быть учтены особенности лингвоинформационного контекста межкультурной коммуникации учителей иностранных языков, в котором лингвоинформационная компетентность оказывается приоритетной в подготовке будущего учителя иностранных языков [7].

Рассмотрение понятия лингвоинформационной компетентности будущего учителя иностранных языков проведено во взаимосвязи составляющих его конструктов: «лингво», относящегося к компетентности будущего учителя иностранных языков в сфере межкультурной коммуникации вообще, и «информация», относящегося к компетентности будущего учителя иностранных языков функционировать в информационном пространстве. Под лингвоинформационной компетентностью будущего учителя иностранных языков понимается комплексный ресурс его полилингвальной и поликультурной личности, который обеспечивает возможность его эффективной разносторонней межкультурной коммуникации в лингвоинформационном контексте иноязычной

образовательной деятельности. *Лингвоинформационная компетентность* – кумулятивная «готовность и способность» и опыт проявления совокупности лингвоинформационных компетенций в ситуации реальной межкультурной коммуникации будущего учителя иностранных языков, где «готовность» соотносится с долговременной готовностью как интегративным личностным образованием, включающим мотивационный, эмоционально-волевой, установочно-поведенческий и рефлексивный компоненты, а «способность» – с когнитивным и поведенческим компонентами, т.е. знаниями, навыками, умениями и знанием содержания лингвоинформационной компетентности будущего учителя иностранных языков.

Содержательным наполнением лингвоинформационной компетентности являются соответствующие компетенции бакалавриата и магистратуры. Методологическая суть лингвоинформационного контекста подготовки будущего учителя иностранного языка заключается в том, что формирование лингвоинформационной компетентности выступает и целью, и средством формирования других компетенций и компетентностей (научно-исследовательских, учебно-познавательных, лингводидактических и т.д.) в зависимости от уровня образования, входного уровня сформированности компонентов лингвоинформационной компетентности будущего учителя иностранного языка.

Методическое проектирование избрано методологической основой построения системы лингвоинформационной подготовки будущего учителя иностранного языка в связи с тем, что в условиях становления постнеклассической парадигмы иноязычного образования в методике преподавания иностранных языков формируется научность проектного типа [8]. Ее основу составляет методическое проектирование, которое характеризуется разработкой, формированием и созданием еще не существующих в практике систем полилингвального и поликультурного образования [9]. При этом обеспечиваются научное описание и конструктивная разработка принципиально новых систем иноязычного образования и их фрагментов, отличающихся от прошлых [10].

Под методическим проектированием понимается научно-методическая деятельность, целью которой является разработка

новых, не существующих в практике систем полилингвального и поликультурного образования и видов лингводидактической деятельности.

Методическое проектирование системы лингвоинформационной подготовки будущего учителя иностранного языка происходит на трёх уровнях:

- концептуальный: создание концепции объекта или его модельное представление (модель лингвоинформационной системы);
- содержательный и технологический: непосредственное получение методики лингвоинформационной подготовки будущего учителя иностранного языка со свойствами, соответствующими диапазону её возможного использования и функционального назначения (содержание и технологии лингвоинформационной подготовки будущего учителя иностранного языка);
- процессуальный: выводит методическую проектную деятельность в реальный иноязычный образовательный процесс, где необходим продукт, готовый к практическому применению (дидактические материалы или программные средства, условия распространения и внедрения системы лингвоинформационной подготовки будущего учителя иностранного языка).

На каждом из обозначенных уровней проектная деятельность распространяется либо на систему целиком, либо на её отдельные структурные компоненты (связи между ними). По мере перехода с уровня на уровень изменяется масштаб методического проектирования и проектных задач, увеличивается степень конкретности требований к их решению, форме представления продукта.

Реализация методологических границ проектируемой системы осуществляется посредством применения методологических подходов. Под методологическим подходом понимается совокупность идей, определяющих общую научную мировоззренческую позицию, принципов, составляющих основу стратегии деятельности, а также способов, приемов, процедур, обеспечивающих реализацию избранной стратегии в методической деятельности. Один подход не исчерпывает методологической характеристики настоящего исследования. Сложность и многогранность лингвоинформационного контекста межкультурной коммуникации и подготовки будущего

учителя иностранного языка, их взаимосвязь и взаимозависимость обуславливают необходимость применения совокупности методологических подходов, обеспечивающих получение объективной, достоверной информации, позволяющей проектировать целостную систему лингвоинформационной подготовки будущего учителя иностранного языка. Следуя идее трёхуровневости методологии методики преподавания иностранных языков и лингводидактики, методологические границы проектируемой системы лингвоинформационной подготовки будущего учителя иностранного языка представлены:

- на философском уровне – синергетическим подходом;
- на общенаучном – междисциплинарным и деятельностным подходами;

- на уровне методики преподавания иностранных языков и лингводидактики системообразующим является компетентностный подход, который сущностно поглощает «ЗУНовский», личностно ориентированный, когнитивный, аффективный и социокультурный подходы, меняя тип целеполагания в системе лингвоинформационной подготовки будущего учителя иностранного языка, ставя во главу угла междисциплинарные, интегрированные требования к результату образовательного процесса.

Построение лингвоинформационного образовательного пространства – эффективный способ структурирования образовательного процесса, при котором он выстраивается в соответствии с выделенными особенностями лингвоинформационного контекста межкультурной коммуникации и принципами построения системы лингвоинформационной подготовки будущего учителя иностранного языка. Построение такого образовательного пространства осуществлялось в рамках Программы стратегического развития ПГПУ. В соответствии с программой, образовательное пространство вуза построено на качественно новом этапе в разработке инновационных образовательных программ и систем подготовки учителей, имеет большую социальную значимость и перспективу применения. Такое пространство основано на модели сетевого взаимодействия для реализации профильного полилингвального и поликультурного обучения при кафедрах, лабораториях, ведущих школах университета, сотрудничестве со

школами и вузами-партнёрами в отношении информационных проектных технологий. Важнейшим инструментом реализации такой модели явилось формирование телекоммуникационной системы международного профессионального взаимодействия в режиме онлайн круглых столов, форумов, конференций, мастер-классов, семинаров.

Данная телекоммуникационная система позволяет организовать включение студентов в международную совместную научно-исследовательскую и проектную деятельность, проведение на основе удалённого взаимодействия совместных международных занятий и целых курсов дисциплин.

Важнейшими принципами построения лингвоинформационного образовательного пространства являются его постоянное расширение, обогащение и увеличение открытости. Средствами построения лингвоинформационного образовательного пространства являются возможности аутентичной международной проектно-исследовательской лингвоинформационной деятельности будущего учителя иностранного языка, лингвоинформационный веб-портал подготовки будущего учителя иностранных языков, навигаторы лингвоинформационной подготовки.

Эти средства в совокупности обеспечивают интегративный характер реализации принципов расширения, обогащения и увеличения открытости лингвоинформационной подготовки будущего учителя иностранного языка.

Спроектированное лингвоинформационное образовательное пространство определило систему развития содержания лингвоинформационной подготовки будущего учителя иностранного языка. В логике структуры лингвоинформационного образовательного пространства содержание лингвоинформационной подготовки будущего учителя иностранного языка составляют три интегративные области: 1) Лингвоинформационный веб-портал подготовки будущего учителя иностранных языков, 2) современные информационно-коммуникационные технологии, 3) международная деятельность – они обеспечивают взаимодействие между дисциплинами разных блоков, позволяющими осуществлять целостный, междисциплинарный лингвоинформационный характер подготовки учителя иностранных языков. Эти области по-разному

представлены в бакалавриате и магистратуре ввиду различных акцентов, которые расставлены по-разному на каждом уровне.

В содержательном аспекте в бакалавриате и магистратуре были разработаны и усилены курсы, обеспечивающие отдельные аспекты лингвоинформационной подготовки будущего учителя иностранного языка и создающие контекст для реализации лингвоинформационной компетентности будущего учителя иностранного языка в процессе формирования общекультурных, общепрофессиональных, профессиональных и специальных компетенций.

Модульная организация содержания лингвоинформационной подготовки обеспечивает нелинейность освоения такого содержания. Конкретное содержание лингвоинформационной подготовки носит вариативный характер, поскольку целиком зависит от уровня развития лингвоинформационных технологий и предметного содержания, в котором они реализуются в данный момент. Гибким и в то же время стабильным процесс лингвоинформационной подготовки будущего учителя иностранного языка делает спроектированное лингвоинформационное образовательное пространство, которое отвечает принципам расширения, обогащения и увеличения открытости.

В представленном проекте содержания лингвоинформационной подготовки важнейшим инструментом реализации этих принципов лингвоинформационного образовательного пространства являются выделенные интегративные области, в то время как остальные курсы дисциплин являются лишь адекватными на сегодняшний день средствами расширения, обогащения и увеличения открытости такого пространства.

Технологии, обеспечивающие эффективное освоение содержания лингвоинформационной подготовки будущими учителями иностранных языков – это собственно лингвоинформационные технологии и технологии компетентностного подхода, интегрирующего на новом методологическом уровне технологии личностно ориентированного, развивающего, проблемного образования, обеспечивающие формирование компетентности будущих учителей иностранных языков в лингвоинформационном контексте на основе учёта их индивидуальных особенностей и потребностей. Это технологии

круглого стола, проектной деятельности, рефлексии, проблемных заданий, кейс-стади, моделирования, дистанционного консультирования. Интегрирующей технологией является Лингвоинформационный веб-портал подготовки будущего учителя иностранных языков.

Практическая реализация и проверка эффективности системы лингвоинформационной подготовки будущего учителя иностранного языка проходили в рамках опытно-экспериментальной работы.

Выявленные тенденции развития всех компонентов лингвоинформационной компетентности будущего учителя иностранного языка позволяют констатировать развитие лингвоинформационной компетентности будущего учителя иностранного языка в целом. В ходе опытного обучения возникла необходимость комплексной оценки общекультурных, общепрофессиональных, профессиональных и специальных компетенций выпускников в ходе государственной аттестации в 2011, 2012, 2013 и 2014 годах методом компетентных судей.

Результаты диагностики, обработанные методами математической статистики, полностью подтвердили гипотезу исследования и доказали эффективность практического применения системы лингвоинформационной подготовки будущего учителя иностранного языка в бакалавриате и магистратуре.

Доказана возможность использования обсуждаемой системы лингвоинформационной подготовки не только будущих учителей иностранного языка, но аспирантов технических специальностей к научно-педагогической деятельности в рамках системы послевузовского образования.

Для обеспечения преемственности между инновационным развивающим лингвоинформационным образовательным пространством педагогического вуза, в котором находился студент (будущий учитель иностранного языка), и международной учительской средой, в которую он попадает после окончания учреждения высшего профессионального образования, с целью формирования единой модели профессионального саморазвития учителя в течение всей жизни и в международном образовательном пространстве в Пермском крае созданы необходимые условия

лингвоинформационной подготовки учителя Международного бакалавриата [11].

На основе идей лингвоинформационного развития, обоснованных в данном исследовании, были реализованы проекты «Провайдер-центр Международного бакалавриата» и «Реализация программ Международного бакалавриата в Республике Казахстан», разработаны программы курсов повышения квалификации учителя Международного бакалавриата, в которых приняли участие учителя из разных регионов: Москва и Московская область, Красноярск, Самара, Когалым, Республика Саха (Якутия), Екатеринбург, Пермь, Ульяновск, Республика Казахстан.

В последние годы заметно возрос исследовательский интерес к рассматриваемым в статье проблемам (модернизация высшего иноязычного образования, обоснование лингвоинформационного контекста в системе подготовки будущего учителя иностранного языка, методическое проектирование таких систем, формирование лингвоинформационной компетентности будущего учителя иностранного языка и на её основе профессиональной компетентности в лингвоинформационном контексте) в связи с глобализацией мировой экономики, интеграцией российского образования в международное образовательное пространство и становлением постнеклассической научно-образовательной парадигмы. Исходным пунктом теоретических рассуждений послужила характеристика современного состояния образовательной парадигмы, которая в последних исследованиях получила название *постнеклассической*. Становится все более очевидным, что в современном меняющемся мире существование совершенно специфичного лингвоинформационного контекста межкультурной коммуникации имеет важное методологическое значение в процессе подготовки будущего учителя иностранного языка. Именно поэтому при методическом проектировании системы подготовки учителей иностранных языков в вузе важное значение имеют особенности лингвоинформационного контекста межкультурной коммуникации: особая коммуникативная социальная среда, особое пространство реализации языка; выраженность вербального общения в электронных текстах, возникновение новой, устно-письменной формы речи. В таком контексте лингвоинформационная

компетентность является приоритетной в подготовке будущего учителя иностранных языков.

Библиографический список

1. Безукладников К.Э. Формирование лингводидактических компетенций будущего учителя иностранного языка: концепция и методика: Дис. ... д-ра педагогических наук. Пермь, 2009.
2. Безукладников К.Э., Жустеева Г.А. Технологическое обеспечение компетентного подхода в учебном процессе языкового вуза // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 5. С. 90-98.
3. Безукладников К.Э. Компетентный подход в профессиональной подготовке будущего учителя в педагогическом вузе // Педагогическое образование и наука. 2009. № 6. С. 69-73.
4. Колесников А.К., Санникова А.И., Безукладников К.Э. Профессиональная компетенция и компетентность // Педагогическое образование и наука. 2009. № 6. С. 57-61.
5. Создание системы международного бакалавриата в пермском крае региональный сетевой проект / Научный редактор Е.Е. Карпушина; Под общ. ред. К.Э. Безукладникова. Пермь, 2009.
6. Безукладников К.Э., Крузе Б.А. Подготовка специалистов для работы с сетевым электронным профессиональным портфолио учителя системы Международного бакалавриата: Методическое пособие / Федеральное агентство по образованию, Пермский государственный педагогический университет, Министерство образования Пермского края. Пермь, 2008.
7. Безукладников К.Э., Крузе Б.А. Программа курса подготовки и переподготовки специалистов для работы с сетевым электронным профессиональным портфолио учителя системы Международного бакалавриата / Федеральное агентство по образованию, ПГПУ, Министерство образования Пермского края. Пермь, 2008.
8. Крузе Б.А. Формирование лингвомультимедийной компетентности будущего учителя иностранного языка: Монография. Пермь, 2010.
9. Крузе Б.А., Ожегова Е.В. Формирование лингвоинформационной самостоятельности студентов специальности «Перевод и переводоведение» // Педагогическое образование и наука. 2011. № 6. С. 80-85.

10. Bezukladnikov K., Kruze B., Mosina M. Interactive Approach to Esp Teaching and Learning // World Applied Sciences Journal (WASJ). 2013. Volume 24. Issue 2. P. 201-206.

11. Bezukladnikov K., Kruze B. An outline of an ESP Teacher Training Course // World Applied Sciences Journal (WASJ). 2012. Volume 20. Issue 20 (Special Issue on Pedagogy and Psychology). P. 103-106.

Сведения об авторах

Безукладников Константин Эдуардович
доктор педагогических наук, профессор,
зав. кафедрой методики преподавания иностранных языков
Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета
E-mail: konstantin.bezukladnikov@gmail.com

Крузе Борис Александрович
доктор педагогических наук,
профессор кафедры методики преподавания иностранных языков
Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета
E-mail: bkruze@gmail.com

УДК 378.147:811

ОТБОР ЯЗЫКОВОГО СОДЕРЖАНИЯ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ

А.Г. Глазов

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена научной дискуссии как подвиду научного дискурса. Определены лексические и грамматические особенности научной дискуссии. Проанализирован вопрос отбора лексики, выделены критерии отбора тем и текстов для подготовки к научной дискуссии, приведены примеры работы с ними. Продемонстрированы средства метакоммуникации научной дискуссии, выявлены уровни их сложности, экспрессивно-эмоциональной интенсивности; средства объединены в зависимости от выражаемого речевого акта.

Ключевые слова: научный дискурс, научная дискуссия, речевой акт, языковой материал, речевой материал.

Selecting Language Content for Conducting an Academic Discussion

Andrei Glazov

The article examines academic discussion as a type of academic discourse. The author determines lexical and grammatical features of academic discussion, discusses the issue of vocabulary selection, outlines the criteria for selecting appropriate topics and texts, and gives examples of how they can be optimally used. The article also demonstrates means of metacommunication within academic discussion, identifying their complexity levels and expressive-emotional intensity and grouping them on the basis of particular speech acts.

Key words: scientific discourse, scientific discussion, speech act, language material, speech material.

Приобретение умений построения научного дискурса является актуальным для студентов магистратуры. Будущие магистры должны научиться вести научный диалог как в письменной (научные работы, статьи и др.), так и в устной (участие в научной дискуссии, выступление на конференции с научным докладом и др.) форме. Остановимся на устной форме научного дискурса.

Требования готовности магистров вести международную коммуникацию научно-профессионального характера могут быть удовлетворены через обучение ведению научной дискуссии на иностранном языке. Цель нашего исследования – предложение и проверка эффективности методики обучения студентов магистратуры

речевой деятельности по ведению научной дискуссии на иностранном языке и квалифицированному профессиональноориентированному владению иностранным языком.

Для достижения поставленной цели следует решить ряд задач, среди которых определение содержания обучения ведению научной дискуссии, в том числе языковому и речевому материалу, и разработка методики обучения способам реализации речевых актов с целью успешного ведения научной дискуссии.

Рассмотрим некоторые особенности научной коммуникации.

Научному общению присущи определенные коммуникативные нормы, такие как логичность, обоснованность ложности / истинности утверждения, абстрактность [1]. Научная дискуссия движется по линии сотрудничества в речеактовой стратегии, приобретая полуконвенциональный характер.

Научная дискуссия представляет собой диалектическое единство внутреннего и внешнего процессов: принятия необходимого решения и взаимодействия с реципиентом. Логическое обоснование истинности дополняется ценностным фактором.

Участник научной дискуссии проявляет себя как языковая личность. В аргументацию его идей и позиций вовлечены его знания, представления, ценностные убеждения, логика, коммуникативные навыки, эмоциональная, социальная составляющая и др.

Цель обучения магистрантов лингвистического вуза ведению научной дискуссии на немецком языке, в том числе развития речевой и дискурсивной компетенций в составе коммуникативной компетенции, определяет содержание такого обучения [2. С. 102].

Проанализируем лингвистический компонент содержания обучения.

Он включает отобранный языковой материал (лексические единицы, грамматические структуры), речевой материал (речевые образцы, тексты, темы, речевые ситуации).

Лексические единицы, входящие в состав языкового материала, можно разделить на две группы.

1. Первая группа – лексические единицы, служащие для выражения того или иного аргументативного речевого акта в ходе дискуссии и других речевых актов, входящих в структуру дискурса дискуссии. Среди них – как средства прямой экспликации речевых

актов (перформативы, в концепции Дж. Л. Остина; перформативные высказывания), так и лексические единицы, служащие имплицитному выражению речевых актов (устойчивые выражения, сравнения, лексика фигур замещения). Во втором случае сама лексика уйдет на второй план. Акцентируется структура высказывания и его смысловое содержание.

Обращение к семантическим полям аргументации позволяет выявить лексемы, входящие в состав поля каждого вида аргументации. Например, обоснование, подтверждение темы маркировано лексическими единицами типа: „Der Grund dafür ist...“, „Es lässt sich damit begründen...“, „Es hat seinen Grund in etw. + Dat.“ и т.д.

В семантическом поле объяснения наличествуют такие лексические единицы, как: *erklären, klar machen* и др.

В поле доказательства встречаются лексические единицы: *beweisen, argumentieren, mit ... belegen* и др.

По способу реализации речевого акта немецкую аргументацию делят на «ложную», развивающе-пояснительную, противоположно-направленную конфронтационную, объясняюще-конфронтационную [3].

Первый вид отражается в следующем семантическом ряду: *widersprechen, feststellen, behaupten, beurteilen, begründen, beweisen* и т. д. Адресант пользуется своей авторитетностью, статусным превосходством для убеждения оппонента.

Второй обозначает наличие перформативных глаголов типа *anregen, bestätigen, erklären, appellieren*. Он используется, как правило, для опережения возникновения у оппонента вопросов побуждением его к действиям.

Третий тип выражен в глаголах типа *zitieren, widerlegen, widersprechen* и др. Он является ответом на представление оппонента фактов с ложной стороны.

В четвертом типе обнаруживается наличие глаголов всех трех предыдущих типов. Он объединяет аргументацию и контраргументацию и склонен перерасти в спор.

2. Ко второй группе относятся тематические, профессиональные лексические единицы. Их употребление и отработка владения ими непосредственно связаны, таким образом, с предметом дискуссии.

Отбор лексики для практики организации дискуссии ориентирован на соответствующие цели и задачи обучения языку на том или ином этапе. Расширению словарного запаса, используемого в дискуссии, важно способствовать не только новыми понятиями, но и синонимичными, антонимичными, многозначными словами и выражениями. Возможно, необходимо прогнозировать смещения значений слов, употребление лексических единиц в чуждом им контексте, ложный выбор синонима-заменителя и другие ошибки, связанные со структурно-семантическим аспектом слова. Научному стилю присуща определенная системность, которая имеет место и в научной дискуссии. Для ее создания используются абстрактные существительные с суффиксами *-heit*, *-ung*, *-keit*, *-ion*, *-schaft*, *-ie*, *-enz* / *-anz*, *-tut*, *-ose*, *-anx* и др. [4. С. 62].

В качестве лексико-грамматических особенностей научной дискуссии следует отметить употребление *Konjunktiv II* с модальными глаголами (построение гипотезы, например: “Es könnte sein, ...”, “Das dürfte auch unbemerkt bleiben“) и *Konjunktiv I* (выражение чужого мнения, например: “Es sei nicht wertvoll, ...”, “Da gebe es nichts zu besprechen”). Причинные и условные придаточные предложения – также признак научности [4. С. 57].

Следует уделить особое внимание употреблению сложноподчиненных предложений с союзами причины и следствия, глагольных форм *Konjunktiv II* и *Konjunktiv I*.

Приведем примеры употребления названных языковых особенностей в дискуссии:

– *Konjunktiv II*: „Theoretisch wäre das so. Es funktioniert aber nicht“;

– *Konjunktiv I*: а) „Die darin implizierte Aussage, sie sei dann aber im psychischen Sinne tödlich, bestätigt sich im Folgenden“; б) „Ebenfalls trifft die These, die Boulevardzeitung werde einer der Hauptinformationsvermittler, zu“;

– сложно-подчиненные предложения: „Der Ausbruch eines Atomkraftwerkes hätte verheerende Folgen, folglich sollen alternative Energiequellen vorgezogen werden. Wenn Radioaktivität aus einem Kraftwerk ausbricht, bleibt das Gebiet in der Umgebung mehrere Jahre nicht nutzbar und lebensgefährlich“.

Перейдем к рассмотрению речевого материала научной дискуссии на занятии по иностранному языку.

Речевым материалом служат речевые образцы в виде высказываний, выражающих тот или иной речевой акт; диалогические единства; тексты, представляющие собой примеры дискуссий, в частности научных дискуссий; аргументативные тексты.

Особую роль в ведении дискуссии играет употребление средств метакоммуникации, таких как намечание структуры высказывания (“Als Erstes gehen wir auf das Problem ... ein, dann gehen wir hinüber zur Frage ..., und zum Schluss wird das Thema ... besprochen”), высказывание-побуждение (“Fassen Sie sich, bitte, zusammen!”), выражение уверенности / сомнения (“Ich bin mir nicht sicher, dass ...”), выражение согласия / несогласия (“Da möchte ich Ihnen zustimmen”), аргументативные связи (*erstens, zweitens, folglich, weiterhin*) [3. С. 80].

Средства метакоммуникации говорят о характере намеченного высказывания, служат его зачином, переходом от слов собеседника к собственной речи.

Средства метакоммуникации можно разделить по двум критериям: а) по сложности; б) по выражаемым речевым актам.

Предлагаем выделять два уровня сложности выражения речевых актов. Первый уровень включает, например, такие средства метакоммуникации, как:

- Das finde / glaube / meine ich auch.
- Das stimmt, aber...
- Das ist doch nicht wahr/ nicht richtig.

На втором уровне усложняется как лексика, так и структура высказываний, увеличивается их объем:

- Ich würde gern noch einmal auf den Punkt eingehen, der mir besonders wichtig ist: ...
- Darf ich kurz etwas richtig stellen?
- Ich habe mich eben vielleicht nicht ganz klar / korrekt ausgedrückt. Lassen Sie es mich noch einmal anders formulieren: ...
- Einen Augenblick bitte, darf ich das noch eben abschließen?
- Darf ich das bitte erst einmal zu Ende führen?
- Ich glaube, Sie haben da etwas übersehen.

Средства метакоммуникации могут выражать следующие речевые акты:

1. Речевой акт включения:
 - Dürfte ich etwas dazu sagen?
 - Entschuldigung, ich würde gern etwas dazu sagen.
 - Ich würde gerne eine Bemerkung zu diesem Thema machen.
2. Речевой акт усиления:
 - Das Entscheidende ist für mich, ob / dass ...
 - Eines möchte ich nochmals unterstreichen: ...
 - Ich kann nur immer wieder betonen, dass ...
3. Речевой акт референции:
 - Ich verweise nur auf ...
 - Dies kann man bei / in ... nachlesen.
 - Ich möchte noch einmal auf ... zurückkommen.
4. Речевой акт уточнения:
 - Ich würde gern noch etwas dazu ergänzen: ...
 - Ich würde das gern etwas genauer erläutern: ...
5. Речевой акт просьбы:
 - Geben Sie mir, bitte, noch einige Sekunden!
 - Einen Augenblick, bitte, darf ich das noch eben abschließen?
6. Речевой акт согласия:
 - Da gehe ich völlig „d'accord“ mit Ihnen.
 - Dem kann ich nur voll zustimmen.
7. Речевой акт несогласия:
 - Ihre Ansicht in allen Ehren, aber...
 - Für mich stellt sich das etwas anders dar.
8. Речевой акт предложения:
 - Wie wäre es, wenn ...
 - Was würden Sie von folgender Lösung halten: ...?

Кроме того, реализация речевых актов может различаться в зависимости от ее экспрессивно-эмоциональной интенсивности. Предлагаем выделять вежливые, нейтральные, прямые и резкие высказывания. Магистрантам следует различать высказывания по интенсивности. Во-первых, это поможет отсортировать необходимые языковые и речевые средства для использования в научной коммуникации. Во-вторых, студенты смогут сформировать

пассивный запас слов и выражений, который найдет применение в рецептивных видах речевой деятельности.

Проследим указанное различие на примере речевого акта несогласия:

1) вежливая форма: Erlauben Sie mir, dass ich Ihnen widerspreche;

2) нейтральная форма: Ich sehe das anders, denn ...;

3) прямая форма: Da muss ich Ihnen deutlich widersprechen;

4) резкая форма: Das entbehrt nun jeder Logik.

Следует не упускать из виду и более резкую, грубоватую форму высказываний такого типа:

- Hat man da noch Töne?
- Glauben Sie wirklich, dass Ihnen das jemand abkauft?
- Wollen Sie uns eins in die Tasche labern?
- So eine Spinnerei.

Ознакомиться с устойчивыми выражениями из обозначенного списка поможет тест на множественный выбор с пропущенными частями высказывания.

К речевому материалу лингвистического компонента содержания обучения научному дискурсу относятся также тексты, в частности аргументативный текст. Он, в отличие от других видов текста, отображает конфликт с его источником, мотив каждого из участников коммуникации, способы и цели аргументации [5. С. 8]. Кроме материалов в текстовом формате, следует использовать аудио- и видеозаписи различных видов аргументативной диалогической речи, в частности научной тематики. Речевой материал объединяет языковой материал, позволяет дать более широкое представление о речевой деятельности в форме научной дискуссии.

Научному дискурсу свойственна интертекстуальность. Участники научного общения ссылаются на научные тексты, в том числе концепты прецедентных текстов. Научный дискурс предлагает немалое количество научных текстов разной направленности. Кроме темы, за критерии отбора текстов можно взять идиоматичность, лаконичность раскрытия проблемы, ее новизну.

Отдельно необходимо сказать о роли темы и речевой ситуации при обучении научной дискуссии [6]. Тема и речевая ситуация взаимосвязаны и должны зависеть на начальном этапе от выбора

языкового материала, основанного на принципе поступательности. В дальнейшем при формулировании темы и речевой ситуации преподаватель исходит из содержательной стороны научной дискуссии. Тема дискуссии соответствует темам предметов специальности. Например:

Heute beschäftigen wir uns mit dem Thema „Die effizienteste Lesetechnik als Spracherwerbsförderungsmittel“. Lassen wir uns mit verschiedenen Meinungen zu dieser Frage auseinandersetzen. Wie wertvoll wäre eine Schnelletechnik im Prozess der Sprachaneignung? Welche Bewertungswege der Schnelllesefertigkeit soll es geben?

В качестве критериев отбора темы можно назвать обширность обсуждаемой проблемы, ее решаемость, разумный уровень сложности, богатство языкового и речевого материала.

П.Б. Гурвич в качестве критериев видит узловый характер темы (закрепление материала по пройденной теме), усвоение новой познавательной и языковой, речевой информации, возможность вовлечения вопросов из других сфер, актуальность и спорность темы [7. С. 136].

На начальном этапе практики ведения дискуссии можно рекомендовать сдвигать акцент с постановки трудоемких мыслительных задач на возможность студентов больше контролировать языковую форму. Тематика дискуссии постепенно выходит за рамки представлений, понятий, имеющих выражение языковыми средствами, уже входящими в арсенал обучающихся. Нарращивание дискуссионного опыта, автоматизация и совершенствование речевых навыков, расширение набора языкового материала повышают успешность хода дискуссии. С накоплением опыта участия в дискуссиях студенты могут самостоятельно отдавать приоритет тем или иным темам обсуждений.

Библиографический список

1. Аликаев Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 317 с.
2. Шапов А.Н. Методика обучения иностранному языку: теоретический курс. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2012. 288 с.

3. Макарова Е.Л. Роль средств метакоммуникации в речевом аргументировании на иностранном языке // Вариативность в обучении иностранным языкам в неязыковом вузе. М.: МГЛУ, 1996. С. 76-83.
4. Троянская Е.С. Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. М.: Наука, 1982. 312 с.
5. Белецкая А.Ю. Пословица как прецедентная единица в аргументативном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2002. 22 с.
6. Методика преподавания иностранных языков: общий курс. / Отв. ред. А.Н. Шамов. М.: Восток-Запад, 2008. 256 с.
7. Гурвич П.Б. Основы обучения устной речи на языковых факультетах: Курс лекций. Владимир: Изд-во ВГПИ им. П.И. Лебедева-Полянского, 1972. 156 с.

Сведения об авторе

Глазов Андрей Геннадьевич
аспирант кафедры лингводидактики и
методики преподавания иностранных языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: andrew.glazov@mail.ru

УДК 373.1:811:004.738.5

ТЕХНОЛОГИЯ *BLENDED LEARNING* В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Л.В. Енбаева, К.И. Фалько

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь*

В статье рассматриваются вопросы применения технологии смешанного обучения (*Blended Learning*) в целях развития иноязычной речи, проблема классификации онлайн-ресурсов и сервисов, моделей и принципов реализации технологии; описано пробное обучение, реализующее одну из моделей с использованием сервиса *Google Docs* в целях интенсификации обучения письменной речи, предложены методические рекомендации.

Ключевые слова: смешанное обучение, информационно-коммуникационные технологии, иноязычная письменная речь, функциональный тип письменной речи, пробное обучение.

Blended Learning Technology in Teaching ESL Writing to High School Students Lydmila Enbaeva, Kirill Falko

The article deals with blended learning technology in teaching second language writing, including blended learning environment resources and their classification as well as the technology's models and principles. It presents a case study where Google Docs is used to implement one of the blended learning models with the goal of developing ESL writing skills, complete with guidelines for teachers.

Key words: blended learning, information and communication technologies, ESL writing, blended learning environment resources, functional type of writing, case study.

Современные подходы к содержанию образования и совершенствованию информационных технологий диктуют новые условия и способы передачи знаний и взаимодействия между учителем и учащимися. Наиболее востребованными оказываются образовательные технологии, которые обладают достаточной степенью гибкости и интегративности в отношении средств обучения и различных компонентов образовательного процесса. Технология смешанного обучения (*Blended Learning*) может отвечать различным потребностям с точки зрения содержания обучения, его графика и интенсивности, форм взаимодействия учителя и учеников, комбинирования средств ИКТ. Она является достаточно новой и

вызывает большой интерес ученых. Её выбор в качестве объекта исследования предполагает большую теоретическую работу, ставит задачи систематизации средств реализации, описания их методологических характеристик, системного описания примеров использования технологии в образовательном процессе и ее алгоритмизация, организации пробного обучения и разработки методических рекомендаций. Данное исследование посвящено оценке возможности интеграции данной технологии в образовательный процесс в целях интенсификации обучения письменной речи в основной и старшей школе.

Термин *Blended Learning* («смешанное обучение») начал широко использоваться специалистами в образовательных и корпоративных кругах в начале XXI века как разновидность дистанционного обучения и обучения с помощью компьютера. В 2003 году Американское общество по обучению и развитию обозначило его в числе десяти перспективных направлений в сфере предоставления образовательных услуг [1]. По мнению Ч.Р. Грэма, большинство современных определений данной технологии в основном являются вариациями одного термина, суть которого заключается в комбинировании классно-урочной системы и онлайн-занятий в различном процентном соотношении [2]. Б. Томлисон и К. Уиттейкер ограничивают объем онлайн-обучения 45 % учебного времени [3]. Дж.Р. Янг определяет смешанное обучение как конвергенцию (совмещение) обучения в режиме онлайн с очным обучением [4]. Проблемы смешанного обучения занимают многие зарубежные и российские ученые: Ч. Грэм, Г. Моттерам и П. Шарма, Б. Томлисон и К. Уиттейкер, А. Палалас, Е.В. Костина, И.А. Малинина, Л.П. Варенина, В.А. Фандей, М.Л. Кондакова, Е.В. Латыпова и другие.

Внедрение технологий смешанного обучения в образовательный процесс ставит задачи отбора и систематизации средств её реализации из большого числа возможных, что увеличивает временные затраты на подготовку и реализацию курса обучения. Данная проблема решается классификацией ресурсов, описанием и разработкой методических рекомендаций по их использованию, типологизацией разновидностей организации смешанного обучения, а также формулировкой принципов их отбора. Г. Моттерэм предлагает

классификацию ресурсов, основанную на принципе соответствия возрастным особенностям учащихся и целям обучения [5]. Зарубежные исследователи используют 6 моделей организации смешанного обучения, основывающихся на чередовании трёх компонентов данной технологии – личного взаимодействия участников образовательного процесса, интерактивного взаимодействия, а также элемента самообразования: *Face-to-Face Driver*, *Rotation*, *Flex*, *Online Lab*, *Online Driver*, *Self-Blend* [6]. Профессор университета Сан-Диего Э. Розетт выделяет три главных принципа, которые необходимо учитывать при разработке образовательных программ с использованием *Blended Learning*: актуальность и стабильность (то, насколько долго программа останется валидной и сколько времени уйдет на ее разработку), взаимодействие и цена (будут ли необходимы классные занятия или система будет самодостаточной, тогда какое количество организаций и физических лиц будет готово к инвестициям), образовательные ресурсы и опыт использования [7].

Рассмотрим возможности интеграции данной технологии в образовательный процесс в целях интенсификации обучения письменной речи. С этой целью было проведено пробное обучение, в котором принимали участие школьники 9-х и 10-х классов. Исследование проходило в естественных условиях, оно не подразумевало специального отбора учащихся и наличия контрольной группы. Для оценки эффективности сопоставлялось количество и качество письменных работ учащихся и результаты анкетирования. В целях выявления отношения к самостоятельной работе и определения ключевых стимулов в самостоятельной учебной деятельности использовались анкеты [8; 9]. Эффективность будет выражаться в успешном выполнении заданий всеми учащимися и она будет коррелировать с отношением к самостоятельной работе и её стимулами. Исследование включало следующие этапы: подготовительный этап, констатирующий срез, пробное обучение в 9 классе, контролирующий срез и корректировка содержания, пробное обучение в 10-м классе, контролирующий срез.

На подготовительном этапе осуществлялся выбор средств и модели организации смешанного обучения. Целью обучения коммуникативной письменной речи является развитие умений

создавать различные типы или жанры письменных сообщений – текстов, которые могут понадобиться обучаемым в их учебной или профессиональной деятельности, а также в личных целях [10. С. 66-68]. Учитывая классификацию функциональных типов письменной речи (повествование, описание, рассуждение) и упомянутую классификацию Г. Моттерэма, был создан следующий банк ресурсов:

1. Для дистанционной работы над таким функциональным типом письменной речи, как *повествование*, отобраны ресурсы *Metta*, *Zimmer Twins at School* и *Capzles*. *Metta* – сервис, позволяющий делиться фото, видео, аудио и текстовой информацией, и дополненный инструментами для проведения опросов, комментирования и работы над сторителлингом. *Zimmer Twins at School* – сервис, позволяющий учителю и учащимся рассказать простую историю или проиллюстрировать диалог. *Capzles* – сервис для сторителлинга, дающий возможность размещать медиафайлы и тексты в одном месте, с возможностью публикации работы в нескольких социальных сетях, а также оценки презентаций других пользователей.

2. Для дистанционной работы над *описанием* может быть использован ресурс под названием *Glogster* – онлайн-платформа для создания так называемых «глогов», т. е. постеров или экспозиций.

3. В качестве ресурсов для работы над таким функциональным стилем письменной речи, как *рассуждение*, могут использоваться онлайн-сервисы для ведения блогов, такие как *Wordpress* и *Blogger*.

4. Существует ряд ресурсов, позволяющих, на наш взгляд, производить обучение всем функциональным типам письменной речи. Они включают такие виртуальные среды, блоги и редакторы документов, как *Wikispaces Classroom*, *Write On!*, *Edmodo*, *Google Docs*.

Принимая во внимание вышеупомянутые принципы использования технологии смешанного обучения Э. Розетт, для проведения пробного обучения был выбран ресурс *Google Docs*. Из шести указанных ранее моделей технологии была выбрана модель *Face-to-Face Driver*, в которой основная часть учебной программы изучается в школе при непосредственном взаимодействии с учителем,

а онлайн-обучение используется в качестве дополнения к основной программе, что позволяет реализовать принцип индивидуализации.

Констатирующий срез позволил выявить средний балл за письменные работы 3.7 (по пятибалльной шкале), отношение к самостоятельной работе по результатам анкетирования оказалось преимущественно безразличным, ориентированным на работу с учебником при значительной помощи учителя с преобладанием корректировки.

Собственно пробное обучение разрабатывалось на основе примера интеграции технологии *Blended Learning* в образовательный процесс с использованием ресурса *Google Docs* при организации проектной деятельности учащихся в технологическом институте г. Карлоу (Республика Ирландия) [11]. При пробном обучении в 9-м классе были задействованы материалы темы *Can We Learn to Live in Peace?* учебно-методического комплекса (УМК) *Enjoy English*. Учащимся было дано задание при помощи сервиса *Google Docs* написать эссе-рассуждение на представленные в УМК темы по проблеме разрешения конфликтов в современном обществе. Преподаватель подсказывал учащимся, как работать с данным сервисом, а также давал задание, включающее упражнения на восстановление структуры текста (*ordering tasks*) и последующее оценивание продукта-образца по представленным критериям. Далее, предлагалось написать собственное эссе-рассуждение по примеру в сервисе *Google Docs*. Задание выполнялось каждым обучающимся в индивидуальном порядке. Учитель оценивал конечный продукт учащегося, пользуясь общими критериями оценки письменных работ ОГЭ, затем результаты переводились по пятибалльной шкале.

Контролирующий срез показал, что только треть учащихся группы, справилась с предложенным им заданием, однако предоставленные учащимися 9-го класса работы оказались на хорошем качественном уровне, со средним баллом 4.5, учащиеся положительно отзывались о полученном опыте. По результатам анкетирования были выявлены такие стимулы, как важность для усвоения предмета, оценка (страх отрицательной оценки), работа в группе и доброжелательная обстановка. Корректировка по результатам среза включала разработку более подробных инструкций

по использованию сервиса, алгоритмов для выполнения заданий с примерами и языковым материалом, групповой режим работы.

Пробное обучение в 10-м классе было построено на материале темы *Against the Odds* УМК *Solutions Upper-Intermediate*. Учащиеся выполняли групповой проект – написание заметки в молодёжный журнал на иностранном языке. Все учащиеся группы (13 человек) были поделены на мини-группы по 3-4 человека. Задача каждой мини-группы заключалась в создании письменного текста на английском языке при помощи онлайн-сервиса “Google документы”, соответствующего тематике и стилистике молодёжного журнала. При этом каждый из членов группы по очереди играл роль корреспондента (*correspondent*), корректора (*proof-reader*) и главного редактора (*chief-editor*), таким образом, по очереди проходя все этапы работы над созданием развёрнутого письменного высказывания на иностранном языке (отбор материала и выбор темы – написание текста – проверка и корректировка – рефлексия). Таким образом, при выполнении определённой роли учащиеся имели возможность развивать различные учебные и социальные умения. Им были предоставлены необходимые инструкции по работе с сервисом *Google Docs* и алгоритмы для выполнения заданий. Учитель оценивал конечный продукт учащегося, пользуясь общими критериями оценки письменных работ ЕГЭ, после результаты переводились по пятибалльной шкале.

Контролирующий срез показал, что все учащиеся справились с предложенными заданиями: средний балл составил 4.6. Отношение к самостоятельной работе по результатам анкетирования оказалось преимущественно положительным, ориентированным на работу с дополнительной литературой, учебниками, таблицами и другими материалами; участие учителя было отмечено как желательное на этапах объяснения заданий и анализа результатов. Среди основных стимулов отмечены: значимость для профессиональной подготовки, высокая оценка, работа в паре и группе, доброжелательная обстановка и успешность выполнения задания.

Таким образом, мы полагаем, что реализация модели смешанного обучения *Face-to-Face Driver* с использованием ресурса *Google Docs* возможна в целях интенсификации обучения письменной речи. Ее эффективность коррелирует с отношением учащихся к

самостоятельной работе и разнообразием стимулов. Успешность самостоятельного выполнения заданий в режиме онлайн повышается при наличии подробных и понятных инструкций и алгоритмов, наличия примеров и четкой организации этапов работы. Экспериментальная проверка данных положений на большем количестве испытуемых позволит уточнить результат описанного пробного обучения.

Анализ результатов пробного обучения в обеих группах позволяет сформулировать ряд методических рекомендаций по использованию технологии *Blended Learning* в целях обучения письменной речи:

- Необходимо организовать отбор содержания и средств обучения адекватно целям и задачам, продиктованным примерной программой и Государственным стандартом основного и общего образования, и их оценку с точки зрения аудиторного и внеаудиторного использования.

- Необходимо проанализировать образовательные потребности учащихся, учитывая возрастные и психологические особенности группы, оценить уровень мотивации учащихся к самостоятельной работе и их умения работать в группе и индивидуально.

- Следует выработать эффективное сочетание аудиторной и дистанционной работы с использованием информационных технологий для обеспечения доступа учащихся к необходимой информации, учитывая конкретные условия образовательного процесса и возможности учащихся.

- Важно удостовериться в том, что учащиеся обладают необходимым уровнем компьютерной грамотности, позволяющим им зарегистрироваться в системе и выполнять необходимые действия (рекомендуется предоставить учащимся инструкцию или алгоритм действий).

- Необходимо продумать четкую последовательность этапов выполнения заданий, которая будет соответствовать технологии развития письменной речи, и предложить учащимся алгоритмы написания текста определенного жанра, образцы и правила оформления, языковой материал, коммуникативную ситуацию.

• В целях стимулирования мотивации к самостоятельной работе и в целях ее эффективности при оценке необходимо учитывать активность учащихся в работе над групповым проектом, а также своевременность выполнения каждого задания.

В заключение необходимо отметить перспективность внедрения смешанного обучения в процесс обучения иностранным языкам в основной и средней школе, которая заключается не только и не столько в экономии времени и материальных средств учебного заведения, сколько в стимулировании мотивации учащихся и качественном улучшении результатов учебной деятельности за счёт возможности относительно безболезненно перестраивать учебный процесс, снабжать учащихся необходимыми инструкциями в кратчайшие сроки, а также строить процесс образования в рамках индивидуального подхода, делая его более гибким, адаптивным, интегративным, а, следовательно – полностью соответствующим концепции современного образования, основывающейся на внедрении новых образовательных стандартов.

Библиографический список

1. Rooney J.E. Blending learning opportunities to enhance educational programming and meetings // *Association Management*. 2003. № 55 (5). P. 26-32.
2. Charles R. Graham. Blended learning systems: Definition, current trends, future directions // Электронный ресурс Интернет: <http://www.publicationshare.com/c1-Charles-Graham-BYU--Definitions-of-Blended.pdf>.
3. Tomlinson B., Whittaker C. *Blended Learning in English Language Teaching: Course Design & Implementation*. London: British Council, 2013. 252 p.
4. Young J.R. “Hybrid” teaching seeks to end the divide between traditional and online instruction // *Chronicle of Higher Education*. Section A. 2002, March 22. P. 33.
5. *Innovations in learning technologies for English language teaching / Ed. by G. Motteram*. London: British Council, 2013. 197 с.
6. Horn M.B., Staker H. *The Rise of K–12 Blended Learning*. Innosight Institute, Inc., 2011 // Электронный ресурс Интернет:

http://www.leadcommission.org/sites/default/files/The%20Rise%20of%20K-12%20Blended%20Learning_0.pdf.

7. Rossett A., Douglas F., Frazee R.V. Strategies for Building Blended Learning // Электронный ресурс Интернет: <http://ablendedmaricopa.pbworks.com/f/Strategies+Building+Blended+Learning.pdf>.

8. Самостоятельная работа (анкета) // Справочник заместителя директора школы по воспитательной работе. М.: Центр «Педагогический поиск», 2002. С. 32-33.

9. Стимулы в работе (анкета) // Справочник заместителя директора школы по воспитательной работе. М.: Центр «Педагогический поиск», 2002. С. 31-32.

10. Иванова Т.В., Сухова И.А. Теория и методика обучения иностранному языку: Базовый курс лекций. Ч. II. Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. 102 с.

11. Using Google Docs to Support Project-Based Learning // AISHE-J: The All Ireland Journal of Teaching and Learning in Higher Education. Vol. 3, №1 (Spring 2011) // Электронный ресурс Интернет: <http://ojs.aishe.org/aishe/index.php/aishe-j/article/viewArticle/35>.

Сведения об авторах

Енбаева Людмила Валерьевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры методики преподавания иностранных языков
Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета
E-mail: l.v.enbaeva@gmail.com

Фалько Кирилл Игоревич
студент Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета
E-mail: falkokirill@gmail.com

УДК 81'243:378.147

ПОНЯТИЕ УЧЕБНЫХ СТРАТЕГИЙ, ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ С КОГНИТИВНЫМИ СТИЛЯМИ И ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС ОВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ

Т.А. Лопарева

Вятский государственный гуманитарный университет, Киров

В статье рассматриваются понятия «учебные стратегии» и «учебные стили», приводятся релевантные трактовки стратегий. В статье выявляется зависимость применения учебных стратегий от когнитивного стиля и описывается их влияние на процесс овладения иностранными языками, а также возможность учета когнитивных стилей учащихся в практике преподавания иностранных языков.

Ключевые слова: когнитивный стиль, учебные стратегии, автономность учащегося, стратегии овладения иностранным языком, стратегии пользования иностранным языком.

The Concept of Learning Strategies, their Interrelation with Cognitive Styles, and their Influence on Foreign Language Acquisition

Tatyana Lopareva

The article deals with concepts of learning styles and strategies, giving relevant interpretations of the latter, making an attempt to see whether learning strategies depend on a learner's cognitive style, to study their influence on foreign language acquisition, and to understand whether it is possible to take learners' cognitive styles into consideration in the process of foreign language teaching.

Key words: cognitive style, learning strategies, learner's autonomy, strategies of foreign language acquisition, strategies of using foreign language.

Современный образовательный лозунг «учение через всю жизнь» интегрировался и в отечественную методику обучения иностранным языкам, что обусловлено быстроменяющейся ситуацией в мире: в наше время, когда все большее количество информации должно быть переработано в кратчайшие сроки, становится очевидной необходимость быстро учиться. Новые технические средства и индивидуальная переработка информации в учебном процессе играют при этом важную роль. Языки ежегодно пополняются тысячами новых единиц, и даже люди, владеющие иностранным языком в совершенстве, должны продолжать обучение.

Усваивать новую информацию, корректировать имеющуюся, приобретать новые навыки – все это возможно при наличии

соответствующей учебной компетенции. Новым требованиям отвечает когнитивный подход, базирующийся на принципах когнитивной психологии, где личность познающего активна. Выделенные и разработанные в когнитивистике понятия «когнитивный стиль» и «когнитивные стратегии» уже широко распространены в методике обучения иностранным языкам. Однако незавершенность стилевого подхода в психологии и отсутствие единого понимания стратегий дают почву для возникновения многочисленных трактовок данных понятий. Исследования когнитивных стилей в отечественной психологии, по словам А.П. Лобанова, «на языке математики можно выразить формулой $N - 1$, то есть новый импульс возникал в зарубежной психологической науке и стимулировал аналогичные исследования в отечественной психологии» [1. С. 135]. То же можно сказать и о стратегиях. Отсюда возникает противоречивая терминология при переводе зарубежных источников.

Стратегии могут быть обозначены как «(ментальный) план действия, целью которого является самостоятельное изучение / усвоение чего-либо» [2. С. 6] (здесь и далее перевод наш – *Т.Л.*). Также достаточно обобщенно, но уже конкретнее в плане области воздействия стратегии обозначаются как способы, «которыми обучающийся управляет и контролирует построение, сохранение, вызов и применение информации» [3. S. 204]. Для обозначения стратегий были составлены списки критериев и признаков. Значительный интерес для определения понятия «стратегия» представляют 12 критериев А. Венден [4. P. 7-8] и Р. Оксфорд [5. P. 9]. Первые шесть характеристик содержатся в обоих исследованиях:

1. Проблемная ориентированность. Учебные стратегии служат инструментами преодоления трудностей и определенных учебных заданий.

2. Специфичность. Учебные стратегии – это специфические действия, применяемые учащимися для стимулирования учебного процесса.

3. Прямое или косвенное влияние. Усваиваемый материал прямо включается в стратегию, другие стратегии поддерживают учение лишь косвенно.

4. Варьируемая наблюдаемость. Учебные стратегии не всегда можно наблюдать: с одной стороны они невидимы и неслышимы (как стратегии памяти, например), а с другой стороны они применимы в естественной ситуации коммуникации вне учебной аудитории.

5. Различная степень осознанности. Как и другие способности, стратегии автоматизируются в упражнении.

6. Возможность изучения. Путем тренировки и сознательного восприятия учебные стратегии могут быть выучены, изменены, отклонены.

К перечисленным Р. Оксфорд добавляет еще шесть:

1. Опора в обучении. Учебные стратегии помогают достичь коммуникативной компетенции, способствуют успешному преодолению аутентичных коммуникативных ситуаций.

2. Возрастающая автономность. С применением учебных стратегий обучающиеся принимают активную управляющую роль в обучении.

3. Изменение роли учителя / преподавателя. Он становится помощником, консультантом, координатором и диагностом. Наряду с осуществляемой им обучающей деятельностью, учитель помогает усваивать стратегии.

4. Многомерность. Учебные стратегии не ограничены только когнитивным поведением, они охватывают также метакогнитивные, социальные и эмоциональные способы действий.

5. Гибкость. Обучающиеся применяют учебные стратегии довольно гибко, непредсказуемым образом и в непредсказуемой последовательности.

6. Мультифакторное влияние. На выбор учебных стратегий влияет множество факторов: степень осознанности, этап обучения, постановка задания, возраст, мотивация и т.д. [5. Р. 9].

Перечисленные признаки, однако, выступают не как конкретные свойства, выделяющие учебные стратегии, а скорее как описание понятия «стратегия».

Учебные стратегии служат облегчению, ускорению и оптимизации процесса научения. Обучающиеся получают независимость и возможность самостоятельного планирования учения. Тем самым облегчается индивидуальная работа с новой информацией и автономное управление учебным процессом. От

правильного применения учебных стратегий зависит мотивация и эмоциональное состояние, так же как и способы выбора и организации нового знания и интеграции его в существующее.

Обратимся к терминологии. Выделяют учебные стратегии и стратегии научения, что вызвано стремлением различать такие области применения стратегического действия, как трансформация знания посредством учения и использования знания. Если следовать данному разграничению, то термин «учебная стратегия» обозначает исключительно то, что влияет на процесс учения, в то время как стоящее выше понятие «стратегии учения» относится ко всем применяемым стратегиям (учебным, коммуникативным и т.д.). Стратегии учения, таким образом, охватывают, наряду с учебными, и стратегии применения языка. Последние особенно влияют на процесс овладения целевым языком в продуктивных и рецептивных видах деятельности.

В исследованиях данного вопроса, наряду с термином «стратегия», возникают его синонимы «учебный прием», «учебный навык», «учебная техника».

Дж. О'Маллей и А. Чемот различают стратегию и навык. Внешние действия они называют учебными навыками (*study skills*). Им они противопоставляют «учебные стратегии» как «ненаблюдаемые ментальные процессы», сами, однако, не всегда придерживаясь данного разграничения [6. Р. 197].

Г. Циммерман предлагает разграничение ментальных и внешних действий, базирующееся на различии функций и целей [7. S. 100]. Он подчеркивает необходимость соотнести термин «стратегия» с внутренними процессами планирования и переработки информации, а для «внешних», наблюдаемых действий, таких как «посмотреть в словаре», «выучить наизусть», «использовать карточки», употреблять термин «приемы» (*Techniken*).

Разграничение понятий говорит об осознании того, что оба процесса представляют собой принципиально разные этапы стратегического поступка. Причем стратегия обозначается как более высоко организованный процесс [8. S. 6].

В учебной ситуации довольно непросто разграничить стратегии и приемы или четко определить, где заканчиваются стратегии и начинаются приемы. Можно исходить из того, что учебные стратегии

не всегда остаются на ментальном уровне, перетекая в исполняющее звено, так что стратегический план превращается в конкретно наблюдаемое действие.

Данное противоречие, на наш взгляд, сглаживается у Р. Гротьяна [9. S. 52]. Он предлагает в понятии «стратегия» выделить три уровня:

1. Уровень наблюдаемого поведения и действия. Сюда он относит явные стратегии или приемы (*manifeste Strategien oder Techniken*).

2. Уровень не наблюдаемых непосредственно когнитивных процессов. Это уровень ментальных, или когнитивных, стратегий (*mentale Strategien*).

3. Уровень ментальных (и тем самым не наблюдаемых непосредственно) репрезентаций в памяти. Это уровень стратегического знания (*Strategiewissen*).

Как было упомянуто выше, использование учебных стратегий зависит от многих факторов, в том числе и от учебного, или когнитивного, стиля. Понятия «учебный стиль» и «когнитивный стиль» употребляются в специальной литературе не стабильно и не достаточно четко. Например, некоторые авторы считают «учебный стиль» подчиненным понятием по отношению к понятию «когнитивный стиль», другие придерживаются обратного мнения. Оба термина, тем не менее, рассматриваются в тесной понятийной связи с такими характеристиками личности, как «экстраверсия и интроверсия», исследуемыми под категорией «учебный стиль» [10]. Другие ученые указывают на то, что читатель, желающий ознакомиться с обзором литературы по учебным стилям, сам должен обладать высокой степенью толерантности [11. P. 113].

И.Ю. Мангус определяет когнитивный стиль как «относительно стабильный личностный набор познавательных процедур, а когнитивное развитие можно рассматривать как становление когнитивного стиля», определяется «устойчивыми показателями закономерностей восприятия, понимания, запоминания, взаимодействия и реагирования учащегося на среду и средства обучения» [12. С. 34, 36]. Являя собой нечто среднее между эмоцией и сознанием, когнитивный стиль объединяет физические, аффективные и когнитивные составляющие.

Учебные стили в большинстве своем характеризуются биполярно (визуальный / вербальный, экстравертированный / интровертированный и т.д.). Причем речь идет о континууме, и ни один из полюсов не означает предпочтительное качество. В отличие от способностей иноязычная компетенция всегда однополярна, в ней «больше» всегда означает «лучше». Разница в способностях заключается в различном уровне определенных достижений, тогда как стили различаются способом и образом переработки информации. И.Ю. Мангус отмечает: «когнитивный стиль позволяет людям с разными индивидуально-типологическими особенностями нервной системы, разной структурой способностей, темперамента, характера добиваться равной эффективности при выполнении одного и того же задания» [12. С. 36].

Учебные стили выполняют избирательную, организационную и управляющую действиями и поведением функции. Избирательная функция означает, что стили управляют выбором важных для конкретного ученика аспектов информации относительно дальнейшей ее переработки. Организационная функция представляет собой способ интеграции новой информации в уже сохраненную информацию. Аспект управления поведением проявляется как в общих поведенческих тенденциях, так и в предпочтении определенных стратегий и приемов.

Исследователи выделяют достаточно большое количество когнитивных стилей, однако далеко не все из них влияют на процесс овладения иностранным языком. Рассмотрим лишь три из них, где можно проследить связь с применением учебных стратегий.

Аналитический – глобальный стиль (полнезависимость – полезависимость).

Полнезависимая личность имеет тенденцию к аналитическому постижению действительности, стремясь к пониманию явления, хоть и относящегося к окружающему полю, но представленного отдельно от него. Обучающиеся же с глобальным стилем предпочитают видеть картину целиком (полезависимость). Как следствие, полезависимые обучающиеся могут испытывать трудности с вычленением относящихся к делу деталей, тогда как полнезависимые склонны иногда терять из виду всю картину в целом. Р. Оксфорд и Н. Андерсон связывают глобальный стиль с глобальными

стратегиями, например, при чтении понять основное содержание, пренебрегая деталями [10]. «Аналитики», напротив, стремятся обратить внимание на детали и найти причинно-следственную связь.

Полезависимые обучающиеся предпочитают формальные, ориентированные на языковую правильность учебные задания, полезависимые же более охотно изучают иностранный язык коммуникативным путем. «Аналитики» часто предпочитают индивидуальные формы работы и негативно реагируют на групповую работу.

Рефлексивность – импульсивность.

Данный тип определяет способ принятия решений в сложных проблемных заданиях, степень спонтанности и когнитивного контроля, с которой обучающиеся принимают решения. Рефлексивные обучающиеся реагируют зачастую медленнее и с меньшим количеством ошибок, чем импульсивные обучающиеся с равными способностями. Рефлексивные обучающиеся часто одновременно являются аналитиками, а импульсивные демонстрируют глобальный учебный стиль. Обучающиеся с высокой степенью рефлексивности стремятся перепроверить свои высказывания перед вербализацией (при говорении и письме), импульсивные же демонстрируют тенденцию к спонтанным и менее контролируемым высказываниям. В заданиях на аудирование рефлексивные обучающиеся используют стратегию контролируемого построения гипотез, импульсивные – стратегию отгадывания.

Р. Оксфорд и М. Эрман обращают внимание на то, что чрезмерно выраженное стремление к правильности, или даже к идеально безошибочному применению языка, может привести к страху пользоваться иностранным языком, что может негативно отразиться на процессе изучения иностранного языка [10, 13]. С другой стороны, слишком высокая степень импульсивности также может быть препятствием при обучении иностранному языку.

Терпимость – нетерпимость к внешней информации.

Данный тип означает готовность человека перерабатывать противоречивую или неполную информацию. Овладение языком в естественном окружении требует высокой степени терпимости к внешней информации, в противоположность к изучению языка в учебных условиях, при наличии четко структурированного учебного

плана. Учащийся должен постоянно справляться с незнакомым языковым материалом, неожиданными ситуациями и отличающимися культурными нормами. На занятиях по иностранному языку нетолерантные к внешней информации обучающиеся демонстрируют поспешность выводов относительно языковых закономерностей. Им также мешает непонимание отдельных слов при чтении литературы на иностранном языке. Как следствие, они часто приходят к преждевременным заключениям о содержании текста или обращаются за каждым незнакомым словом к словарю. Для таких людей процесс обучения иностранному языку при менее структурированных занятиях может оказаться проблемой. Готовность нетолерантного к внешней информации человека к самостоятельному, автономному изучению иностранного языка путем применения соответствующих учебных стратегий также невелика.

Перечисленные типы можно дополнить тенденцией к предпочтению определенного канала восприятия, среди которых выделяют: а) визуальный (через картинки, виды, изображения); б) аудиальный (через звуки); в) кинестетический (через чувства и ощущения); г) дискретный (через логику) и д) смешанный.

Когнитивный стиль зачастую не осознается учащимися, однако используемые учебные стратегии могут дать необходимую информацию. Например, аудиальный учебный стиль может быть идентифицирован следующим образом: учащемуся предлагается шкала от 1 («всегда») до 5 («никогда») с формулировками типа «Когда я смотрю незнакомое слово в словаре, я его многократно проговариваю».

Для определения учебного стиля и соответствующих учебных стратегий можно использовать такие инструменты, как дневник, анкетирование, интервьюирование, размышление вслух, наблюдение, анализ ответов.

Наиболее известная анкета, дающая представление об используемых стратегиях при изучении иностранных языков принадлежит Р. Оксфорд, “Strategy Inventory for Language Learning (SILL)” [5]. Хотя анкета направлена на выявление стратегий, но некоторые пункты могут служить индикаторами учебных стилей.

Р. Гротьян подчеркивает необходимость осознания обучающимися своего учебного стиля, его сильных и слабых сторон

относительно определенных учебных ситуаций, отмечая при этом, что не существует «хороших» или «плохих» стилей [14. S. 15]. Являясь стабильным, независимым от ситуации и задания образованием, индивидуальный стиль довольно тяжело поддается изменениям. Однако предлагая на занятии различные формы заданий и способы их решений, преподаватель помогает расширить «зону комфорта» обучающихся. Достигнутая таким образом когнитивная гибкость рассматривается в современном информационном обществе как решающая предпосылка для успешного овладения знаниями, умениями и навыками.

Библиографический список

1. Лобанов А.П. Психология интеллекта и когнитивных стилей. Минск: Агентство Владимира Гревцова, 2008. 296 с.
2. Bimmel P. Lernstrategien im Deutschunterricht // Fremdsprache Deutsch. 1993. №8. S. 4-11.
3. Tönshof W. Training von Lernstrategien im Fremdsprachenunterricht unter Einsatz bewusstmachender Vermittlungsverfahren // Strategien und Techniken beim Erwerb fremder Sprachen / Rampillon U., Zimmermann G. (Hrsg.). Ismaning: Max Hueber Verlag, 1997. S. 203-215.
4. Wenden A. Conceptual Background and Utility // Learner Strategies in Language Learning. A book of readings / ed. by A.L. Wenden and J. Rubin. New Jersey: Prentice Hall International, 1987. P. 3-13.
5. Oxford R.L. Language Learning Strategies. What Every Teacher Should Know. Boston, Massachusetts: Heinle&Heinle, 1990.
6. O'Malley J.M., Chamot A.U. Learning Strategies in Second Language Acquisition. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
7. Zimmermann G. Anmerkungen zum Strategiekonzept // Strategien und Techniken beim Erwerb fremder Sprachen / Rampillon U., Zimmermann G. (Hrsg.). Ismaning: Max Hueber Verlag, 1997. S. 95-113.
8. Mandl H., Friedrich H.F. Lern- und Denkstrategien. Göttingen: Hogrefe, 1992.
9. Grotjahn R. Strategiewissen und Strategiegebrauch. Das Informationsverarbeitungsparadigma als Metatheorie der L2-Strategieforschung // Strategien und Techniken beim Erwerb fremder Sprachen / Rampillon U., Zimmermann G. (Hrsg.). Ismaning: Max Hueber Verlag, 1997. S. 33-76.

10. Oxford R.L., Anderson N.J. A crosscultural view of learning styles // *Language Teaching*. 1995. № 28. P. 201-215.
11. Galloway V., Labarca A. From student to learner: Style, process, and strategy // Birckbichler D. *New perspectives and new directions in foreign language education*. Lincolnwood, Ill.: National Textbook Company, 1991. P. 111-158.
12. Мангус И.Ю. Стратегии овладения языком и развития приемов познавательной деятельности как реализация когнитивного подхода в учебнике русского языка как иностранного (на примере учебников в эстонской школе): Дис. ... д-ра пед. наук. М., 2001. 339 с.
13. Ehrmann M.E. *Understanding second language learning difficulties*. London: Sage, 1996. 364 p.
14. Grotjahn R. Lernstiele und Lernstrategien: Definition, Identifikation, unterrichtliche Relevanz // *Der fremdsprachliche Unterricht Französisch*. 1998. № 4. S. 11-16.

Сведения об авторе

Лопарева Татьяна Анатольевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков и
методики обучения иностранным языкам
Вятского государственного гуманитарного университета
E-mail: T Lopareva@yandex.ru

УДК 371.384:811

ОЛИМПИАДЫ ПО ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

И.В. Матвеева, Т.В. Сухарева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Интеллектуальные соревнования повышают интерес обучающихся к иностранному языку, способствуют более глубокому усвоению профессиональных знаний, умений, навыков, укрепляют взаимодействие преподавателей иностранных языков. НГЛУ ежегодно принимает городские, региональные и общероссийские олимпиады для школьников и студентов по английскому, немецкому, французскому языкам, проводимые как в традиционном формате, так и в режиме онлайн. В статье анализируется опыт организации и проведения этих олимпиад: структура и содержание заданий, уровни сформированности иноязычной коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: методы обучения иностранным языкам, лингвистическая компетенция, олимпиады по иностранным языкам, интеллектуальные соревнования.

Foreign Language Olympiads: Traditions and Innovations

Irina Matveeva, Tatyana Sukhareva

Intellectual competitions in foreign languages seek to foster interest and expertise among foreign language learners and to enhance co-operation between foreign language teachers. LUNN annually hosts face-to-face and online Olympiads in English, German, and French in local, regional and national segments for secondary school and university students.

Key words: teaching techniques, linguistic competence, foreign language Olympiads, intellectual competitions.

Важная роль в реализации компетентностного подхода в образовании отводится повышению учебно-познавательной активности студентов, способствующей формированию необходимых компетенций. Педагогическая наука располагает арсеналом активных методов обучения, активизирующих познавательную и творческую деятельность. К их числу, помимо деловых игр, тренингов, семинаров, мастер-классов, относятся олимпиады.

Предметные олимпиады по иностранным языкам – это интеллектуальные соревнования, с одной стороны, направленные на проверку сформированности иноязычной коммуникативной компетенции, а с другой стороны – демонстрирующие возможности и перспективы, которые открывают иностранные языки.

С 2000 года НГЛУ им. Н.А. Добролюбова является региональной площадкой проведения интеллектуальных соревнований по иностранным языкам как для учащихся средних школ, так и для студентов вузов.

Олимпиады для учащихся средних школ

Предметные олимпиады школьников, организуемые и проводимые на площадках ведущих вузов страны, прочно заняли место в системе отечественного образования, выполняя миссию развития и поддержки интеллектуально одаренных школьников. Наиболее массовой по количеству участников школьного, муниципального, регионального и заключительного этапов является Всероссийская олимпиада школьников, которая проводится при поддержке Правительства Российской Федерации [1].

Победители и призеры заключительного этапа получают специальные дипломы, которые позволяют им поступить на профильную специальность / направление подготовки в ведущие вузы страны или будут засчитаны в качестве ЕГЭ с отметкой в 100 баллов.

Современная история олимпиадного движения по иностранным языкам показывает, что наметился ряд тенденций в его развитии [2]. В последнее время интенсивнее стали использовать дистанционное пространство для проведения интернет-олимпиад. НГЛУ им. Н.А. Добролюбова входит в число 11 вузов-организаторов Межрегиональной олимпиады школьников по иностранным языкам «Евразийская лингвистическая олимпиада», которая внесена приказом Минобрнауки Российской Федерации в перечень олимпиад школьников на 2014-2015 учебный год и которой присвоен второй уровень. Координатором олимпиады выступает Московский государственный лингвистический университет.

Олимпиада среди учащихся 7-11 классов средних общеобразовательных учебных учреждений проводится в два этапа: первый, отборочный заочный (дистанционный), этап проводится в режиме онлайн. На сайте олимпиады (<http://www.linguanet.ru//Solimpiada/>) необходимо заполнить регистрационную анкету и получить задание по выбранному языку. На выполнение заданий отводится восемь часов, затем доступ к сайту олимпиады с конкретного компьютера блокируется. Повторная регистрация невозможна.

Второй, заключительный очный, тур с участием победителей и призеров отборочного этапа проводится на площадках вузов-организаторов олимпиады. Согласно действующему законодательству, победителям и призерам олимпиады по иностранному языку могут быть предоставлены льготы при поступлении в высшие учебные заведения по специальности (направлению подготовки) в соответствии с профилем олимпиады.

Таким образом, предметные олимпиады школьников – важная составляющая отечественной системы общего образования – служат своеобразным мостиком между школьным и университетским образованием и могут рассматриваться как альтернативная форма зачисления талантливых выпускников в вузы.

Олимпиады для студентов вузов

Олимпиадная образовательная среда в вузе предназначена для создания условий, благоприятствующих развитию как креативности студентов, так и их профессиональных компетенций. Олимпиадное движение (как форма организации обучения) – активная творческая созидательная деятельность всех участников образовательного процесса (преподавателей и студентов) на основе интеграции коллективной и соревновательной деятельности, направленная на достижение целей обучения [3].

Ежегодно в апреле Совет ректоров вузов Нижегородской области, Министерство образования Нижегородской области, Нижегородский областной Совет по научно-исследовательской работе студентов организует и проводит на базе НГЛУ им. Н.А. Добролюбова региональную студенческую олимпиаду вузов Волго-Вятского региона.

В первой группе (группа А) соревнуются студенты, специализирующиеся по данному предмету, во второй группе (группа Б) соревнуются студенты, изучающие общий курс данной дисциплины. В предметных олимпиадах принимают участие студенты, изучающие соответствующую дисциплину в текущем или закончившие ее изучение в прошедшем году. Олимпиады по иностранным языкам проводятся только по группе А. Нижегородский государственный лингвистический университет является базовым вузом по проведению предметных олимпиад по английскому, немецкому и французскому языкам [4].

В региональной олимпиаде традиционно принимают участие студенты университетов Нижнего Новгорода и Приволжского федерального округа (НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Вятский государственный гуманитарный университет, Вятский государственный университет, Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского и др.).

Для участия в олимпиадах по иностранным языкам (английскому, немецкому, французскому) по каждому языку от вуза направляется один участник – победитель внутривузовского отборочного этапа. Если в вузе не изучается один из трех указанных языков, то направляются два студента, изучающих один и тот же язык, чтобы команда состояла из трех человек. Это необходимо для удобства подведения итогов в командном зачете.

Реализация в НГЛУ с 2012 года немецко-русской инициативы – олимпиады по немецкому языку среди студентов вузов Приволжского федерального округа при поддержке Германской службы академических обменов – призвана способствовать улучшению качества образования, повышению мотивации студентов и совершенствованию двустороннего сотрудничества в сфере профессионального образования [5-8].

Предметные олимпиады всех уровней призваны не только выявить наиболее одаренных участников посредством контроля уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетентности, но и мотивировать их к самостоятельной учебно-познавательной деятельности в этой области, что отвечает положениям компетентностно-деятельностного подхода, актуального в образовании на сегодняшний день, и условиям изменившейся информационной среды с ускоренными процессами обновления знаний [9; 10].

Анализируя опыт проведения школьных и студенческих олимпиад, следует отметить, что все они учитывают основные критерии европейской системы оценивания уровня владения

иностранном языке и предлагают задания, позволяющие контролировать уровень сформированности иноязычной коммуникативной компетентности, под которой понимается способность и готовность обучающихся осуществлять межличностное и межкультурное общение с носителями изучаемого иностранного языка в устной и письменной формах в типичных ситуациях и сферах общения [11].

Коммуникативный подход в преподавании иностранного языка означает, что для успешного овладения иностранным языком обучающиеся должны не только знать языковые формы, но также иметь представление о том, как использовать их для реальной коммуникации. Умение решать коммуникативные задачи проверяется во всех видах речевой деятельности, поэтому в программу олимпиад на всех уровнях обязательно включены пять блоков заданий. Например, в программу регионального этапа всероссийской олимпиады школьников включены конкурс понимания устной речи, конкурс понимания текста, конкурс устной речи, конкурс письменной речи, лексико-грамматический тест.

Уровень сложности заданий – В1+ / В2 (для школьников), С1 / С2 (для студентов) – и тематика привязаны к возрастной группе.

Для успешного выполнения заданий раздела «Аудирование» следует иметь опыт аудирования: навыки слушания текста монологического и диалогического характера, владение стратегиями глобального, селективного и детального понимания, умение приспосабливаться к разным условиям прослушивания аудиоматериала и к слушанию голосов различных тембров. Задания направлены на проверку понимания содержания и языкового оформления текста и представлены в виде теста множественного выбора.

Задания на понимание содержания аутентичного текста включают вопросы на общее понимание текста, на выборочное понимание необходимой информации в тексте, вопросы на детальное понимание отдельных смысловых нюансов текста, определение истинности или ложности высказывания, завершение фраз в соответствии с содержанием текста, определение отношения автора к высказыванию. Данный раздел может также включать анализ языкового оформления текста (найти синонимы / антонимы к словам

в тексте, дать толкование слов или фраз, использованных в тексте). Изучение и использование синонимов, дефиниций и толкований способствует развитию таких базовых умений компенсаторной компетенции, как умения перефразированию, использовать синонимы.

Аспект «Письмо» включает такие типы заданий, как «Напишите письмо личного / делового характера», «Напишите сочинение / эссе на предложенную тему». Конкретные темы носят проблемный характер и предполагают выражение личного отношения говорящего к обсуждаемому вопросу. Критерии для проверки эссе (сочинения, письма) включают содержание (соответствие содержания заданной теме, полнота содержания, личностный подход к раскрытию темы), организацию текста (соблюдение особенностей построения письменного дискурса соответствующего типа на иностранном языке, целостность, соблюдение заданного объема эссе, сочинения или письма), языковое оформление (правильность использования лексических и грамматических средств языка, разнообразие использованных лексических и грамматических средств языка, включая идиоматичность, соблюдение правил орфографии и пунктуации, стилистическая адекватность).

Раздел «Лексика и грамматика» включает аутентичные контексты для проверки знания лексики и фразеологии, правил грамматики и синтаксиса, правил лексической сочетаемости, правил словообразования и умения интерпретировать лингвистические явления. Для успешного выполнения данного раздела олимпиады испытуемые должны уметь использовать стратегию вероятностного прогнозирования, то есть, не видя самих ответов, предположить, какой лексемой может быть заполнен соответствующий пропуск в предложении.

Зарубежный опыт языкового тестирования используется также при проверке навыков говорения. Это задание олимпиадного уровня проверяет общее когнитивно-коммуникативное развитие экзаменуемого, владение лексикой, грамматикой, способность строить свое речевое поведение, знание социокультурной специфики (регистр общения, соответствующий конкретной ситуации, различия в традициях и системах ценностей страны изучаемого языка).

Анализ структуры заданий предметных олимпиад по иностранным языкам, результатов их выполнения, равно как и дальнейшая профессиональная траектория победителей и призеров олимпиад, позволяет констатировать, что использование олимпиадного движения как одной из форм организации обучения способствует системному и более глубокому усвоению студентами профессиональных знаний, умений, навыков, формированию профессиональных компетенций и вносит весомый вклад в подготовку конкурентоспособных специалистов.

Библиографический список

1. Саможенов С.Н., Матвеева И.В. VII Всероссийская олимпиада школьников по немецкому языку 12-15 апреля 2010 г. // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Вып. 10. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2010. С. 221-224.
2. Трубицина О.И., Переверткина М.С., Шегай Н.А. Интенсификация подготовки талантливой молодежи к интеллектуальным соревнованиям по иностранным языкам // UNIVERSUM: Вестник Герценовского университета. 2013. №4. С. 161-169.
3. Пучков Н.П., Попов А.И. Олимпиадное движение как форма организации обучения в вузе: Учебно-методическое пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. 180 с.
4. Положение о региональной студенческой олимпиаде. Н. Новгород, 2012. 4 с.
5. Саможенов С.Н., Маттиас Г. Первая олимпиада по немецкому языку среди студентов вузов Приволжского федерального округа // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Вып. 20. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2012. С. 218-219.
6. Плисов Е.В., Маттиас Г. Вторая олимпиада по немецкому языку среди студентов вузов Приволжского федерального округа // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Вып. 24. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013. С. 175-176.
7. Плисов Е.В., Саможенов С.Н. DAAD в НГЛУ: 20 лет сотрудничества // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Вып. 26. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2014. С. 171-173.
8. Саможенов С.Н., Плисов Е.В., Маттиас Г. Третья олимпиада по немецкому языку среди студентов вузов Приволжского федерального

округа // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Вып. 29. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2015. С. 163-164.

9. Соломин В.П., Гончаров С.А. Педагогические кадры: новый образ, новое образование // UNIVERSUM: Вестник Герценовского университета. 2013. №2. С. 3-11.

10. Сухарева Т.В., Куренкова Т.П. Структура профессиональных компетенций будущего учителя иностранного языка (направление подготовки 035700 – Лингвистика, степень «бакалавр») // Наука и мир. 2014. № 4(8). Т. 3. С. 70-73.

11. Трубицина О.И. Формирование коммуникативной компетентности учащихся общеобразовательной школы на уроках иностранного языка // Формирование коммуникативной компетентности школьников: Коллективная монография / Под общ. ред. Н.Д. Андреевой. СПб.: Свое издательство, 2013. С. 13-21.

Сведения об авторах

Матвеева Ирина Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: matveeva_i@lunn.ru

Сухарева Татьяна Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой английского языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: suhareva@lunn.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 1"19"(73)

ХАМАРТИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАЙНХОЛЬДА НИБУРА

А.В. Ворохобов

Нижегородская духовная семинария, Нижний Новгород

В статье исследуется хамартиологическая концепция Райнхольда Нибура. Анализ показывает, что онтологической предпосылкой возможности зла и греха, по мысли Р. Нибура, является свобода человека. Свобода предполагает способность самотрансцендирования. Опыт трансцендирования в отношении к миру и себе ведет к беспокойству, искушению и греху. В любых своих формах грех – выражение человеческого желания воли к власти в его стремлении к преодолению границ своей природы и конечности.

Ключевые слова: антропология, человек, зло, хамартиология, грех, гордыня, тревога.

Reinhold Niebuhr's Hamartiological Framework

Aleksander Vorokhobov

The article examines Reinhold Niebuhr's hamartiological framework, demonstrating that, in Niebuhr's opinion, human freedom forms the ontological possibility of evil and sin. Freedom means the ability of transcending self. The experience of transcending the world and self leads to anxiety, temptation, and sin. In all its forms sin remains an expression of the human desire and will for power as it seeks to overcome the boundaries of human nature and human finiteness.

Key words: anthropology, man, evil, hamartiology, sin, pride, anxiety.

Религиозно-философские идеи, развитые одним из наиболее ярких мыслителей США Карлом Паулем Райнхольдом Нибуром (1892-1971) более полувека назад, все еще имеют значительное влияние на актуальную интеллектуальную философскую и общественно-политическую мысль, и нигде это влияние не оказывается столь явным, как в социально-антропологических дискуссиях. Современник Р. Нибура Д.Р. Дэвис, оценивая его вклад в философскую традицию, писал, что он как никто из современных

мыслителей способствовал реабилитации учения о грехе «спасая его от пренебрежения и презрения со стороны все более секулярной светской науки и философии. Он сделал это преимущественно раскрывая его глубокое значение для социологии и философии истории» [1. Р. 39-40] (здесь и далее перевод наш – *А.В.*). Данная статья имеет целью исследование антропологических предпосылок греха, его структуры и форм бытования в наследии Райнхольда Нибура.

Исторический контекст творчества Райнхольда Нибура включает великую депрессию, две разрушительные мировые войны, холокост, Хиросиму и Нагасаки, войну во Вьетнаме, Холодную войну, стремительное технологическое развитие и угрозу атомного уничтожения. Репрезентативными фигурами того времени были А. Гитлер и И. Сталин. В США – такие люди, как Гарри Трумэн, Джозеф Маккарти и Генри Форд, воплощающие в себе наиболее тонкую разновидность гордыни. Человеческое самовозвеличивание, его крах и трагические последствия были контекстуальными лейтмотивами творчества Р. Нибура. Комментаторы наследия Р. Нибура подчеркивают, что в своих трудах он всегда обращался к людям, имеющим общественный вес. Так, например, Р. Вельдуис пишет, что «Нибура справедливо называли пророком для сильных. Его критика, прежде всего, направлена на иллюзии сильного» [2. Р. 49].

Предварительным условием греха у Р. Нибура является тревога. Ссылаясь на С. Кьеркегора, Р. Нибур в классическом неортодоксальном диалектическом стиле особо подчеркивает тревогу и страх человека за свою свободу и свою конечность, ограниченность и безграничность, ощущение которых означает признание своего парадоксального состава [3. Р. 182]. Тревога – неизбежное сопутствующее обстоятельство парадокса свободы и ограниченности, в который вписано бытие человека. Это психологическое состояние тревоги проецирует и конституирует как активность человека, так и его грех. Все добро, которое получается в результате человеческой деятельности, не является добром в чистом виде, но, смешиваясь со злом, становится сложно от него отличимым. Р. Нибур полемизирует с М. Лютером, который считал, что состояние тревоги свойственно лишь падшему человеку, а совершенный человек в состоянии веры

ему не подвержен. Нибур утверждает, что если бы человек пребывал полностью свободным от тревоги, то это демонстрировало бы недостаток свободы и не предполагало бы необходимости веры. Нибур указывает, что его концепция тревоги в основе своей совпадает с „Sorge” М. Хайдеггера, обусловленной бытием-в-мире [3. Р. 184-186]. В идеале, вера в Бога предотвратила бы тревогу, но в реальности грех, как результат тревоги, фактически неизбежен. Неотвратимость греха как ответа на тревогу тем не менее не устраняет ответственности человека за него [3. С. 255-265]. Тревога греха трансформируется в опровержение конечности или в попытку сделать ее незаметной. Человек – это «всегда отчасти усилие затенить его слепоту, переоценка степени его значимости, затенение его ненадежности через растягивание его силы за ее пределы» [3. Р. 181]. Иными словами, тревога приводит к гордости. Тревога, согласно Р. Нибуру, принадлежит к духовной области человека. «Эта тревога, – по словам С. Нельсона Данфи, – скрепляет жизнь воедино, образуя врожденное человеку состояние. Нибур понимает человеческую природу так, что она, по определению, биполярна, содержа в себе напряженность этих двух полюсов конечности и свободы» [4. Р. 316]. Грех, таким образом, в представлении Р. Нибура, является не чем-то внешним, но непосредственно частью человеческой природы. И все же, если рассмотреть процесс, в результате которого человек входит в состояние тревоги, то получится, что и у него есть свои предпосылки.

Дух для Р. Нибура может быть определен как свобода [3. Р. 3]. Свобода имеет два измерения. С одной стороны, это способность трансцендирования в отношении к миру, с другой – способность трансцендирования в отношении к самому себе: «То, что человек может находиться вне мира, допускают и рационалисты, но рационалисты не всегда понимают, что эта разумная способность человека содержит в себе и другую способность нахождения вне себя самого, способность к самотрансценденции» [3. Р. 4]. Само знание человеком мира предполагает, что он одновременно и вне мира, и вне себя. Для того чтобы прийти в состояние тревоги, человек сначала должен признать свою дуальность и конечность. Такое признание происходит через опыт самотрансцендирования: «Человек – единственное животное, которое может делать себя само своим собственным объектом. Эта способность к самотрансцендированию,

которая отличает дух человека от его души (которую он разделяет с существованием животных), является основанием для дискретной индивидуальности и через самосознание вызывает осознание мира как “другого”» [3. Р. 55]. Человек как дух превосходит темпоральные и природные процессы, в которые он вовлечен. Также он превосходит и себя самого. В гносеологическом отношении Р. Нибур вполне согласен с А.Н. Уайтхедом, утверждая, что разум человека устроен таким образом, что он постоянно ищет истоки земной каузальности вне ее границ. «Поэтому он постоянно мыслит все частные явления в их связи с полнотой реальности и может адекватно понять тотальность только в смысле принципа единства “вне, позади и над текущим потоком явлений”» [5. С. 411]. Таким образом, его свобода – основание его творческого потенциала и, одновременно, его искушение. Признание своего парадоксального статуса влечет за собой осознание своей радиальной свободы и ответственности (дух), и понимание ограниченности своего конечного существования (природа). Не финитность человека, не его зависимость и слабость, но его беспокойство обо всем этом заставляет человека грешить.

Таким образом, опыт самотрансцендирования может быть понят как предпосылка признания своей дуальности и конечности, приводящая к искушению и встревоженности, а затем и ко греху. Р. Нибур утверждает, что духовное измерение в рамках человеческой природы обладает способностью к самотрансцендированию. Но что выявляет или реализует эту способность? Иными словами, каково предварительное условие самотрансцендирования? Р. Нибур определяет самотрансцендирование как «сознание сознания» (*the consciousness of consciousness*) [3. Р. 72]. Анализ самотрансцендирования показывает, что его определение обязательно требует предшествующего и сопутствующего самосознания или самопонимания. Как может самотрансцендирование происходить без самосознания? Как без понимания себя можно знать о том, что ты превосходишь что-либо? Р. Нибур объясняет отношение сознания к трансцендированию следующими путями: 1. «Поскольку сознание – это принцип превосходства над процессом, так и самосознание – это принцип превосходящий сознание» [3. Р. 75]. 2. «Самосознание репрезентирует дальнейшую степень трансцендирования, в котором само делает себя своим собственным объектом таким способом, при

котором это, в конце концов, всегда является субъектом, а не объектом» [3. Р. 14]. 3. «Определяющим фактором самости является сознание, то есть самосознание. Чем больше сознание, тем больше самость. Чем больше сознание, тем больше воля. Чем больше воля, тем больше самость» [3. Р. 171]. Понимание и сознание, таким образом, должны рассматриваться в качестве двух необходимых предварительных условий и характеристик радикальной самотрансценденции.

Контраст между добром и злом наиболее сильно представлен в полемике Р. Нибура с либерализмом и в его защите демократии. В работе «Чада света и чада тьмы», где автор защищает демократию и возражает против чрезмерно оптимистичной и, следовательно, проблематичной оценки моральных возможностей человека, он пишет следующее: «Зло – всегда утверждение личного интереса без отношения к целому, понимается ли это целое как конкретное сообщество или тотальное человеческое сообщество, или всеобщий порядок мира. Добро, с другой стороны, всегда есть гармония целого на различных уровнях» [6. Р. 9]. Различие между злым человеком и в целом добрым человеком находится в их готовности следовать определенному моральному стандарту. Добрый человек, дитя света, будет следовать этому стандарту, тогда как человек злой, дитя тьмы, будет следовать своему личному интересу [7. Р. 40]. Самая серьезная проблема либерализма состоит в том, что у него есть неверное представление о природе человека. Недостатком этого представления, как в секулярном, так и в христианском измерении либерализма, является неспособность полного видения бытия человека. Поскольку человек одновременно и природа и дух, он в состоянии жить и «в глубинах природы», и «на высотах духа». Эта своеобразная дуальность – источник глубочайшей тревоги человека, ведущей к разнообразным грехам. Разум человека – это то, что дает ему власть превосходить себя до определенной степени, и, все же, ум не столь силен, как в это верят либералы. Они забывают, что ум ограничен и подвержен порче страха и гордости, которая является универсальной первичной формой греха.

Здесь Р. Нибур следует апостолу Павлу и Аврелию Августину, утверждая, что человек невежественен и подвержен ограничениям конечного рассудка, что парадоксальным образом приводит к тому,

что он начинает делать вид, будто является инфинитным равным Богу существом. «Человеческая ситуация соблазняет на зло, если человек не желает принять специфическую слабость своей сотворенной жизни и неспособен найти окончательный источник существования вне себя. Человеческое неверие и гордость заставляют грешить» [8. Р. 166]. Человек предполагает, что может постепенно преодолеть свою финитность, став идентичным с универсальным разумом. «Поэтому вся его интеллектуальная и культурная деятельность заражена грехом гордости. Человеческая гордость и воля к власти нарушают гармонию творения» [3. Р. 179]. Для большей ясности Р. Нибур выделяет четыре уровня греха гордости, в который так или иначе вовлечены все люди. Первым и самым основным является гордость власти. Она выражается в виде желания возвеличить себя по отношению к собратьям и утвердить свое превосходство, приводящее к покорению других ради доказательства и сохранения своей собственной власти. Самодовольность и небезопасность могут быть условиями, способными привести к греху гордыни власти: «В современности Великобритания со слишком сильным чувством безопасности, которое препятствовало тому, чтобы в надлежащее время принять для защиты, и Германия с ее маниакальной волей к власти, являются собой совершенные символы различных форм проявления гордости» [3. Р. 7]. Вторая форма – интеллектуальная гордость, в которой люди притворяются, будто бы имеют окончательное знание и стремятся навязать его другим. К примеру, Р. Декарт, Ф. Герель, О. Конт и марксистские школы пытались разработать философские системы с абсолютистскими претензиями, что является проявлением интеллектуальной гордости [3. Р. 194-197]. Эта идеологическая склонность присутствует во всех коллективах, что выражается в их стремлении утверждать и легитимировать себя. Третий уровень гордости – моральная гордость, которая подразумевает предположение и утверждение врожденного собственного совершенства. Каноническая форма моральной гордости видна в самодовольстве, когда люди судят, что их собственные действия правильны, а их противники поступают неправильно. При этом совершенно игнорируются исторические и культурные обстоятельства. Четвертый вид, который Р. Нибур считает наиболее тяжелым, это духовная гордость. Здесь подразумевается такая

гордость, через которую какая-либо религия самоутверждается в качестве окончательной надежды человечества. Р. Нибур утверждает, что гордо и поэтому греховно исключать другие выражения веры, в которые другие народы помещают свои надежды. Смирение требует, чтобы всякая религия помнила свою культурную и историческую ситуативность. Отношение католической церкви к протестантизму, также как отношение М. Лютера к К. Швенкфельду, а Ж. Кальвина к С. Каstellо и М. Сервету – яркие примеры духовной гордости [3. Р. 200-203].

Р. Нибур специфически описывает грех как гордость или себялюбие, выражающееся в человеческой воле к власти и чувственности. При этом он использует скорее библейскую, чем ницшеанскую лексику и стремится оставаться на иудео-христианской позиции. При этом он критикует Ф. Ницше за слишком широкие и одновременно слишком узкие формулировки, будь то «воля к власти» или «воля к любви», которые не дают адекватно описать парадокс человеческой духовности [3. Р. 39]. Если попытка людей быть больше, чем они должны быть, образует грех гордости, то попытка уклониться от этого и быть меньше, чем человек должен быть, провоцирует грех чувственности. В то время как гордость пытается идентифицировать себя с духом, чувственность пытается идентифицировать себя с природой. Чувственность связана с эгоизмом, себялюбием и основными желаниями. Как упоминалось выше, чувственность также происходит из гордости. Относительно причин чувственности Р. Нибур утверждает, что независимо от того, проявляется ли она в ненасытности, сексуальной вседозволенности, любви к роскоши или чрезмерной преданности выгоде, она всегда имеет ввиду подсознательное стремление человека спрятаться от своей конечности, войти в подлинные отношения с другими людьми и Богом, а также стремление уйти от общего внутреннего беспорядка [3. Р. 240].

Экстенсивно все это имеет отношение к греху гордости, проявляющемуся в различных формах. Гордость власти, интеллектуальная, моральная гордость или коллективная гордость имеют свои корни в почве тревоги, в то время как отсутствие веры в Бога приводит к эгоистичной напористости в индивидуальной и общественной жизни. В любых своих формах гордость – выражение

человеческого желания воли к власти в его стремлении к преодолению границ своей природы и конечности. Б.Е. Паттерсон поясняет эту мысль Р. Нибура следующим образом: «Человек впадает в гордость тогда, когда стремится возвысить свое случайное бытие до бытия безусловного» [9. Р. 93].

Хотя воля к власти может быть преодолена на индивидуальном уровне посредством веры, правосудия и любви, проблема остается на коллективном уровне. Р. Нибур утверждает, что самая природа и состав групп приводят к греху. В коллективной области грех не обусловлен совестью, поскольку здесь люди следуют этике заниженного общего знаменателя. По верному замечанию Н.Г. Головановой, «Нибур считал невозможным построить коллективное существование в соответствии с теми идеалами, которых люди придерживаются как индивиды» [10. С. 273]. Он не принимал популярную в его время идею, что спасение для человека заключается в причастности к коллективной политической, образовательной, или социальной жизни общества. Вместо этого он настаивал на том, что нет никакого решения проблемы человека ни в каком коллективном достижении человечества [8. Р. 168]. Группы испытывают недостаток в свободной самооценке, которая на индивидуальном уровне проявляется в самоотрансцендировании. Неспособность к здоровой самокритике и деструктивный внутренний конфликт заставляет коллективные системы рассматривать моральных бунтарей и преступников в качестве своих основных врагов. Для Р. Нибура коллективный эгоизм воплощает самую сущность греха. Коллективная гордость в определенном смысле есть продолжение человека, являющее собой патетическую попытку отрицания своей детерминированности и случайного характера своей экзистенции.

Ни человек, ни государство не могут осознать свои истинные ограничения до тех пор, пока не увидят себя вне себя самих. Для этого необходимо слышание Абсолюта, обращающегося к эго вопреки ему. Подразумеваемая теистическая христианская перспектива уравнивает диалектику вечности и времени, «будучи возможной исключительно в пределах библейских предпосылок» [11. Р. 85]. Даже при том, что любовь и справедливость не имеют места в группе таким же образом, как они присутствуют в

жизни индивида, благодать производит нужную меру любви и справедливости, способную этически положительно преобразовать коллектив. Следуя высказыванию С. Кьеркегора о том, что «страх – головокружение свободы», Р. Нибур утверждает, что «та же самая свобода, которая искушает на тревогу, также включает в себе и идею возможности знания Бога» [3. Р. 252]. Если бы человек знал Бога, любил Его и повиновался Ему как причине и телосу его экзистенции, то был бы установлен предел его желаний, включая природный импульс самосохранения. В реальности, однако, люди не признают свою обусловленную творческим актом Абсолюта зависимость. Но, утверждая свою гордость и власть, они тем самым свидетельствуют о факте первородного греха. Р. Нибур исходит из опыта живого и честного в отношении себя человека. Кантовский императив о долженствовании, а, следовательно, и о способности к правильному действию, с его точки зрения, не соответствуют трезвому взгляду классического Христианства, в котором «высота евангельских требований находится в более трудном соотношении с оценками возможностей человека» [5. Р. 411]. Яркой параллелью подобного подхода могут служить хамартиологические пассажи «Исповеди» Аврелия Августина и учение о диалектике греха в теологии М. Лютера. Когда человек желает сделать все сам для того, чтобы преодолеть отклонение от собственной потенциальности, он, в конце концов, обнаруживает себя беспомощным и безнадежным, разрушив все вокруг себя.

Хамартиологическая концепция Р. Нибура проницательна и полезна, так как хамартиология здесь представлена не спекулятивно, но с опорой на эмпирику. Его личные впечатления и наблюдения, потрясения двух мировых войн, расизм и повсеместное социальное неравенство были в абсолютном контрасте по отношению к утопическому идеализму современности. Все эти напоминания об эгоизме человека нашли свое выражение в его пессимистической доктрине греха. Указывая на неизбежность греха в пределах человеческой воли и желаний, Р. Нибур экспонирует зло, сталкивая своих читателей с грешным человеком. Антропологический пессимизм проявляется в сближении им греха и конечности таким способом, что грех, в определенном смысле, становится неизбежным. Учитывая современные социальные проблемы (например,

сексуальную эксплуатацию, наркоманию, торговлю людьми, увеличение насилия), публичное измерение греха, как описал его Р. Нибур, представляется вполне общественно релевантным. Таким образом, его разработки представляют собой существенный шаг в области религиозно-философской антропологии.

Библиографический список

1. Davies D.R. Reinhold Niebuhr: Prophet from America. New York: Macmillan, 1948. 102 p.
2. Veldhuis R. Realism versus Utopianism? Reinhold Niebuhr's Christian Realism and the Relevance of Utopian Thought for Social Ethics. Assen, The Netherlands: van Gorcum & Co., 1975. 183 p.
3. Niebuhr R. The Nature and Destiny of Man, which was based on his Gifford lectures delivered at Edinburgh in 1939. Volume 1-2. 1964 by Prentice-Hall, Inc. Reprinted by permission of Simon & Schuster. Introduction @ 1996 Westminster John Knox Press. Reprinted from the English Edition by Westminster John Knox Press. Volume 1. 1996. 306 p.
4. Nelson Dunfee S. The Sin of Hiding: A Feminist Critique of Reinhold Niebuhr's Account of the Sin of Pride // Soundings 65, Fall 1982. P. 316-327.
5. Нибур Р. Опыт интерпретации христианской этики // Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. М.: «Юристъ». С. 375-514.
6. Niebuhr R. The Children of Light and the Children of Darkness. New York: Charles Scribner's Sons, 1960. 224 p.
7. Niebuhr R. The Nature and Destiny of Man, which was based on his Gifford lectures delivered at Edinburgh in 1939. Volume 1-2. 1964 by Prentice-Hall, Inc. Reprinted by permission of Simon & Schuster. Introduction @ 1996 Westminster John Knox Press Reprinted from the English Edition by Westminster John Knox Press. Volume 2. 1996. 328 p.
8. Niebuhr R. Discerning the Signs of the Times. New York: Charles Scribners Sons, 1946. 211 p.
9. Patterson B.E. Reinhold Niebuhr. Makers of the Modern Theological Mind / Ed. Bob E. Patterson. Peabody, MA: Hendnckson, 1977. 224 p.
10. Голованова Н.Г. «Христианский реализм» Райнхольда Нибура в контексте современных социально-политических проблем // Гуманитарный университет. Неожиданная современность: меняющиеся

реалии XXI века. Мир – Россия – Урал: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета 8-10 апреля 2010 года. Екатеринбург, 2010. С. 271-275.

11. Cameil E.J. The Theology of Reinhold Niebuhr. Grand Rapids. MI: Eerdrnans, 1951. 250 p.

Сведения об авторе

Ворохобов Александр Владимирович
кандидат философских наук,
зав. кафедрой богословия и философии
Нижегородской духовной семинарии
E-mail: vorokhobov@yandex.ru

УДК 1:316.42

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ ЭТНОСА

А.Ж. Закирова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Исторический путь народа определяется естественно-географическими условиями, взаимодействием с другими народами, особенностями собственной культуры. Глобализация, новые информационно-коммуникативные технологии и миграционные процессы вносят существенные коррективы в изменение экономического пространства этносов, политические ценностные ориентации, традиционные механизмы социокультурной преемственности, размывают границы этнокультурной идентичности, что приводит к трансформации факторов влияния на пути развития этноса.

Ключевые слова: исторический путь народа, глобализация, этнос, этнокультурная идентичность, миграционные процессы, язык.

Factors that Influence the Historical Trajectory of an Ethnos

Adelia Zakirova

The historical trajectory of an ethnos is determined by environmental conditions, interaction with other ethnic groups, and particular aspects of its own culture. Globalization, the advent of ICT technologies, and migration processes bring important changes and transform ethnos' economic space, political value systems, and traditional ways of ensuring their social and cultural continuity, blurring the boundaries of their ethnic and cultural identity and changing the traditional factors that influence the trajectory of their historical development.

Key words: the historical way of an ethnos, globalization, ethnos, ethno-cultural identity, migration processes, language.

В мире существует огромное количество этносов, находящихся на разных этапах социокультурного, экономического и политического развития. Одни этносы образуют свои национальные государства, другие остаются на стадии сохранения родоплеменных общественных отношений, поскольку подобная социальная организация вполне удовлетворяет их культурные и экономические потребности. Вопрос о развитии и самоопределении этнической общности стал особо актуальным в современном мире по причине того, что изменение социальных и политических процессов, международного статуса народа способны повлиять на геополитическую обстановку в мире. Примером в этом отношении могут служить современные

разрушительные процессы в Ливии и Сирии и связанные с ними массовые миграционные потоки в страны ЕС, а также возникновение агрессивной террористической организации под названием Исламское Государство Ирака и Леванта – ИГИЛ. Кроме того, проблема направления исторического пути этноса выходит на первый план ввиду развития феномена этнического сепаратизма, с которым вынуждены сталкиваться многие государства, когда представители этноса заявляют о своем желании изменить территориальные границы современного мира и создать собственное национальное государство. Ситуация, развернувшаяся вокруг Украины, показывает, как вопрос выбора исторического пути одной нации расколол весь мир на два больших лагеря и привел к конфронтации между ведущими державами мира.

В рамках данной статьи мы ставим цель провести комплексный анализ факторов, влияющих на исторический путь этноса. Это, в свою очередь, позволит понять, почему этническая общность развивается в определенном направлении, сталкивается с теми или иными проблемами на данном этапе развития, а также прогнозировать некоторые перспективы ее движения в будущем.

Важнейшим фактором, оказывающим влияние на исторический путь этноса, его развитие и своеобразие культурно-коммуникационных процессов, ученые называют естественно-географические условия. По словам Л. Гумилева, «история этноса – это история конкретного этноса в сочетании с его ландшафтом и культурой» [1. С. 19]. Необходимость адаптации к определенной окружающей среде накладывает на проживающий в ней этнос ряд характерных черт. Например, суровые климатические условия повлияли на формирование особого типа менталитета народов России, характеризующегося коллективизмом и сотрудничеством вместо индивидуализма, конкуренции и соперничества [2. С. 146]. Обширная территория, разделенная природными факторами (Уральские горы) на две части, привела к приоритету сильной центральной власти в сочетании с демократическими принципами управления. В исследованиях Н. Бердяева, а также русских историков С. Соловьева и Н. Ключевского отмечается, что необходимость организации и сохранения обширных территорий российского социума, его многонациональный состав и пограничное между

Западом и Востоком местоположение сформировали в менталитете россиян установку на охранительную и организующую роль государства. Эта особенность менталитета российского суперэтноса в оценке роли государства в развитии страны и народа устойчиво сохраняется и по сей день, о чем свидетельствуют данные исследований динамики ценностного сознания российской молодежи, проводимых с 2006 по 2015 гг. в нижегородском регионе и коррелирующих с данными общеевропейского исследования 2008 года [3. С. 42, 150].

Наличие природных ресурсов влияет на развитие материального производства и благосостояние народа, на его геополитические интересы. Например, наличие водных путей сделало Русь в Средние века одним из ведущих торговых государств. Наличие большого количества полезных ископаемых на территории России определило ресурсозависимый характер экономики (экстенсивное развитие). Для примера, их отсутствие в Японии заставило данное государство сделать акцент на перерабатывающий характер экономики (интенсивное развитие).

По мнению Л.Н. Гумилева, этническая культура является следующим фактором, влияющим на уникальность истории этноса. С нашей точки зрения, этническую культуру в ее историческом развитии следует рассматривать как феномен, основанный на ценностях этноса и вобравший все особенности его цивилизационного развития.

Особое место в этнической культуре занимает язык как способ восприятия и кодировки окружающего мира представителями этноса. Язык обеспечивает коммуникативные связи как внутри одного поколения, так и между поколениями. Он является одним из основных механизмов закрепления и передачи знаний, социального опыта, достижений этнической культуры, норм человеческого поведения и является основным средством сохранения этнокультурной идентичности [4. С. 177-180].

Помимо языка, механизмами трансляции, сохранения и передачи этнической культуры выступают традиции, обычаи, обряды, которые, в свою очередь, формируют этническую картину мира,

представляющую собой систему мыслей и оценок людей определенного этноса [5. С. 59, 85] и определяющую характер их поведения в настоящем времени.

Этническая культура влияет на направление исторического развития этноса, однако она и сама подвергается изменению под воздействием исторических событий. Вплоть до последнего времени этот процесс был сравнительно медленным, растягивался на столетия по причине узости коммуникационных связей и закрытости коммуникационного пространства родовых общин, образа жизни в племенных организациях социума. Подобная ситуация способствовала стабилизации общественных связей и формированию социальных механизмов социокультурной преемственности, закреплению и воспроизводству социального опыта в ряду поколений [6. С. 76], а также сохранению уникальной культуры этноса. В постиндустриальный период ввиду развития глобализационных процессов (единое экономическое и информационное пространство, лавинообразные миграционные потоки), фрагментарности (А. Тоффлер) культуры и ускорения исторического времени происходит разрушение механизмов преемственности. В итоге этнические культуры сталкиваются с угрозой исчезновения, что, в свою очередь, способно остановить развитие этноса.

Стоит отметить роль религии в историческом развитии этноса. Будучи признана большинством народа и утвердившись в его сознании, религия начинает во многом влиять на этническую культуру, определять национальное самосознание, быт, стиль, образ жизни народа. По причине прочности подобного исторического выбора, долговременности этнокультурных устоев принято относить тот или иной народ к определенной религиозной культуре – мусульманской, православной, буддистской и т. д. (например, «русский – православный», «египтянин – мусульманин», «еврей – иудей») [7. С. 15]. Хотя стоит признать, что данный фактор относителен, поскольку часть представителей этнической группы может исповедовать иную религию или не придерживаться никакого вероисповедания.

Будучи сферой переплетения этнических, социальных и конфессиональных интересов, религия часто становится влиятельной стороной межнациональных движений. Конкретно-исторический

анализ свидетельствует, что воздействие религии на общество может быть как гуманистическим, так и антигуманным. В частности, религиозная концепция, опирающаяся на библейскую и кораническую версию отношений христиан и мусульман к иудаизму и евреям, способствовала обособленности иудаистских общин и народов в целом.

В разные исторические моменты во главе этнической общности встают определенные личности, которые отвечают за ее экономическое, политическое, социокультурное развитие и определяют направленность ее развития. Вопрос о влиянии выдающихся личностей на развитие этноса является крайне дискуссионным, поскольку одни ученые признают возможность влияния отдельного индивида на историю народа (Л.Н. Гумилев, Н.И. Кареев, Н.И. Карлейль), другие отрицают ее, отдавая приоритет общественным условиям и исторической предопределенности (Г.В.Ф. Гегель, Л.Н. Толстой, Ф. Энгельс, Г.В. Плеханов, С.М. Соловьев). Проанализировав ряд подходов к роли личности в историческом процессе, мы придерживаемся точки зрения Л. Гринина о том, что «в зависимости от самых разных условий и обстоятельств, с учетом особенностей исследуемого общества, времени и индивидуальных черт личности ее историческая роль может колебаться от самой незаметной до громаднейшей» [8. С. 16].

Вопрос о роли личности в развитии исторического пути народа остается открытым в научном плане и в настоящее время. Почему отмена крепостного права в России произошла в 1861 г.: назрели все социальные предпосылки для этого или царь Александр II отличался своей либеральностью? Почему произошла революция 1917 г.: в России назрела необходимость в коренных социальных, политических, экономических изменениях или на первый план вышли ряд талантливых революционеров во главе с В.И. Лениным, готовым повести народ к изменениям? Почему Германия сыграла такую трагическую роль в истории XX века: потому что среди немцев в тот период было распространено чувство ущемленного национального достоинства или потому что к власти пришел Гитлер? Это пример вопросов, с которыми вынуждены сталкиваться ученые при анализе роли личности в истории. На наш взгляд, анализируя представленные точки зрения, можно сделать следующее предположение.

Сомнительно, что у той или иной личности была бы возможность выйти на первый план, если бы общество не было в состоянии кризиса или остро не нуждалось бы в этом. Личность становится волеизъявителем народа. Однако, оказавшись у власти, личность за счет своего авторитета и репутации способна в дальнейшем влиять на направление развития общества. В этом отношении стоит выразить солидарность с известными словами С.М. Соловьева, что «только великий народ способен иметь великого человека» [9. С. 426]. Здесь мы говорим о том, что образы, выступающие элементами этнической картины мира, персонифицируются в деятельности конкретных личностей, объединяющих национальные интересы различных групп населения. Ярким примером могут служить присоединение Крыма к России в марте 2014 г. В ментальности российского суперэтноса сохраняется ориентация на спасительную и охранительную роль Российского государства. Именно поэтому действия Президента РФ В.В. Путина, который выступил главным инициатором возвращения Крыма, были расценены как восстановление исторической справедливости и достойный ответ Западу и принесли ему, по данным «Левада-Центра», 80-процентный рейтинг одобрения со стороны россиян [10]. Более того, по данным исследований ценностных ориентаций молодежи, проводимых по инициативе НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, присоединение Крыма, наряду с Олимпиадой в Сочи в 2014 году, сократило количество представителей молодежи, равнодушных к политике, до 13 % (для сравнения, в 2011 г. этот показатель находился на уровне 18,1 %) [3. С. 23].

Исследуя роль личности в развитии исторического пути народа, автором была затронута проблема исторической предопределенности. Основная мысль в данном случае заключается в том, что факторы, влияющие на развитие этнической группы в конкретный исторический период, не меняют того исторического пути, который ей предопределен. Любая случайность не случайна, а любая выдающаяся личность действует лишь в рамках отведенной ей историей роли [11. С. 30].

Еще один дискуссионный фактор, который стоит отметить, – это историческая случайность. Случайным является влияние одного события на другое, которое, во-первых, являлось результатом акта свободной воли какого-либо субъекта, но не являлось его целью, во-

вторых, не обладало устойчивой, повторяющейся связью [12. С. 120]. Среди ученых, которые выступают за значимость исторической случайности, – М.А. Алданов, А.Я. Гуревич, Р. Козеллек, К. Маркс и Ф. Энгельс, Д. МакКлоски и др. К ученым, отрицающим значение исторической случайности, относятся Р. Арон, Б.Г. Могильницкий, М. Шермер. На их взгляд, случайность на микроисторическом уровне – это часть макроисторической закономерности. То, что в данный момент кажется случайным фактом, в историческом контексте может иметь давно назревавшую тенденцию и являться причиной разворачивания дальнейших событий [13. С. 366].

Стоит также отметить индетерменистские взгляды на историческое развитие народа, которые нашли выражение в трудах об исторической предопределенности (Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, Ф. Энгельс, Л.Н. Толстой) и исторической случайности (М.А. Алданов, А.Я. Гуревич, Р. Козеллек, Д. МакКлоски, Р. Арон, Б.Г. Могильницкий). Данные теории, на наш взгляд, отражают тот факт, что, несмотря на совокупность всех объективных факторов существования и развития этноса (естественно-географические условия, этническая культура, религия, исторические личности, соседствующие и дружественные этносы), ряд событий, происходящих в истории этноса, не поддаются логическим объяснениям, однако при этом они могут накладывать существенный отпечаток на его развитие и обуславливать направление его пути.

Следующим фактором, определяющим историческую судьбу народа, являются соседствующие с ним этносы, государства. Россия в разные периоды своей истории поворачивалась то к Востоку (например, партнерские отношения с Византией и принятие православного христианства), то к Западу (например, реформы Петра I). Соседство на одной территории большого количества этнических групп с разными культурами привело к тому, что Россия за всю историю своего развития в минимальной степени сталкивалась с острыми этническими конфликтами, а российский суперэтнос приобрел важную в современном глобализационном обществе черту толерантности.

Между тем, глобализация в значительной степени наложила отпечаток на фактор этнического соседства. Исторический путь народа теперь зависит не столько от соседствующих с ним

государств, сколько от того, к какому политическому лагерю они принадлежат: Европа, Америка, Восток, Россия, «Исламский мир». В данном случае могут играть значение географический (Россия – СНГ), политический (США – Украина), религиозный («Исламский мир») факторы.

Таким образом, наши исследования приводят к выводу, что исторический путь народа всегда определялся совокупностью внешних (ландшафт, климат, соседи) и внутренних (политика, менталитет, ценности, традиции, обычаи, язык, религия) для этноса факторов, которые обуславливают его уникальность. Одни факторы (ландшафт, климат, соседи) выступали первичными, обуславливая первоначальный облик народа, другие факторы (этническая культура, исторические личности) стали производными, выстраиваясь на их основе. Однако в дальнейшем, закрепив сформированный исторический опыт, эти факторы начинают играть ведущую роль в развитии этноса.

В заключение стоит отметить, что в современных условиях глобализационные процессы оказывают огромное воздействие на традиционные факторы влияния на исторический путь этноса. Развитие информационных технологий, интенсивные миграции усиливают изменчивость этнокультурного фактора, что, как уже было отмечено выше, в худшем варианте может стать причиной исчезновения этноса. С другой стороны, фрагментарность картины мира предоставляет возможность для манипулирования сознанием того или иного этноса и выдвигает на передний план фактор влияния выдающейся личности. Все это является сложным контекстом развития постиндустриальной цивилизации, усложняет развитие межкультурной коммуникации в условиях глобализации, что открывает обширное поле для дальнейших научных исследований.

Библиографический список

1. Гумилев Л.Н. От Руси к России. М.: Айрис-пресс, 2003. 318 с.
2. Миронов Е.В. Особенности исторического пути развития России // История и современность. 2011. №1. С. 143-150.
3. Динамика Ценностных ориентаций молодежи (2006-2014): Монография / Под общ. ред. Е.П. Савруцкой. Н. Новгород; СПб: Издательство РХГА, 2014. 232 с.

4. Образование. Культура. Язык / Савруцкая Е.П., Жигалев Б.А., Дорожкин А.М., Устинкин С.В. Н. Новгород; СПб: Издательство РХГА, 2014. 232 с.

5. Морзавченков Г.А. Язык как фактор этнокультурной идентичности: Дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2015. 163 с.

6. Савруцкая Е.П. Феномен коммуникации в современном мире // Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 75-85.

7. Мчедлов М.П., Гаврилов Ю.А., Горбунов В.В. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. М.: Культурная революция, 2007. 368 с.

8. Гринин Л.Е. Личность в истории: современные подходы // История и современность. 2011. №1. С. 3-40.

9. Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989.

10. Рейтинг Путина: аномалия или закономерность? / Институт современной России. 15.01.2015 // Электронный ресурс Интернет: <http://www.levada.ru/15-01-2015/reiting-putina-anomaliya-ili-zakonomernost>.

11. Гегель Г.В.Ф. Философия истории. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. 468 с.

12. Бочаров А.В. Историографические и методологические аспекты использования понятия «случайность» в изучении исторических альтернатив // Вестник Томского государственного университета. 2007. №297. С. 111-121.

13. Арон Р. Избранное: Введение в философию истории / Пер. с фр. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. 543 с.

Сведения об авторе

Закирова Адэлия Жамилевна
соискатель кафедры философии, социологии и
теории социальной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: adeliyareim@mail.ru

УДК 101.1:316

МЕДИАКУЛЬТУРА ГЛОБАЛЬНОГО МИРА: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ

Е.И. Кузнецова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье анализируется воздействие глобализационных процессов на формирование культурной идентичности в мире современных медиакommunikаций. В политико-экономическом, технологическом, социальном измерениях глобализации акцентируется роль духовной сферы. В этом контексте медиакультуру глобальных коммуникаций предлагается рассматривать как один из значимых факторов.

Ключевые слова: глобализация, медиакультура, идентичность, глобальные коммуникации, интернет-коммуникация, культурная идентичность, сетевая идентичность, мобильная идентичность, виртуальная идентичность.

Media Culture of the Global World: The Problem of Identity

Elena Kuznetsova

The article analyses the influence of globalization processes on the formation of identity in the modern world of media communications. Along with political, economic, technological and social aspects of globalization the author emphasizes the changes brought to cultures' foundational values, beliefs, and personal relationships, and sees globalization as an important driving force in the developing media culture of global communications.

In the complex is accented of attention to the role of spirituality in the process of globalization.

Key words: globalization, media culture, identity, global communications, Internet communication, cultural identity, network identity, mobile identity, virtual identity.

В проблематике философских и социально-гуманитарных исследований к наиболее значимым тенденциям современного общественного развития относят процессы глобализации, протекающие во всех социальных сферах. Созданы и продолжают развиваться новые глобальные инфраструктуры беспрецедентного масштаба, посредством которых новую конфигурацию приобрело информационно-коммуникативное пространство, являющееся неотъемлемой частью духовной сферы. Возрастающая интенсивность и скорость культурных обменов привела к пониманию угрозы унификации культурных форм, не раз высказывались опасения, что

технологические новации эпохи сделают мир гомогенным, что трансграничные коммуникации, представляющие собой потоки унифицированных информационных продуктов, угрожают национальным культурам, традициям, культурной идентичности.

Стремительные изменения в информационно-технологической сфере детерминируют социокультурные риски и актуализируют изучение факторов, влияющих на процессы социальной самоорганизации в современном мире, в кругу которых можно рассматривать и феномен *идентичности*. Инновационная коммуникативная медиасреда, осуществляющая медиационную функцию в значительной доле процессов современной социальной коммуникации и служащая системой производства социальных смыслов, значительно реже рассматривается в перспективе глобализационного проблемного горизонта. Цель данной статьи – проблематизация процесса трансформации культурной идентичности и осмысление противоречий в ее формировании в пространстве медиакультуры глобального мира.

История философского осмысления в XX веке категории *идентичности* как категории тождества подверглась критическому анализу в работах Т. Адорно, Э. Левинаса, французских философов постструктурализма и постмодернизма. Философия Иного, Другого, философия различия, дифференций, ставшая основой рефлексии нетождественного, в то же время открыла новый горизонт для философского понимания социальной идентичности как самотождественности в контексте постоянно присутствующей инаковости, идентичности, которая только и может себя осознать в поле инаковости. В большинстве современных исследований идентичность рассматривается как процесс становления человека: в экзистенциальном плане – как выбор и формирование жизненной модели, и в социальном – как основа социального взаимодействия, а глобализация – как вызов существующим идентичностям.

Осознание новых вызовов глобализации на рубеже XX-XXI веков актуализировалось в плоскости проблемы дихотомии глобального и локального, транснационального и национального, в особенности в связи с утверждаемой в европейском пространстве политикой мультикультурализма, которая побудила к поиску междисциплинарных подходов в исследовании новых

социокультурных феноменов, которые потребовали не только теоретических осмыслений, но и выдвижения социальных программ, выработки практических действий. Примечательно, что создание единого экономического и валютного пространства, которое стало основой Союза, не смогло исключить проблем, возникших в ходе обсуждения Евроконституции, проект которой не был принят гражданами ряда европейских стран. Референдумы показали роль духовной сферы в решении важнейших вопросов современного мира. Сложность проблемы нашла отражение в размышлениях известного немецкого философа Ю. Хабермаса по поводу принципиальной возможности формирования европейской идентичности наций и государств-членов Европейского союза на фоне отсутствия у них чувства политической сплоченности и желания осуществлять общий проект. Вопрос поставлен в двух плоскостях: нужна ли такая европейская идентичность и возможно ли вообще соответствующее транснациональное распространение государственно-гражданской солидарности. Хабермас обращается к понятию собственной динамики общественного самосознания, утверждая, что подобной динамикой обладает публичный дискурс, который и влияет на формирование идентичности. «Граждане усваивают принципы конституции не в их абстрактной форме, а конкретно, исходя из контекста собственной национальной истории. Как составная часть либеральной культуры эти принципы должны войти в густое сплетение исторического опыта и дополитических ценностных ориентаций» [1. С. 72]. Немецкий мыслитель акцентирует природу сознания, которое не поддается вмешательству властей и административным решениям, как движение товаров и капитала в общем экономическом и валютном пространстве.

Отталкиваясь от этих размышлений, обратимся к культурной идентичности и заметим, что культурный контекст претерпевает изменения не только вследствие политико-экономических трансформаций, но и в связи с радикальными изменениями информационно-коммуникативного пространства, в котором протекают духовные процессы. В современном мире сложилось публичное пространство нового характера – пространство медиакультуры, опосредованное технологиями космической связи, инновационными компьютерными технологиями глобальной Сети.

Спутниковое телевидение, социальные поля интернет-коммуникаций (блогосфера, социальные сети) коренным образом видоизменили существовавшие прежде нормы социального взаимодействия и информационно-коммуникативной культуры.

В обсуждении за «круглым столом» в редакции журнала «Вопросы философии», который собрал ведущих российских философов, было отмечено, что современную глобализацию связывают с распространением информационных технологий, в том числе, в развитии конвергирующих технологий, в число которых входят информационные, видят новый этап технологического и экономического развития в мире. В ходе дискуссии было высказано утверждение, что осмысление новой информационной реальности развития общества – это исключительно важная и актуальная философская проблема, которая несет с собой не только новые возможности, но также и новые опасности для человека, государства и общества в целом [2]. Думается, что в этом ряду может быть рассмотрена и проблема глобализации медиакommunikаций, в контексте которой можно обсуждать влияние глобальных медиа на формирование идентичности. Эта «меняющаяся» идентичность в исследовательском дискурсе уже получила свои дескрипции: «мобильная идентичность», «сетевая идентичность», «виртуальная идентичность». Анализ «метаморфоз идентичности» в ходе трансформаций повествования от книжной к электронной и экранной культурам дает К.Э. Разлогов, рассматривая «различные грани социальной, физической и культурной идентичности в современных обществах, где каждый день мы имеем дело с множеством идентичностей и ролей» [3. С. 39]. В качестве примера приведем интересный анализ особенностей идентичности владельцев мобильных телефонов, проведенный группой отечественных исследователей. Авторы утверждают, что психологические последствия использования мобильной связи влекут за собой трансформацию структуры идентичности, моделей общения и форм поведения, рассматривая эти изменения в трех группах в зависимости от степени патологичности влияния на жизнь человека: изменения, связанные с использованием мобильной связи (условно «нормативные» социально-психологические процессы), так называемое «проблемное» использование мобильной связи, и

возникновение негативных изменений, связанных с формированием зависимости от нее. Возможность построения своей собственной мобильной «сети» позволяет, на взгляд авторов говорить о формировании «мобильной» идентичности, поскольку «идентичность, основанная на “сетевых” связях, неминуемо отличается от идентичности, основанной на личных отношениях со стабильными группами» [4]. Возникает вопрос: понимается ли в этом случае под идентичностью поведенческие последствия или речь идет о сломе всего комплекса культурных основ и ценностных ориентаций человека, которые составляют основу идентичности? Можно ли говорить о том, что речь идет именно об идентичности, не выступают ли в этом случае предметом анализа другие духовные формы и структуры? Возможно, мы имеем дело с такими понятиями, как *идентификация* и *самоидентификация*? В таком случае идентификация как некий личностный культурный выбор может и не привести к принятию новой идентичности, может остаться, например, следованием моде? Возможно, речь идет о некоей игре, правила которой предполагают принятие их, пока вы находитесь в рамках этой игры? Вряд ли можно так же быстро и без ощутимых последствий «выйти» из культурной или национальной идентичности. Можно ли рассматривать «старую» идентичность как одежду, которую можно снять и сменить, если изменится мода? Нет ли в идентичности тех механизмов, которые обеспечивают сопротивление таким решениям? На каком этапе возникает мотивация к дифференциации Я от Другого, поскольку, если не будет Другого, не будет и Я?

Анализ процесса формирования идентичности в перспективе воздействия на сознание медиакommunikаций тесно увязан с проблемой конструирования реальности медиасистемой, которая получила свою весьма обширную исследовательскую литературу, начиная с XX века. Выделим в контексте нашего интереса размышление видного немецкого социолога Н. Лумана о том, как происходит этот процесс? Приводя в пример способы формирования рекламой культовых объектов, которые создают возможность потребителям формировать свою *отличительность* (в терминах Лумана) и сами таким образом порождают необходимое для идентификации различие, исследователь говорит о «взаимодействии»,

на которое соглашаются адресаты рекламы. «Люди сами характеризуют себя как “сцену”, как “техносцену” и т.д., где одна из сторон остается открытой для того, что придет позднее» [5. С. 89]. Таким образом мы вступаем в общую модель игры, правилами которой формируется иная, «вторая» реальность. Да, утверждает Луман, этот процесс «живет за счет самопорожденных неожиданностей, выстроенных им самим напряжений, и как раз эта фикциональная закрытость являет собой именно ту структуру, которая позволяет различать реальную и фиктивную реальность и пересекать границу, проникая из одного царства в другое» [5. С. 96].

Несовпадение норм поведения в реальном жизненном пространстве и в сети интернет-коммуникаций (или их намеренная демонстрация) стало основанием для предположения о формировании нового типа идентичности – «сетевой» идентичности [6]. Сетевая культура формирует особый тип личности, целостность которой складывается только в процессе сетевой коммуникации. Сетевая среда насыщена произведениями и их авторами, большинство из которых имеет множество имен, рассеянных в просторах сети и они не могут собирать их всех воедино и сказать: «это – я» [6. С. 124]. И в этом случае речь идет о поведенческих проявлениях, поскольку вряд ли подобное несовпадение позволяет говорить о постоянной смене идентичности, о некой «мерцательной» идентичности, о переступании через ценностные пороги. В то же время решение этих вопросов не кажется однозначным, и среди исследователей существуют разные оценки в понимании того, что происходит с реализацией ценностных ориентаций человеком, который оказывается в виртуальных сетях. «В коммуникативном пространстве новых медиа человек возникает лишь как функция, но не как личность. Подобного рода противоречия приводят к острому внутриличностному конфликту, порождают двойные стандарты и раскалывают целостность личности <...>. Парадокс современного состояния сферы социального взаимодействия состоит в том, что, наряду с тем феноменом “расколотости” личности, который, как мы выявили, свойствен “включенным в Сеть”, ее аутсайдеры также вовлечены в орбиту действия социального раскола» [7. С. 242].

Вспомним мысль Ю. Хабермаса о силе истории, властной над динамикой сознания, о густом сплетении исторического опыта и

ценностных ориентаций. Соотнесем это с размышлением немецкого философа Г. Люббе: «Идентичность не является результатом действия. Она – результат истории, т. е. результат самосохранения и развития субъекта в условиях, которые случайным образом связаны с основанием его сиюминутного стремления» [8. С. 112]. Именно история дает субъекту его идентичность и, возможно, «то, каков субъект в действительности, не основано на постоянстве его стремления быть таковым» [8. С. 112].

В этом смысле, как видится, не надо торопиться рассматривать идентичность непрерывно изменяющейся, подобно постоянно модернизирующейся модели того или иного гаджета, а формирование новой идентичности столь же динамичным, как процессы технологического развития, а тексты и действия в тех или других коммуникациях немедленно соотносить с изменением структуры сознания в такой степени, чтобы это получило «облик» новой идентичности.

Один из основоположников философской антропологии немецкий философ Х. Плеснер в конце 1920-х годов писал: «У каждого времени есть свое заветное слово. Терминология восемнадцатого столетия находит свое высшее выражение в понятии прогресса, девятнадцатого – в понятии развития; наше время – в понятии жизни. И каждая эпоха обозначает в нем нечто свое: разум несет в себе смысл вневременности и всеединства; развитие – безостановочного становления и восхождения; в жизни заключено демонически-игровое и бессознательно-творческое начало» [9. С. 25]. Вряд ли будет преувеличением утверждение о том, что XXI век такое заветное значение увидел не в едином слове, но в том смысловом комплексе, который в перспективе глобализации высветил новые формы жизни в их медиальном измерении – виртуальном, сетевом, мобильном. Безусловно, воздействие этих новых форм нельзя игнорировать. В условиях глобализации, по словам У. Бека, возникают новые силовые и конкурентные соотношения, конфликты и пересечения между национально-государственными единствами и акторами, с одной стороны, и транснациональными акторами, идентичностями, социальными пространствами, ситуациями и процессами – с другой [10. С. 45]. Представляется, что особенно активными эти конфликты можно характеризовать в пространстве

глобальных коммуникаций, где эти силовые и конкурентные соотношения и конфликты носят чаще всего латентный характер.

В этом отношении в противовес традиционным моделям территориальных национальных культур в философском и научном дискурсе тематизируется глобальная медиакультура, которая все более изучается сквозь призму таких понятий, как транскультурность и транслокальность. Предлагается понятие *медиакультуры*, как дефиниция, отражающая дихотомию транслокально ориентированных и глобализированной культур. В этом понимании культура и культурная идентичность не являются теперь территориально фиксированными, но находятся в сложном, противоречивом процессе глобализации медиакоммуникаций. Этим обусловлено связанное с глобализацией медиакоммуникаций культурное изменение [11. S. 116]. Вместе с тем организация новой высокотехнологичной среды человеческого обитания все яснее обнаруживает то, что кажущиеся безграничными в соединении различных географических пространств возможности новой коммуницирующей среды все более зависят от общности культурных кодов. Значит, снова встает вопрос о границах, о напряженном взаимодействии Я – Другой, что дает надежду на этом пути по крайней мере смягчить угрозу локальным, региональным и национальным идентичностям в мире глобальных медиакоммуникаций.

В фокус исследований глобальных культурных процессов с начала 1990-х годов в противовес понятию интеркультуральность вошло такое понятие, как транскультуральность, в том числе, транскультуральность коммуникаций. Немецкий исследователь А. Хепп в своей книге «Сети медиа. Медиакультуры и глобализация» („Netzwerke der Medien. Medienkulturen und Globalisierung“) сравнивает подходы европейских исследователей к анализу социокультурного феномена, порождаемого глобализационными процессами, находя в них значимые перекрестья. Немецкоязычные исследователи, к примеру В. Вэлш, рассматривают транскультуральность как двухступенчатый концепт. Вместе с глобализацией медиакоммуникаций на место «культур старого покроя», то есть национальных и региональных культур, пришли диверсифицированные «жизненные формы». Эти формы, или

жизненные стили, не останавливаются на границах «старых культур», но проходят сквозь них и по этой причине не схватываются традиционными категориями культуры. Вместе с тем концепт транскультуральность представляется вполне соразмерным для выражения того и другого феноменов – как традиционной культуры, так и новых «жизненных форм» [11. S. 115.]. А. Хепп находит соответствие с подобным подходом и в теоретических рамках культурных исследований у С. Холла, утверждающего, чем сильнее глобальные сети медиа пронизывают общественную жизнь посредством всемирного маркетинга образов и жизненных стилей, тем больше идентичности отрываются от времен, мест, историй и традиций [11. S. 115].

Вместе с тем высказывается и такая точка зрения, что культуры должны пониматься не как закрытые и находящиеся под внешним воздействием медиа, а сами рассматриваться как медиатизированные, мультиэтничные и сильно дифференцированные по уровню, жизненным формам и жизненным стилям. В таком случае не происходит ли то, что в поисках новой идентичности человек ввергается в очередную воронку иллюзорности, оставляя философской рефлексии, вопрос о том, что в большей степени формирует ценностные основы новой социальности – реальность социальная или реальность медийная? И в этом смысле можно говорить о том, что медиареальность, безусловно, воздействует на культурную идентичность. В каких формах происходит это взаимодействие, посредством каких механизмов – эти вопросы еще предстоит изучить.

Однако в любом случае полагать этот процесс однолинейным не придется. В.И. Толстых, размышляя о двух ипостасях глобализации – экономического и научно-технического процесса и процесса цивилизационного, имеющего свои социокультурные основания, предлагает размышлять об их соотношении и направлении эволюции. «Имеем ли мы здесь дело со становлением некой монистической структуры, когда глобализация каких-то “базисных” основ повлечет за собой глобализацию всей “надстройки”, или с дуалистической, когда технико-экономическая глобализация будет сочетаться с устойчивым культурным плюрализмом, что придаст ей особо драматический, нелинейный характер?» [12. С. 392] Что

понимать под культурным плюрализмом? Подразумевает ли культурный плюрализм не параллельное существование автономных «идентичностей», а их взаимодействие, что предполагает как их взаимное проникновение, так и взаимную трансформацию [13. С. 60].

История философии знает много «поворотов», определивших новые проекции философских интуиций, но неизменно открываемый «поворот к человеку» выводил философию с античных времен на путь наиболее напряженных размышлений, становясь в бескрайнем космосе своеобразной путеводной звездой в познании микрокосма. Пройдя сквозь страшные трагедии мировых войн, соблазны техноцентризма, XX век снова обратился к утверждению исключительного положения человека в мире. Размышления о проблеме идентичности в XXI веке, умножающем количество медиальных форм и медиакommunikаций, по-прежнему остаются исследователям на этом непростом пути.

Библиографический список

1. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Издательство «Весь мир», 2008. 172 с.
2. Информационный подход в междисциплинарной перспективе. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 84-112.
3. Разлогов К.Э. Метаморфозы идентичности // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 28-40.
4. Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Мобильная связь: факторы и механизмы воздействия на человека // Credo. 2013. №1. // Электронный ресурс Интернет: www.intelros.ru/readroom/credo_new/k1-2013/18491.
5. Луман Н. Реальность масс-медиа. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 240 с.
6. Астафьева О.Н. Многообразие моделей этнокультурной идентичности в современном информационно-коммуникативном пространстве // Глобализация и перспективы современной цивилизации. М.: КМК, 2005. С. 105-126.
7. Семенов Е.Е. «Расколотая личность» в пространстве социальных сетей глобального мира // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4. С. 239-242.

8. Люббе Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 108-113.
9. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 368 с.
10. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / Пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника. Общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2001 304 с.
11. Нерп А. Netzwerke der Medien. Medienkulturen und Globalisierung. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. 497 S.
12. Толстых В.И. Глобальные вызовы и поиски ответа: социокультурный аспект // Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М.: Альпина паблишер, 2003. С. 361-444.
13. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002. 356 с.

Сведения об авторе

Кузнецова Елена Игоревна
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии,
социологии и теории социальной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: tvelena@mail.ru

УДК 101.1:316

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: КОНФЛИКТ МЕТОДОЛОГИЙ

Е.Е. Семенов

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются особенности развития гражданского общества в России на современном этапе, выявляются противоречия, возникающие в оценке качественного состояния анализируемого феномена, с точки зрения институционального и аксиологического подходов. Утверждается необходимость диалектического подхода в осмыслении комплекса методов, применяемых в анализе гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, ценности, институциональный подход, аксиологический подход, гражданская культура.

Civil Society in Russia: A Conflict of Methodologies

Evgeny Semenov

The article looks at the development of civil society in Russia at the present stage, identifying some of the contradictions that arise in the evaluation of its current status from the point of view of institutional and axiological approaches. It clarifies the need for a dialectical approach in understanding the complex methods used in the analysis of civil society.

Key words: civil society, values, institutional approach, axiological approach, civic culture.

Кризисные явления, которые потрясают современный мир, вновь актуализировали потребность в осмыслении сущности политических процессов, развивающихся в российском пространстве политического в постсоветскую эпоху. Цель предлагаемой статьи – анализ противоречий, возникающих в оценке качественного состояния гражданского общества в России, с точки зрения институционального и аксиологического подходов.

На рубеже 1980-1990-х годов российский политический процесс представлял собой многофакторный и сложный феномен, отражавший радикальные преобразования, в результате которых несомненным фактом стало новое государственное устройство, зарождение системы демократических институтов и развитие институциональной политической конфигурации. Но сегодня, по прошествии двух с небольшим десятилетий, убежденность в том, что

процесс демократизации России и формирование демократических институтов сопровождалось органичным усвоением обществом либеральных ценностей, вызывает сомнения. В ситуации радикальных перемен политической реальности одним из наиболее востребованных понятий, которым исследователи стремились «измерить» наступающие перемены, стало понятие «гражданское общество». К этому времени в стране еще не сложился тот особый тип организации социальных взаимоотношений, который представляет сферу внесударственной публичности, где происходит формирование институтов гражданского общества в диалектическом взаимодействии укорененных в массовом сознании ценностей.

Социологами во главе с Ю. Левадой был описан портрет советского человека на позднем этапе развития системы, который, будучи приверженным «патерналистски-тоталитарному порядку», упорно продолжал верить в возможность «переложить миссию спасения народа на вождей новых политических движений». Этому человеку предстояло ответить не только на вопросы социологов, но и на вызовы времени: будут ли усвоены им новые ценности, без которых невозможно строить демократическое государство. Эти вызовы были обращены не только к России. В мире продолжалась политико-философская дискуссия между сторонниками либерализма и коммунитаризма. Либерализм переживал серьезный кризис в самом либеральном мире, когда на волне критики идей, выраженных в «Теории справедливости» Ролза, оформилось противоположное либерализму философское направление, получившее название коммунитаризма. В дискуссиях между сторонниками либерального и коммунитаристского подходов в рамках теории элитарной демократии и концепции демократии участия единства взглядов на то, что считать гражданским обществом, каковы границы этого понятия, формы его развития, не было достигнуто. На новом этапе развития нового дискурса о гражданском обществе Россия с ее новыми ценностными ориентирами не вписалась в мировую политико-философскую дискуссию: российская практика была ориентирована лишь на один политический вектор и попала в определенную ловушку в большей степени либеральной риторики.

Определенное ««притворство» функций и структур» [1. С. 69] позволило признать в целом состоявшимся переход российской

политической системы к демократическому типу, при этом необходимо говорить о затянувшемся транзите, в рамках которого произошла лишь формальная адаптация общества к новым ценностям. Меняющаяся политическая реальность порождала столкновение традиционных политических ценностей с новыми политическими нормами, которые не отражали специфику исторического развития России как государства, обладавшего собственными национальными и культурно-историческими особенностями. Более чем через десятилетие реформ, в апреле 2004 года Ю. Левада дал развитие социологическому портрету советского человека: когда его «отпустили на волю, он начал двигаться назад – даже не в прошлый, а в позапрошлый день» [2. С. 116].

Своеобразной иллюстрацией разрыва между манифестируемыми ценностями либеральной демократии и готовностью общества совершать некие действия по их реализации служат системные мониторинговые данные социологов, исследующих качество гражданского активизма. По данным опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в 2004 году, 93 % респондентов не принимали участие в каких-либо массовых выступлениях, акциях протеста, забастовках [3]. В январе 2006 года количество респондентов, отвечавших на этот вопрос, составило 97 %. При этом 20 % считали, что акции протеста, проходившие в России за последнее время, принесли обществу больше пользы, 7 % – больше вреда, 13% – пользу и вред в равной мере, не принесли ни пользы, ни вреда – 36 %. [4]. Формирование гражданской культуры не было отмечено какими-либо «прорывами» к новым ценностным горизонтам, не выявлялись доминанты мнений по животрепещущим проблемам развития гражданского общества.

Прежде всего не был артикулирован как интерес всего общества или значительной его части протест против старого политического порядка. Политические изменения не были обусловлены массовым распространением ценностей и ориентаций, типичных для гражданской культуры. Сохранялись стереотипы, унаследованные с советских времен, включая не только общее нежелание граждан вступать в гражданские объединения, но и признание доминирующей роли государства. Не стали в эти годы формой развития гражданской культуры, становления новых структур гражданского общества и

политические выборы, которые не приводили к достижению общественного согласия, к формированию общественного диалога.

Среди множества причин, затрудняющих развитие полноценных институтов гражданского общества, можно назвать остро проявившиеся коммуникативные барьеры, реакцию общества на отсутствие механизмов обратной связи в политической коммуникации, когда власть не нуждалась в его мнении и не замечала его настроений.

Исследователи указывали на недостаточное развитие естественных механизмов горизонтальной консолидации российского общества, справедливо полагая, что гражданское общество есть результат развертывания во времени и пространстве довольно длительного, многоэтапного социально-исторического процесса, где плотность и регулярность социальных коммуникаций выступает одним из параметров политической системы [5. С. 99]. Демократизация развивались в условиях технологически неразвитого информационного пространства, малая плотность публичных коммуникаций не создавала возможности для артикулирования социальных интересов, тормозила становление гражданского общества и развитие общественного диалога.

Почти два десятилетия инкорпорирования демократических принципов в российскую политическую и государственную систему не ослабили напряженности философских и политических дискуссий, и проблема восприятия либеральных ценностей в сознании российского общества остается по-прежнему актуальной. Для сравнения приведем результаты социологического опроса, проведенного в 2011-2013 годах. На вопрос «Какое из утверждений более всего соответствует Вашему участию в политической деятельности?» ответ «Я принимаю активное участие в деятельности политической партии / группы или активно поддерживаю ее» в 2011 году (декабрь) выбрали 2 %, в 2013 – 3 %; ответ «Я с интересом слежу за политическими событиями в России, но не принимаю участия в деятельности политических партий / групп» – соответственно 50 % и 29 %; «Я довольно безразлично отношусь к политической жизни в России, она меня не слишком заботит» – 31 % и 34 %; «Мне не нравится политика, и я не собираюсь беспокоиться по поводу нее» – 15 % и 29 %. На прямой вопрос «Вы хотели бы участвовать в

политической жизни, хотя бы на уровне своего города?» около двух третей опрошенных (в среднем 63 %) отвечали «нет» [6. С. 147].

Эти кризисные явления во взаимодействии власти и общества в докладе «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации Общественной палаты РФ 2013 года» были обозначены не стагнацией, а в большей степени «проблемами роста». Вместе с тем были отмечены как готовность гражданского общества к самоорганизации и значительные ресурсы общественно-государственного партнерства, так и трудности в налаживании здоровой и конструктивной дискуссии, в том числе внутри самого гражданского общества [7. С. 5.]

Тем не менее, анализ документов других общественных организаций, как федеральных, так и региональных, свидетельствует о растерянности даже среди тех структур гражданского общества, которых называют протестными. 85 % отказавшихся летом 2014 года принять участие в выступлениях протеста с политическими требованиями рождает метафору «протестный штиль» [8]. Снижается авторитет общественных организаций и инициатив в глазах населения, потенциал решения гражданами существующих социальных проблем. Опросы фиксируют повышение разобщенности, понижение взаимного доверия между рядовыми гражданами и их готовности к объединению, а также снижение доверия населения к государственным институтам и общественным организациям. Анализ документов структур гражданского общества показывает дефицит критического исследования в отношении гражданской активности. Отчеты порою напоминают победные реляции в надежде на грантовую поддержку. Переговорный процесс между государством и гражданами (а не структурами, назначенными представлять граждан) носит скорее не смысловой, а протокольный характер. Надежда на то, что демократическая политика, основанная на диалоге между государством и гражданским обществом, станет процессом без взаимных иллюзий, высказывавшаяся в 1990-е годы, не оправдалась. Метафору «притворство функций», рожденную в отношении процесса трансформации российской политической системы, вполне возможно спроецировать на современную ситуацию развития гражданского общества в России. Более того, если перейти на язык метафор, то иллюзии эти были «узаконены», обрели статус

смысловой рамки в дискуссиях, посвященных проблематике гражданской активности в России.

В отечественном дискурсе о гражданском обществе сложился весьма четко выраженный институциональный подход: состояние гражданского общества оценивается по наличию в обществе некоммерческих союзов, ассоциаций, организаций (НКО) [9. С. 235-238; 10. С. 184-185]. Этот подход безальтернативно декларируется и в документах Общественной палаты РФ, где утверждается, что гражданское общество развивается как система институтов, обеспечивающих реализацию и взаимосогласование гражданских прав и свобод с правами сообществ и общества в целом» [7. С. 7]. В таком случае, если большинство россиян (83 %) сегодня не состоит ни в каких общественных и некоммерческих организациях, утверждение о «готовности гражданского общества к самоорганизации и значительных ресурсах общественно-государственного партнерства» проецируется авторами доклада о деятельности Общественной палаты РФ на незначительную часть российского общества: на 5,4 % взрослых россиян, которые являются членами общественных объединений или участвуют в их мероприятиях, 5 %, говорящих о том, что состоят в профсоюзах, 3 % – в садовых и дачных товариществах, 2 % – в товариществах собственников жилья и спортивных клубах [7. С. 7]. Можно ли сказать, что в диалоге о гражданских правах и свободах в России участвуют только эти 15,4 % граждан, да и все ли из них знают о таком диалоге? Вместе с тем, дискуссии о гражданском обществе, пережившие всплеск в 1990-е годы, вновь актуализируют значимые для развития общества темы. Может быть, в господстве институционального подхода есть свои изъяны? Тем более что понимание гражданского общества имеет и другие устойчивые традиции толкования, всесторонний анализ которых дает в своем труде «Гражданство и гражданское общество» Б.Г. Капустин, предлагая не только институциональное измерение исследуемого феномена [11. С. 81].

Задавая вопрос, следует ли пересматривать устоявшееся понимание гражданского общества, В.С. Малахов полагает, что феномен гражданского общества вполне может быть понят вне нормативного контекста, как сфера взаимодействия, во-первых, институтов различного происхождения и различной направленности,

а во-вторых, индивидов и групп, руководствующихся самыми разными мотивами [12. С. 45]. Присоединяясь к Э. Геллнеру, исследователь утверждает институциональный подход к пониманию гражданского общества, предлагая два основных условия возможности его развития: наличие множества конкурирующих друг с другом и взаимно уравнивающих (то есть препятствующих монополизации власти) институтов и недопустимость претензий ни одной из систем взглядов на окончательную истину [12. С. 47]. Однако, если снова обратиться к результатам социологических исследований, довольно значительная часть респондентов не высказывает готовности к объединению с согражданами, и при низком уровне доверия между людьми и к социальным институтам, дефиците солидарности в российском обществе вряд ли можно надеяться на плодотворные результаты конкуренции и тем более на развитие процесса поиска истины.

В то же время не попадаем ли мы в «институциональную ловушку», то есть утверждение и сохранение неэффективной устойчивой нормы (неэффективного института), имеющего самоподдерживающийся характер, когда в процессе решения задач создается своеобразная тупиковая ситуация [13]? В этом смысле динамика организационно-правовых форм мало что говорит о действительных изменениях состояния гражданского общества, например о том, каким образом увеличение разнообразия формальных показателей влияет на гражданскую активность или как сосуществуют традиционные и новые для нашей политической культуры формы объединения граждан.

Пришло время вновь обратиться к вопросам, которые задавали политические философы в различные периоды политической истории. «Что может случиться, если в существующей социальной и политической системе некоторые основные ценности изменятся? Когда и как быстро происходит переоценка ценностей в умах людей? Каков период полураспада предрассудков, то есть времени, в течение которого тот или иной предрассудок теряет половину своих почитателей? Как трансформируются старые ценностные паттерны и как создаются новые ценностные конфигурации?» [14. С. 185-187].

Эти вопросы актуализируют живую потребность в оценке качественного состояния гражданского общества в России с позиций

аксиологического подхода. Например, к этим исследовательским позициям обращается отечественный исследователь А.В. Шестопал. В поисках ценностных оснований взаимодействия личности и общества он придает особое значение диалогу между Университетом (основным действующим лицом постиндустриального общества, производящим и воспроизводящим знания) и Церковью (основным действующим лицом постсекулярного общества, производящим и воспроизводящим духовные ценности). При таком ходе событий, полагает исследователь, можно надеяться на то, что взаимоотношения между гражданином, гражданским обществом и государством получат не трагический, а драматический характер, что, конечно, также потребует немалых усилий и мужества [15. С. 182].

Результаты социологических опросов показывают, что, признавая необходимость развития гражданских прав и свобод, значительная часть общества продолжает видеть государство гарантом обеспечения социального благополучия граждан, отдает предпочтение «порядку в государстве», а не «соблюдению прав человека» (55 % против 38 %) [16]. На вопрос «Как вы думаете, как должны складываться отношения между государством и его гражданами?» в декабре 2013 года более половины респондентов (53 %) отвечали: «Государство должно заботиться о всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни». Ответ «Государство должно как можно меньше вмешиваться в жизнь и экономическую активность своих граждан» выбрали всего 6 % [17]. В то же время в последних опросах отмечается рост запроса на социальную справедливость [18].

Следует ли в этом случае говорить о внутриличностном конфликте, вызванном противоречиями между ценностями, заложенными традиционной культурой, и необходимостью реагировать на изменяющиеся условия российской действительности? Или надо вести речь о своеобразном культурном синтезе, предполагающем эволюцию и реинтеграцию традиционных ценностей применительно к современным условиям, когда традиционные ценности сохраняют для личности онтологическое значение, продолжая определять ее жизненную философию, в то время как заимствованные нормы и стандарты воспринимаются как

прагматические, ориентирующие поведение в рамках определенного класса отношений и ситуаций [19. С. 355]?

Таким образом, прогнозирование будущего развития гражданского общества в России заставляет обозначить поле проблем, в котором развиваются уже сложившиеся формы гражданской активности и возникают новые гражданские инициативы. Если встать на позиции аксиологического подхода к анализу состояния гражданского общества в России, то мы вынуждены констатировать, что не произошло видимого «ценностного дрейфа» к берегам либеральных концепций.

Представляется, что в попытках ответа на актуальные вопросы в процессе анализа старых ценностных паттернов и новых ценностных конфигураций мы не должны пренебрегать своеобразной зоной «перехода», которая, на наш взгляд, тоже достаточно многослойна.

Выявленные противоречия высветили необходимость диалектического подхода к обозначенным проблемам, осмыслению возможности синтеза институционального и аксиологического методов в анализе гражданского общества.

Отсутствие должного внимания к ценностной основе исследуемого феномена, как представляется, тормозит развитие гражданского общества в России, но напоминает нам о кантовском призыве к медленной работе над внутренним совершенствованием образа мыслей граждан [20. С. 18].

Библиографический список

1. Ильин М.В. Политическое самоопределение России // Pro et contra. 1999. Т. 4. № 3. С. 67-88.
2. Гества К. Homo Sovieticus и крах советской империи: неприятные социальные диагнозы Левады // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. Июль-декабрь 2013. № 3-4 (116). С. 111-117.
3. Социальный протест: настроения и действия. 04.11.2004. Опрос населения // Электронный ресурс Интернет: www.bd.fom.ru/report/cat/let/dd044422.
4. Фонд общественного мнения. Опрос населения // Электронный ресурс Интернет: www.bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/protest/d060626.

5. Володин А.Г. Гражданское общество и политика в России: смена парадигмы // Политические исследования. 1998. № 6. С. 92-102.
6. Гудков Л. Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. Июль-декабрь. 2013. № 3-4 (116). С. 118-179.
7. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2013. 132 с.
8. Левада-Центр. Третью России – за борьбу с «пятой колонной» // Электронный ресурс Интернет: www.levada.ru/14-07-2014/tret-rossii--za-borbu-s-pyatoy-kolonnoy.html.
9. Корнеева И.Е. Доверие и готовность объединяться как факторы самоорганизации // Материалы всероссийской научной конференции «Человек в экономических и социальных отношениях». М., 2012. С. 235-238.
10. Мерсиянова И.В. Вовлеченность россиян в повседневные практики гражданского общества // Психология индивидуальности: Материалы IV Всероссийской научной конференции. М.: Логос, 2012. С. 184-185.
11. Капустин Б. Гражданство и гражданское общество. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 224 с.
12. Малахов В.С. Гражданство как объект социальной и философской теории: критическое введение // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. С. 7-50.
13. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и мат. методы. 1999. № 2. С. 1-37.
14. Дойч К. О политической теории и политическом действии // Политическая теория в XX веке. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008. С. 156-192.
15. Шестопал А.В. Государство и гражданин: трагедия или драма? // Полис. 2011. № 6. С. 181-183.
16. Россияне о свободе, демократии, государстве, Левада-Центр, 25 сентября 2013 года // Электронный ресурс Интернет: <http://www.levada.ru/25-09-2013/rossiyane-o-svobode-demokratii-v-gosudarstve>.
17. Интересы власти и общества в представлениях россиян // Электронный ресурс Интернет: <http://www.levada.ru/print/28-01-2014/interesy-vlasti-i-obshchestva-v-predstavleniyakh-rossiyan>.

18. Дифференциация гражданских и политических практик в России: институциональная перспектива: Научно-аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН, 2013. 184 с.

19. Дилигенский Г.Г. Человек перед лицом глобальных процессов // Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. М.: Альпина Паблишер, 2003. С. 329-359.

20. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 5-23.

Сведения об авторе

Семенов Евгений Евгеньевич
кандидат политических наук,
доцент кафедры философии,
социологии и теории социальной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: k762@mail.ru

УДК 94(470)"1900-1917"+94(497.1)"1900-1917"

**МОСКОВСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ КОМИТЕТ:
ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ СЕРБИИ. 1914-1916 гг.**

Г.И. Шевцова

МОФ «Центр национальной славы», Москва

Настоящая работа посвящена деятельности Московского славянского комитета, одного из самых активных участников славянского движения в России в начале XX века. Автор рассматривает его практическую деятельность, которая состояла в сборе и отправке пожертвований в Сербию в период Первой мировой войны (1914-1916 гг.). Собранные факты говорят о том, что помощь братскому народу была своевременной и отвечала самым насущным потребностям пострадавшего от военных действий населения Сербии. С 1916 г. благотворительная деятельность Московского славянского комитета постепенно уступила политической, что привело к кризису организации и сокращению гуманитарной деятельности.

Ключевые слова: Московский славянский комитет, Первая мировая война, гуманитарная помощь.

The Moscow Slavic Committee: Humanitarian Aid for Serbia in 1914-1916

Galina Shevtsova

The article looks at the work of the Moscow Slavic Committee as the one of the most active participants of the Slavic movement in Russia in the early 20th century. The author examines the practical involvement of the Moscow Slavic Committee in collecting donations and sending them to Serbia during World War I (1914-1916). The collected data suggest that the aid was timely provided and met the most urgent needs of Serbians, affected by the hostilities of the war. After 1916, charitable activities of the Moscow Slavic Committee gradually turned into political activism which caused a crisis inside the Committee and the following decline of humanitarian aid.

Key words: Moscow Slavic Committee, World War I, humanitarian aid.

Российский императорский посланник при сербском королевском дворе князь Г.Н. Трубецкой, оценивая деятельность комитета при миссии в Нише (1914-1915 гг.), писал, что «вся громадная работа, совершенная русскими людьми, могла быть осуществлена только благодаря необычайной отзывчивости нашего Красного Креста и различных общественных учреждений, городов, земств, союзов, от которых мы получали обильные пожертвования» [1. С. 121]. В этой связи необходимо выяснить, какова роль каждой из организаций в деле помощи сербскому народу. Настоящая работа посвящена деятельности Московского славянского комитета, одного

из самых активных участников славянского движения в России в начале XX века.

Устав организации был зарегистрирован 5 октября 1912 г., в начале Первой Балканской войны, тогда же состоялось ее официальное открытие [2. С. 2]. Провозгласив своей целью оказание помощи балканским славянам, Московский славянский комитет привлек значительные средства, позволившие отправить в Сербию и Болгарию прекрасно оснащенные санитарные отряды. Была оказана и другая помощь, в том числе приюту-яслям, созданному в Белграде супругой российского императорского посланника А.П. Гартвиг [3. С. 138-150]. Начало Второй Балканской войны вызвало серьезный кризис в Московском славянском комитете, речь даже шла о ее закрытии, но начало Первой мировой войны послужило сигналом к активизации деятельности Московского славянского комитета. Его основные усилия были сосредоточены на гуманитарной помощи Сербии и Черногории.

Московский славянский комитет одним из первых поместил в газетах воззвание с призывом жертвовать деньги и вещи. Наличными деньгами во второй половине 1914 г. было собрано 33 555, 38 рублей. Объединенный комитет Московского купеческого и биржевого обществ передал в Совет общества еще 50 000 рублей [4. С. 22]. Эти средства были использованы для целевой помощи Сербии и Черногории. Комитет старался оказывать адресную помощь. В сентябре 1914 г. его председатель Н.И. Гучков получил письмо от митрополита Сербского, архиепископа Белградского Димитрия письмо с сообщением, что в сербской армии ощущается острый недостаток одежды и обуви. Послание содержало просьбу о помощи, которая не осталась без ответа. Московский славянский комитет передал митрополиту Димитрию 20 000 рублей [4. С. 18].

В ноябре того же года было получено письмо российского императорского посланника при сербском королевском дворе с описанием катастрофической гуманитарной ситуации в Сербии, требовавшей немедленного вмешательства. По донесениям сербских консулов, у раненых не было кроватей, постельного белья. Солому, на которой они лежали, меняли один раз в семь-десять дней. Рекруты были одеты в самодельные кожаные лапти, ни у них, ни у военнопленных не было нательного белья [5. Л. 556 об.-557].

Князь Г.Н. Трубецкой не без оснований надеялся на помощь российских общественных и благотворительных организаций, в том числе Московского славянского комитета.

В течение второго полугодия 1914 г. в Сербию и Черногорию регулярно высылались медикаменты, перевязочные средства, обувь, белье, продукты, чай, табак и т. д. Всего до конца года было сделано четыре отправки. Большая часть этих пожертвований поступила на склад Главного штаба сербской армии.

Когда в сентябре 1914 г. в Сербию из Петрограда отправился санитарный отряд А.П. Гартвиг, Московский славянский комитет не только оплатил транспортные расходы, но и договорился, чтобы к поезду, на котором медицинский персонал следовал к месту назначения, были прицеплены два вагона с вещевыми пожертвованиями, медикаментами и перевязочными материалами [4. С. 23]. Уже в начале октября Александра Павловна передала от имени сербов благодарность Московскому славянскому комитету за столь необходимые для них вещи.

26 октября 1914 г. в сопровождении специального уполномоченного Московского славянского комитета серба Георгия Георгиевича были отправлены гигроскопическая вата, в которой особенно нуждалась сербская военно-медицинская служба, одеяла, теплые куртки и пр. Всего было загружено 157 мест, занявших два вагона. 17 ноября того же года по запросу Главного штаба сербских войск было отправлено 500 пар штиблет. 26 ноября – еще 500 пар, а также 47 мест багажа с марлей, медикаментами и бельем для Сербского Красного Креста. В совокупности в 1914 г. было отправлено шесть вагонов различных пожертвований, 4500 пудов груза, на общую сумму 45 400 рублей [4. С. 23]. Были и другие расходы. Сербам, отправлявшимся на войну, прежде всего врачам, Совет комитета выдал различных пособий на 255 рублей [4. С. 23].

11 и 12 января 1915 г. Московский славянский комитет принял деятельное участие в организованном в Москве правлением славянских трапез кружечном сборе в пользу Сербии и Черногории («Сербский день»). Этот день был отмечен большим количеством общественных мероприятий, в которых приняли участие славянские организации, в том числе члены Московского славянского комитета. Из собранных в эти дни средств 6 000 рублей было отправлено через

сербскую королевскую миссию в Петрограде российскому посланнику князю Г.Н. Трубецкому «для оказания помощи разоренным и больным сербам» [6. Л. 57].

В то же время Комитет получил сведения об испытываемой сербским народом и армией крайней нужде в чае и сахаре, теплых вещах, медикаментах и перевязочных средствах. В заседании от 16 января 1915 г. было принято решение закупить все это на собранные пожертвования и отправить в адрес председателя Главного сербского комитета митрополита Димитрия. Решение было оперативно исполнено: все запрошенное было отправлено в Сербию с санитарным отрядом княгини М.К. Трубецкой в конце того же месяца. Всего было загружено 29 мест [4. С. 8].

В течение января – октября 1915 г. Московский славянский комитет принимал всевозможные меры по усилению притока средств для оказания помощи разоренной неприятелем Сербии. Совет Московского славянского комитета организовал рассылку печатных воззваний в торгово-промышленные и общественные организации Москвы с просьбой жертвовать в пользу Сербии и Черногории. Москвичи горячо откликнулись на этот призыв.

Большая часть средств в течение года передавалась непосредственно лидерам организации – Н.И. Гучкову (56 533, 20 рублей) и настоятелю Сербского подворья архимандриту Михаилу (53 177, 55 рублей) [4. С. 24]. Часть собранных средств была выделена на отправку крупной партии постельного и нательного белья, гигроскопической ваты, марли – всего того, в чем так нуждалась Сербия. Этот груз 5 марта 1915 г. был отправлен с уполномоченным РОКК, командированным в Черногорию. В Сербии он должен был передать пожертвования Московского славянского комитета в Главный сербский комитет для нужд, вызванных войной [4. С. 10].

Ввиду близости праздника св. Христова Воскресения и крайне бедственного положения в Сербии Московский славянский комитет постановил, кроме помощи вещами, послать на нужды воинов и бедствующего населения Сербии 20 000 рублей на имя митрополита Димитрия, уведомив об этом министра-президента Н. Пашича и императорского посланника князя Г.Н. Трубецкого [4. С. 11].

Весной 1915 г. ситуация в Сербии ухудшилась: эпидемии и голод косили население и армию. Очевидец событий, старший врач

сербского отряда петроградского Славянского благотворительного общества Н.И. Сычев писал, что «эпидемия приняла характер тягчайшего народного бедствия. Сотни трупов свозились ежедневно на специально отведенные кладбища во всех более или менее крупных центрах Сербии и хоронились без гробов, в братских могилах, как это делалось после крупных и ожесточенных боев, когда убитых хоронили массами» [7. С. 12]. Ощущалась все та же нужда в перевязочных средствах и медикаментах, к которой добавилась и потребность в продовольствии. Тогда Московский славянский комитет снарядил 5 июня 1915 г. очередной транспорт в Сербию, уже восьмой по счету. Он занял один товарный вагон. Сопровождал этот груз специальный уполномоченный, член Московского славянского комитета Чиликин.

Практически сразу стали формировать новый транспорт, однако доставить его сербам до наступления трагических событий осени 1915 г. не успели. Груз, застрявший на границе Румынии, с разрешения Совета комитета, перешел русским лазаретам в Рени [8. С. 12]. Всего на закупку перевязочных и моющих средств и медикаментов (без учета вещевых пожертвований) в 1915 г. было затрачено 6 231, 74 рублей [8. С. 25].

Отступление сербской армии под натиском неприятеля осенью 1915 г. и большое количество беженцев заставило Московский славянский комитет объявить очередной день сбора пожертвований 29 ноября. В кружках уличного сбора оказалось 20 313, 66 рублей, через почту и лично жертвователями было передано 14 143, 90 рублей. Лекции и концерты дали в кассу организации еще 1 135, 15 рублей [8. С. 24].

30 января 1916 г. прошло отчетное собрание Московского славянского комитета. Было отмечено, что за предыдущий год на счет организации год от взносов, пожертвований, отчислений поступило 170 422, 92 рубля [9. С. 3].

1916 г. прошел под знаком помощи сербским беженцам и военнопленным. Главной проблемой оставался сбор средств, нужда в которых все увеличивалась. Как было отмечено в отчетном докладе, «сербь, изгнанные из своей страны и разбежавшиеся по всем южно-европейским государствам от гнета и преследования жестокого врага, бросившие свои семейные очаги на произвол судьбы, нуждались во

всем необходимым» [10. С. 6]. Кроме того, в самом начале 1916 г. на имя сербского престолонаследника Александра, находившегося со своим войском на Корфу, было отправлено 70 650 рублей [8. С. 25].

Один из членов Московского славянского комитета И.И. Зайченко, постоянно проживавший в Одессе, провел 17 февраля сбор «Одесса – Сербии», который увеличил средства комитета на 4 265,25 рублей [10. С. 6]. Кроме того, был открыт киоск на ежегодном «Пасхальном базаре» и устроен спектакль в Большом театре (23 апреля 1916 г.). Тем не менее, существенно пополнить счет организации не удалось. Здесь сказывались и объективные причины: Россия сама переживала серьезные материальные трудности.

29 апреля 1916 г. Московский славянский комитет торжественно принимал в Москве председателя совета министров Сербии Николу Пашича. Ему был вручен чек на 40 000 рублей. Н. Пашич поблагодарил членов комитета за щедрое пожертвование. Конечно, он не знал, что это было больше половины оборота организации за 1916 г. [10. С. 21].

Московский славянский комитет не оставил без внимания и нужды сербов, проживавших в пределах Российской империи, в первую очередь беженцев. По указанию настоятеля Сербского подворья архимандрита Михаила Совет комитета «отправил сербским священникам-беженцам 700 рублей, помогал семьям лиц, вызванных на службу в Одессу для образования сербской дивизии, помогал деньгами, советами и покровительством своим проезжавшим через Москву сербским беженцам, а также местным учащимся сербам и славянам» [10. С. 12].

В денежном отчете Московского славянского комитета за 1916 г. отмечены средства в помощь сербским беженцам (через митрополита Димитрия 4 000 рублей), пособия сербским солдатам-добровольцам – 160 рублей, сербским солдатам-беженцам, прибывшим в Москву, – 242 рубля, сербским беженкам в Москве – 276 рублей, сербскому посланнику в Петрограде для выдачи сербским беженцам в столице – 425 рублей и т. д. [10. С. 19].

Важно отметить, что Московский славянский комитет оказывал помощь сербским беженцам не только на территории России, где были и другие организации, оказывающие различного рода содействие этой категории населения. Денежный отчет за 1916 г.

зафиксировал передачу для пособия сербским беженцам сербскому генеральному консулу в Марселе 506,05 рублей, через Красный Крест передано в Женеву 1225,17 рублей, в Англию – 110 рублей и так далее [10. С. 19].

В 1916 г. финансовые дела организации шли не так успешно, как в предыдущем. Всего на счет организации поступило 73 213,58 рублей [10. С. 20]. Конечно, на объем пожертвований влияла и общая ситуация в стране, в которой стал ощущаться недостаток средств. Но были и субъективные причины.

В начале года Московский славянский комитет объявил о своем реформировании и взял курс на превращение своей организации в политическую партию. Это устроило не всех. Осенью в Московском славянском комитете начался кризис. Организацию стали покидать те ее члены, которые хотели сохранить ее благотворительный характер. Те же, кто остался, приняли решение созвать общее собрание и принять новый устав. Среди ближайших задач были названы организация помощи сербским беженцам, открытие славянской гимназии. В перспективе надеялись открыть славянский банк [11. С. 4].

30 января 1916 г. прошло отчетное собрание Московского славянского комитета. В докладе было отмечено, что за 1915 г. на счет организации от взносов, пожертвований, отчислений поступило 170 462,92 рубля. Большинство этих средств было истрчено на помощь сербам и черногорцам.

Осенью 1916 г. Московский славянский комитет сотрясали различные недоразумения. Руководство организации склонялось к необходимости реформирования общества. Был подготовлен и отправлен на утверждение московского градоначальника проект нового устава. Целью своей деятельности на данном этапе Московский славянский комитет видел «объединение всех славянских народностей, освобождение их от иноземного ига, экономическую и культурно-просветительскую деятельность помощь всем славянским народам, особенно пострадавшим от военных действий» [9. С. 3]. Введение нового устава было намечено на 1917 г. [10. С. 14]

Таким образом, в 1914-1915 гг. Московский славянский комитет, в соответствии со своими уставными задачами оказывал

гуманитарную помощь сербской армии и населению, пострадавшему от военных действий. Авторитет организации в московских кругах делал эту деятельность заметной. Принятое в начале 1916 г. решение о преобразовании организации в политическую партию привело к внутреннему кризису. Часть членов Московского славянского комитета его покинула, что не могло не сказаться на итогах благотворительной деятельности. Она стала постепенно сокращаться.

Библиографический список

1. Трубецкой Г.Н. Русская дипломатия (1914-1917) и война на Балканах. Монреаль, 1983. 283 с.
2. Московские ведомости. 1912. 2 (15) октября.
3. Шевцова Г.И. Русский гуманный поход на Балканы. М., 2012. 240 с.
4. Отчет о деятельности Московского славянского комитета за 1914 г. М., 1915. 39 с.
5. АВПРИ. Ф. 151. (Политархив). Оп. 482. Д. 573.
6. АВПРИ. Ф. 146 (Славянский стол). Оп. 495. Д. 8778.
7. Сычев Н.И. Сербское войско в годы Первой мировой войны. Београд, 1928. 130 с.
8. Отчет о деятельности Московского славянского комитета за 1915 г. М., 1916. 52 с.
9. Московский листок. 1916. 6 февраля.
10. Отчет о деятельности Московского славянского комитета за 1916 г. М., 1917. 32 с.
11. Новое время. 1916. 11 (24) октября.

Сведения об авторе

Шевцова Галина Игоревна
кандидат исторических наук,
советник МОФ «Центр национальной славы»
E-mail: drugarica@rambler.ru

РЕЦЕНЗИИ

ЯЗЫК РЕЛИГИИ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ³

Н.А. Голубева
Нижний Новгород

Рецензия на монографию: **Плисов Е.В. Немецкий религиозный текст в условиях поликонфессиональности. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013. 160 с.**

Рецензируемая монография [1] посвящена форме выражения языкового сознания, которая именуется языком религии, то есть современной религиозной коммуникации в условиях интенсивного развития межконфессиональных отношений в мире.

Размышления по заявленной в монографии проблеме хочется начать с глубокого по смыслу лингвофилософского постулата апостола Павла, приведенного Рудольфом Гобергом в статье о соотношении понятий *язык* и *религия*: “Es gibt wer weiß wie viele Sprachen in der Welt, und nichts ist ohne Sprache” [2. S. 9].

Представленный в научном труде Е.В. Плисова анализ большого корпуса специальных исследований (258 источников) указывает на то, что сегодня внимание лингвистов занимают социальные аспекты религиозной коммуникации, взаимодействие языка религии и политики, философские, культурологические и исторические аспекты религиозной коммуникации.

В тепер уже далеком 1964 году в предисловии к своему небольшому, но стратегически важному с дидактических позиций труду „Sprache und Religion“ Хуго Мозер сказал, что исследование немецкого языка религиозной сферы до сих пор не нашло с лингвистической стороны объемлющего представления и что его книга носит характер предтечи. В качестве причин отсутствия такого, если и не глубокого, то хотя бы удовлетворяющего на данном этапе

³ Работа выполнена в рамках реализации государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, проект 1321 «Современный религиозный дискурс: структура и стратегии развития».

развития языкознания описания религиозного языка, ученый назвал слишком слабую изученность различных фаз в развитии специального религиозного языка и обозначил первостепенные задачи для этой области исследования [3].

Одна из задач виделась ученому в описании развития немецкого религиозного языка в наше (новое) время. Решению именно этой задачи – исследованию *глобального* характера немецкого религиозного языка с точки зрения сохранения его изначальных особенностей в условиях поликонфессиональности, взаимовлияния религиозных направлений, отраженного в языке, – посвящена рецензируемая монография, актуальность и новизна которой более чем очевидна.

Тема *языка и религии* находится сегодня по благоприятным для нее политическим, социальным и другим общественно-значимым обстоятельствам в авангарде научной мысли. Можно констатировать заметно растущий интерес к исследованию проблемы языка и религии в немецкой германистике. Для этого достаточно сослаться, прежде всего, на издаваемую с 2008 года серию публикаций по теолингвистике, два тома которой посвящены самым актуальным вопросам религиозного языка и теологии [4]. Стоит отметить большую заслугу немецкого лингвиста Манфреда Кэмпферта, издавшего сборник публикаций 50-х–70-х годов прошлого столетия по проблемам религиозного немецкого языка [5].

Заслуживает серьезного внимания также коллективная монография Уве Гербера и Рудольфа Гоберга “*Sprache und Religion*“, в которой отражены теологические и лингвистические теоретические основы проблемы языка религии [6]. В ней обсуждаются общие проблемы теолингвистики (А. Мюллер, Р. Хоберг), Божественная речь с позиций теории речевых актов (Э. Аренс), герменевтика (Д. Крохмалник, В. Джейнронд), язык литургии (А. Гройле, Д. Плюсс, А. Билер), гомилетика (И. Норд), квазирелигиозный язык (Х. Кэмпер). Непреходяще важным со времен Мартина Лютера остается лингвистическая интерпретация Библии и вопрос о соответствии перевода его первоисточнику, то есть вопрос о сохранении первоизданности языка религии (В. Беш, Х. Ейлерс, Р. Штольце). См. также обзорную информацию о научных мероприятиях в этой области [7].

В отечественной лингвистике также появился целый ряд работ, посвященных различным аспектам этой глобальной проблемы (Т.А. Агеева, Е.Е. Анисимова, В.В. Алпатов, Е.В. Бобырева, И.В. Бугаева, Е.М. Верещагин, А.К. Гадомский, Т.В. Ицкович, Д.А. Мещеряков, Е.В. Плисов, Н.И. Сазонова, А.Г.-Б. Салахова). Заметное место принадлежит работам, в которых разрабатывается проблема прецедентности в религиозном дискурсе [8; 9; 10; 11]. Однако в целом в российском ареале весьма преждевременно говорить о тесном сотрудничестве теологов с лингвистами. Причина видится во все еще недостаточном интересе отечественных лингвистов к религиозному языку, который сдерживается сложностью центральных понятий «язык», с одной стороны, и «религия», с другой.

Обоим понятиям, какой бы странной ни показалась эта мысль на первый взгляд, трудно дать четкое определение. Еще труднее свести все имеющиеся их дефиниции, чтобы удовлетворить теоретические претензии и лингвистов, и теологов. По части «языка» должны быть при этом учтены системные и речеактообразующие понятия с релевантными моментами этого семантического поля – язык, коммуникация, диалог, дискурс. По части определения «религии» вопрос намного усложняется. Существует очень широкое толкование этого понятия, вытекающее из следующего положения. Так как согласно концепциям большинства религий Бог и Божественное проявляют себя всюду и во всем, то некоторые теологи и религиоведы склоняются вместить в это понятие почти все тварные феномены. Таким образом, проблема «язык и религия» сразу превращается в проблему «язык и мир» [12].

Монография Е.В. Плисова является одной из работ, написанных в свете заветов Х. Мозера, не утративших своей актуальности по сей день. Ее дидактическая ценность определяется тем, что в ней раскрывается языковая ситуация внутри христианского немецкоязычного мира, которую «нельзя признать монолитной» [1. С. 3]. Автор ориентируется на христианскую религию не потому, что другие религии менее значимы, а потому, что христианство является определяющим для немецкого и европейского культурного мира.

В монографии отражены теологические и лингвистические теоретические основы, позволяющие заинтересованному читателю ближе познакомиться с проблемами языка религии. В ней

обсуждаются общие проблемы теолингвистики: этноконфессиональный характер сакральных текстов, герменевтика, гомилетика, язык литургии. По мнению ученых (М. Кэмпферт, В. Каспер), в многочисленных исследованиях разных научных дисциплин по религиозному дискурсу до сих пор практически не уделялось внимания конфессиональному аспекту религиозного общения. В рецензируемой работе внимание сфокусировано на традиции использования текстов Священного Писания и богослужебных текстов в разных конфессиях, а также на особенностях становления языка богослужения в условиях многоязычия конкретной церкви. Нарботанные знания по христианству и языку в целом позволяют Е.В. Плисову выделить общие религиолектные (конфессиолектные) особенности, их подчиненность по отношению к немецкому литературному языку [1. С. 5].

В этом месте появляется необходимость сделать небольшой комментарий к этим религиолингвистическим терминам. Язык, употребляемый в коммуникативной сфере «человек – Бог», А. Гройле называет «теолект» [13. С. 15]. Употребляемый в науке термин «теолект» отражает специальный теологический язык. В зависимости от того, как теологическая коммуникация реализует себя в различных типах текста и жанрах речи, в богослужении различается целый ряд различных речевых жанров (молитва, проповедь, исповедь, исповедание веры и др.). Теолектальная коммуникация совершается в различных ярко выраженных коммуникативных рамках, например в рамках научной, катехетической, масс-медийной или богослужебной (литургической) коммуникации.

Термин «теолект» соответствует используемому в монографии Е.В. Плисова термину «религиолект». В этой связи возникает вопрос методологического характера: правомерно ли отождествление автором терминов «религиолект» и «конфессиолект»? Логика наделяет второй термин подчиненностью по отношению к первому.

Монография отличается высокой информативной насыщенностью, так как берет в разработку три комплекса вопросов. Первый из них – какие особенности отличают религиозный язык? Здесь логика ее автора подсказывает (глава 1), что прежде чем выявлять особенности конфессионального выражения, следует рассмотреть особенности языка религии в целом, посмотреть, как они

представлены в целом ряде исследований, и наметить некоторые методические предпосылки эмпирического анализа в последующих главах. Поэтому результаты эмпирического анализа (главы 2 и 3) оцениваются соответственно с позиций выявленной в главе 1 специфики религиозного дискурса.

Рассмотрение первого комплекса вопросов дает Е.В. Плисову возможность ответить на второй комплекс вопросов, а именно: существует ли конфессионально-специфическое выражение в языке религии? Этот социолингвистический аспект определяет главный интерес исследования. Особое значение в этой связи уделяется как языковым конфессионально-специфическим, так и конфессионально-типическим вариантам на дискурсивном уровне, обнаруженным в ходе эмпирических наблюдений. Если бы не существовала необходимость в изучении (поли)конфессиональных проявлений религиозного языка, то трудно было бы оценить его «надконфессиональность» как отражение своеобразия современного религиозного дискурса.

Наконец, третий комплекс вопросов предусматривает ответ на главный из них: подвержены ли конфессионально-специфические варианты языка изменениям или же они остаются постоянно-стандартизованными? В этих целях в монографии представлена лингвистическая интерпретация богослужебных текстов (молитва, заповедь, проповедь, песнь), на материале которых хорошо раскрываются функции немецкого поликонфессионально-обусловленного религиозного языка. Их анализ дает глубокое обоснование мысли о том, что христианская религия как мировоззрение в нескольких формах своего существования всегда «привязана» к языку в том смысле, что размышления о религии и каждая религиозная практика (проповедь, молитва, чтение, песнопение и др.) неотделимы от языка.

Знакомство с монографией Е.В. Плисова «Немецкий религиозный текст в условиях поликонфессиональности» приводит читателя к выводу о том, что в ней отражен высокий научный интерес к проблемам теолектальной сферы. На базе обширной эмпирической базы религиозных текстов в ней отчетливо представлена языковая перспектива поли- и межконфессиональных отношений в Европе и проблема языковой стандартизации языка, его национального и

социального выражения, а потому этот научный труд будет полезен как теологам, так и филологам.

Библиографический список

1. Плисов Е.В. Немецкий религиозный текст в условиях поликонфессиональности: Монография. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013. 160 с.

2. Hoberg R. „Es gibt wer weiß wie viele Sprachen in der Welt, und nichts ist ohne Sprache“ (Paulus): einführende Überlegungen zu „Sprache und Religion“ aus sprachlich-wissenschaftlicher Sicht // Sprache und Religion / Hrsg. U. Gerber. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2009. S. 9-12.

3. Moser H. Sprache und Religion: zur muttersprachlichen Erschliessung des religiösen Bereichs. Düsseldorf: Schwann, 1964. 82 S.

4. Theolinguistica / A. Greule, E. Kucharska-Dreiß (Hrsg.). 2 Bde. Regensburg: Universitätsverlag, 2008. 1234 S.

5. Kaempfert M. Probleme der religiösen Sprache. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1983. 391 S.

6. Sprache und Religion / U. Gerber, R. Hoberg (Hrsg.). Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2009. 362 S.

7. Плисов Е.В., Зинцова Ю.Н. Язык и религия в проблемном поле германистики: научные мероприятия и направления поиска // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 23. Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013. С. 164-168.

8. Орлова Н.М. Библейский текст как прецедентный феномен: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 50 с.

9. Голубева Н.А. Прецедентные единицы в религиозном дискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 23. Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013. С. 26-34.

10. Плисов Е.В. «Чужое слово» в проповеди: интертекстуальность как стилевая черта проповеднического жанра // Церковь и проблемы современной коммуникации: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Н. Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2007. С. 141-158.

11. Вайц К.С. Современная англоязычная христианская проповедь: интертекстуальный аспект // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 22. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013. С. 11-21.

12. Meinig P. Lass die Kirche im Dorf: Sprichwörtliches über Gott & die Welt. Leipzig: Benno, 2013. 120 S.

13. Greule A. Annäherung an Sakralsprache. Einführung in die Fachtagung „Sakrale Sprache in Geschichte und Gegenwart“, Regensburg, 24.-26.09.1997 // Greule A. Sakralität. Studien zu Sprachkultur und religiöser Sprache. Hg. von S. Reimann und P. Rössler. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2012. S. 13-17.

Сведения об авторе

Голубева Надежда Александровна
доктор филологических наук,
профессор кафедры теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: nagol@mail.ru

МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЬЮ И ФИКЦИЕЙ

А.Е. Лобков

Нижний Новгород

Рецензия на книгу: **Жаккар Ж.-Ф. Литература как таковая. От Набокова к Пушкину. Избранные работы о русской словесности. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 408 с.**

Предлагаемый читателю сборник статей принадлежит перу швейцарского слависта Жана-Филиппа Жаккара (*Jean-Philippe Jaccard*), заведующего кафедрой русского языка, литературы и культуры Женевского университета в Швейцарии [1]. Его имя и работы хорошо известны в научном сообществе. Круг литературных интересов Ж.-Ф. Жаккара широк, но особую любовь он питает к русскому авангарду и творчеству Даниила Хармса. Увлечение поэтом-авангардистом привил учитель Ж.-Ф. Жаккара, знаменитый профессор Женевского университета Жорж Нива, под научным руководством которого была подготовлена и защищена диссертация «*Harms et la fin de l'avant-garde russe*», опубликованная в 1995 году на русском языке в серии «Современная западная русистика» [2].

Ж.-Ф. Жаккар неоднократно бывал в России, как в позднесоветский период, так и в новое демократическое время. В октябре 2013 г. швейцарский русист посетил НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, где в рамках международной научной конференции «*Genius loci: Швейцария в контексте европейской культуры*» представил свою новую книгу.

Большинство из статей, вошедших в нее, были «опробованы» в форме докладов на различных международных конференциях (с 1991 по 2006 гг.). Все представленные работы о русской словесности объединяет единство авторского замысла; структуру книги определяет не хронология написания статей, а единство концепции, «целью которой является продемонстрировать: в любом литературном произведении присутствует определенный “дискурс о себе”, что позволяет ему стать автономным (“самовитым”) миром» [3. С. 5]. Вынесенные в эпиграф слова из Гоголя, «с этой историей случилась история», станут лейтмотивом книги.

Среди присущих литературе функций – эстетической, гносеологической, символической, мнемонической, коммуникационной – неотъемлемое место занимает и метатекстуальная функция. Она связана с рефлексией художественного произведения относительно собственной природы. Намеренное обнажение приема автореференциальности, как отмечает Ж.-Ф. Жаккар, стало очевидным для критиков и читателей во времена авангарда рубежа XIX-XX веков.

Русский авангард многолик. Смелые эксперименты со словом и поэтической формой оказали продуктивное влияние на европейскую культуру XX века. Сущность свершившегося эстетического перелома в полной мере еще не осмыслена.

Книгу предваряет введение, представленное концептуальной статьей «Литература напоказ: от модернизма к классикам», в которой исследователь четко обозначает стоящую перед ним задачу: «автореференциальная составляющая, органически присущая литературе, – главная тема нашей книги; мы хотим показать, что именно присутствие в произведении разговора о нем самом определяет, во-первых, степень новизны текста, во-вторых – степень его *автономности*» [3. С. 12]. В этой связи становится понятным название самой книги «Литература как таковая. От Набокова к Пушкину» – автор идет от «анализа эстетической революции, отметившей начало XX века, и ее последствий, – назад, чтобы уже потом заново перечитать некоторые канонические тексты классики» [3. С. 12].

Смысловое развертывание книги определяется ее структурой. В ней пять частей – «Уроки модернизма», «Поэтическая революция в опасности», «Философия и эстетика абсурда (Хармсиада)», «Перечитывая классику» и «Освобожденное слово, свободное слово», каждая из которых затрагивает различные аспекты автореференциальности.

В истории литературы существуют две полярные тенденции – одна отстаивает примат содержания над формой, другая – примат формы над содержанием. Для первого случая важна *миметическая иллюзия*, отражение реальности. Здесь можно вспомнить статьи об искусстве Л.Н. Толстого с требованиями «искренности» и «простоты» или метод «социалистического реализма» с жестким контролем государства за содержанием.

Во втором случае предпочтение отдается форме, которой содержание подчиняется, а в ряде случаев, в частности в абстрактном искусстве, даже полностью вытесняется.

По справедливому замечанию Ж.-Ф. Жаккара, развитие литературы происходит в поле сопряжения этих двух полюсов – «она колеблется, словно диафрагма, между периодами, когда она описывает внешний мир (хоть и выдуманный, но дающий ощущение реальности), и периодами, когда она увлекается особенностями формы и сосредоточивается на принципах собственного построения, то есть на себе самой» [3. С. 15].

Одним из главных уроков модернизма (исследователь берет этот термин в широком понимании, см. с. 11-12) стало осознание двойственности («двуличности») художественного произведения. Она связана с присутствием в нем сразу двух обозначаемых и, соответственно, с выбором автора между правдой жизни («правдивостью») и ложью (или, говоря словами А.С. Пушкина, «обольстительным обманом»):

«*Первое означаемое*, которое мы воспринимаем сразу и которое может быть множественным: рассказываемая история, реальность, представленная этими описаниями, передаваемое чувство и т.д. Именно это означаемое порождает тот тип анализа, которому критика долго отдавала предпочтение, именно с ним связано восприятие произведения “обычным” читателем» [3. С. 41]. Это открытый план художественного произведения – его «содержание» со всей нарративностью, характерное для реалистических произведений с незамысловатой фабулой.

«*Второе означаемое*, предмет которого – сама литература (как писал О. Уайльд, “Искусство никогда не выражает ничего, кроме себя самого”). Независимо от того, хочет автор этого или нет, второе означаемое всегда присутствует. Самый наглядный пример – прием “текст в тексте” (*mise en abyme*), но он далеко не единственный: ведь интертекстуальные связи, тропы и все остальные литературные приемы тоже участвуют в этой цепочке отражений – в рассказе, который литература ведет о самой себе» [3. С. 41]. Это скрытый план художественного произведения, проявляющийся в формальной организации текста. Обнажение второго означаемого подчеркивает иллюзорный характер имитации жизни и выражает свободу художника от реальности, что ярко проявляется в разнообразных

модернистских направлениях. Ж.-Ф. Жаккар констатирует, что «единственная реальная вещь в произведении искусства – это само произведение искусства» [3. С. 12].

Ситуация с правдой и ложью в миметической литературе рубежа веков чем-то напоминает проблему «истины», поставленную в Евангелии от Иоанна: Христос как олицетворение правды: «Я есмь путь и истина и жизнь» (18: 8) и скептицизм Пилата: «Что есть истина?» (18: 38). Примечательно, что написанная на этот евангелический сюжет картина Н.Н. Ге (1890), первоначально была отвергнута известным коллекционером русского искусства П.М. Третьяковым, что вызвало резкую критику Л.Н. Толстого, упрекавшего мецената в том, что он не сумел разглядеть «жемчужину» в «навозе» тысячи «ничтожных полотен» [4. С. 253-254].

К чему могут приводить крайности в позициях сторонников реализма и модернизма Ж.-Ф. Жаккар блестяще показал в статье «Номинализм и литература: об автореференциальности, или как литература избежала молчания».

Главными героями здесь выступают «реалист» Л.Н. Толстой и «эгофутурист» Василиск Гнедов. Автор цитирует (правда, слегка неточно) трактат Толстого «Что такое искусство?» (1897-98), считающего, что стоящая перед писателем задача – во «все большем и большем возвышении содержания, достижении того, что доступно всем людям» и «такая передача его, которая была бы свободна от всего лишнего, т.е. была бы как можно более ясна и проста» [3. С. 43]. Толстой объявляет войну приемам, которые управляют созданием предмета искусства, сравнивая усложнения формы с украшениями проститутки [3. С. 45].

Поэтическая книжечка В. Гнедова «Смерть искусству» (1913) состоит из 15 «поэм», но, «вопреки заявленной форме, их длина не превосходит одной строчки, а в двух случаях вообще сводится к единственной букве; таким образом, эта книга становится высшей точкой на пути радикализации модернистской мысли: первое означаемое полностью отсутствует, автореференциальность максимальна. Ставшая знаменитой поэма 14 состоит из единственной буквы: “Ю”. Разумеется, “ю” – предпоследняя буква алфавита, записанная в виде предпоследней поэмы сборника, – наводит на мысль о следующей букве: “я”, которая, с одной стороны, занимает в

алфавите последнее место, а с другой, означает то самое “я”, которого мы вправе ожидать в тексте настоящего эгофутуриста. Это “я”, между прочим, одновременно и автореференциально, и вписывает автономного индивида в великое Целое. ... Но последняя поэма – не “Я”. Она состоит из одного лишь названия “Поэма конца”. Больше ничего нет – поэма уходит в полную афонию. Эта афония к тому же перформативна, потому что название, предвещающее конец, ведет к молчанию...» [З. С. 52].

На возможный выход из тупика, в котором оказались крайние реалисты и модернисты, указал В. Набоков, создавший новый тип романа, органично сочетающий *нарратив* и *метанарратив*. Этому посвящена одна из лучших статей сборника «Буквы на снегу, или Встреча двух означаемых в глухом лесу», подробно рассматривающая новаторство В. Набокова на примере романа «Отчаяние». Жаккар отмечает, что «с самых ранних лет Набоков определяет главную свою эстетическую задачу: рассказать в произведении о том, как оно создается» [З. С. 59]. Роман «Отчаяние», написанный в 1934 г., представляет собой «самый лучший пример автореференциальности, или метанарративности, а также соединения двух планов построения романа, что станет впоследствии одной из основных характеристик второго, американского, периода его творческого пути («Подлинная жизнь Себастьяна Найта» (1941), «Бледный огонь» (1962), «Лолита» (1965) и др.)» [З. С. 59-60].

Анализируя зеркальную структуру романа Набокова, Жаккар вскрывает механизм порождения смысла как на уровне повествования о реально произошедшем событии, так и на уровне повествования о самом повествовании. Исследователь солидаризуется с мнением героя романа (а по сути с писательским кредо самого Набокова), что «всякое произведение искусства обман» и что «вымысел искусства правдивее жизненной правды».

Набоков гармонично сочетает оба этих плана художественного произведения. Напротив, многие из его современников-авангардистов стремились ликвидировать уровень первого означаемого, выдвигая на передний план автореференциальность искусства и, следовательно, его свободу от каких-либо обязательств к внешнему миру.

В русском литературоведении игре на противопоставлении «реального / условного» посвящена статья Ю.М. Лотмана «Текст в тексте» (1981). «Текст в тексте», как пишет Ю.М. Лотман – это

«специфическое риторическое построение, при котором различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста. Переключение из одной системы семиотического осознания текста в другую на каком-то внутреннем структурном рубеже составляет в этом случае основу генерирования смысла. Такое построение, прежде всего, обостряет момент игры в тексте: с позиции другого способа кодирования, текст приобретает черты повышенной условности, подчеркивается его игровой характер – иронический, пародийный, театрализованный смысл и т. д.» [5. С. 431]. К сожалению, эта статья Лотмана отсутствует в библиографии Ж.-Ф. Жаккара.

Вопрос о сущности эстетического перелома начала XX века рассматривается во второй части книги. Утопические мечтания авангардистов с трудом находили воплощение в художественной форме, препятствием становилась и идеологическая позиция власти. В авангарде нового художественного видения мира стояли футуристы и формалисты.

Футуристы выдвинули требование «самоценного» или «самовитого» слова, «слова как такового», свободного от логики и рамок значения. Разрушение словесных связей рождает заумь. В «Декларации слова как такового» (1913) А. Крученых провозглашает: «Новая словесная форма создает новое содержание, а не наоборот» и «Давая новые слова, я приношу новое содержание, где все стало скользить» [3. С. 98]. По мысли Ж.-Ф. Жаккара, в поэзии модерна «слово полностью отказывается от горизонтальных связей, обусловленных смыслом, которые управляют обыденным языком и проникли во все формы искусства; слово имеет свою собственную ценность, которую оно несет “в себе” и “для себя”» [3. С. 108].

Провокативное искусство футуристов получило теоретическое и эстетическое осмысление в ранних статьях В. Шкловского «Воскрешение слова» (1914) и «Искусство как прием» (1917), самых известных манифестах формализма. Русский формализм поставил вопрос о «литературности» и рассматривал литературу как «динамическую речевую конструкцию».

Идеи формалистов плодотворно сказались на литературоведческих трудах самого автора данной книги. Жаккар активно использует терминологический ряд русских формалистов (остранение, обнажение приема, автоматизация, литературный быт,

конструкция, затрудненная форма, фабула, сюжет, литературная эволюция и др.) с опорой на труды В.Б. Шкловского, Ю.Н. Тынянова, Б.М. Эйхенбаума и Р.О. Якобсона.

Мощь воскрешенного слова, стоящего у истоков нового языка, способного объединить людей, нашла наиболее полное выражение в поэзии крайней зауми В. Хлебникова и А. Туфанова: «единственной поэзии, способной *за-ум-но* выразить непостижимый умом мир в его вечном *становлении*» [З. С. 111]. «Становляне» (неологизм Туфанова, созданный им в противовес «будетлянам») двигаются к фонической поэзии, к поэзии без слов, без образности (процесс, родственная абстракционизму в живописи).

Становление, текучесть символизировали отказ от статичного мира и восприятие жизни в ее бесконечном потоке и вечном возрождении. Здесь без сомнения сказывается влияние мира идей Анри Бергсона, рассматривающего жизнь как вечный и непрерывный поток.

Язык «заумников» сопоставляется с текучестью мира, в котором предметы, в силу этой текучести, не имеют четкого очертания. Следовательно, чтобы охватить постоянно меняющийся мир, писать следует также «текуче». В метафоре *текучести*, в образе текущей воды, авангардисты «видели не только метафору бесконечно обновляемого времени, в точности соответствующую определенному утопическому видению, характерному для авангарда, но еще и метафору вселенского языка, способного выразить «все разом» [З. С. 17].

Текучесть мира носит идиллический характер. Но в ней таилась (до поры) скрытая опасность, связанная с размыванием реального мира. В тридцатые годы вода видится уже не текущей, а стоячей, она стала «твердой, как камень» (Л. Липавский), «не течет великая река» пишет А. Ахматова в начале «Реквиема»: «Застывшая река – емкая метафора для судьбы, постигшей в тридцатые годы поэтическое слово и самих поэтов. Это также точная метафора крушения надежд авангарда, который верил, что им обретено текучее слово, способное выразить мир во всей его полноте. Этот образ прекрасно отражает и положение человека абсурда в мире, в котором отказ от времени приводит не к долгожданному бессмертию, а к одной-единственной вечности – к Смерти» [З. С. 17].

Трагическое чувство абсурдности мира связано с сомнением в истинности связей, создаваемых мышлением человека, и в то же время пониманием невозможности помыслить время и мир иным способом.

Философии и эстетики абсурда у Даниила Хармса посвящена третья часть книги. Творчество Хармса, оказавшееся созвучным переломному времени, стало одним из ярких открытий конца 80-х годов XX века. Ж.-Ф. Жаккар – автор первой монографии о художественном мире Хармса. Она является отправной точкой для всех хармсоведов, как правило, вступающим в полемику со своим предшественником. Это свидетельствует о плодотворности взгляда швейцарского исследователя на поэтическую систему Хармса.

Ж.-Ф. Жаккар рассматривает творчество Хармса в контексте русского авангарда (В. Хлебников, А. Крученых, А. Туфанов, К. Малевич, М. Матюшин, И. Терентьев) и раскрывает связь поэта с группой «чинарей» (А. Введенский, Н. Олейников, Я. Друскин, Л. Липавский) и ОБЕРИУ. Исследователь справедливо отмечает большее влияние интеллектуального и артистического окружения поэта на философские взгляды и творческие принципы Хармса.

В частности, Хармс находился под влиянием теории «расширенного смотрения» М. Матюшина, стремившегося охватить целостность текучей реальности. Преодолеть фрагментарность видения мира, познать и выразить мир во всей его полноте Хармс пытается с помощью «цисфинитной логики» основанной на ноле. Окружность, круг и сфера воспринимаются им как символы совершенства. По сути, «ноль был средством вернуться к восприятию мира, предшествовавшему разъятию его разумом, что давало всякой художественной форме возможность полной автономии, она могла даже стать выражением мира во всей его полноте» [3. С. 170]. В поэтическом дискурсе Хармса укрощение бесконечности связано с понятием «столкновение словесных смыслов», активизирующим семантический потенциал слова через нарушение его ассоциативных и логических связей. Извлеченное из своего нормативного употребления, слово вводится в новый контекст, порождающий неожиданные смыслы.

Однако на этом пути Хармс, впрочем как и другие авангардисты (супрематизм Малевича и заумь Крученых), потерпел поражение. «Ноль», с которым Хармс связывал столько надежд, «оказался

ужасающей пустотой»: «Смерть – единственная существующая бесконечность и, значит, единственный “Cisfinitum”». Эксперимент с «Цисфинитумом» привел лишь к дроблению времени на части (каждая из которых станет маленькой смертью) и разрушению его линейности» [З. С. 221]. Такое восприятие времени, как замечает Жаккар, сильно повлияло на повествовательную манеру Хармса, характеризующуюся нарушением (а точнее, уничтожением) причинно-следственных связей.

Этим, вероятно, и обусловлен отход от поэзии и обращение к прозе, к появлению «абсурдного периода» творчества Хармса. Выделяя, вслед за формалистами, в художественном произведении два временных измерения – фабульное время (время, связанное с изложением событий; *erzählte Zeit*) и время повествования (время рассказа об этих событиях; *Erzählzeit*), Жаккар констатирует, что у Хармса повествование переместилось с фабулы на историю самого текста, от повествования к «метаповествованию».

В качестве примера можно напомнить один из самых известных текстов Хармса «Голубая тетрадь №10» (1937), начинающийся словами: «Был один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно...» и заканчивающийся, тем что у человека «ничего не было! Так что не понятно, о ком идет речь. Уж лучше мы о нем не будем больше говорить».

Традиционный зачин «был», предполагающий дальнейшее связное повествование, оборачивается рассказом о том, чего «не было». Однако, как точно подмечает Ж.-Ф. Жаккар, «когда уже кажется, что больше *ничего* нет, мы начинаем замечать то, что остается: а именно – сам текст!» [З. С. 223].

Исследователь справедливо ставит вопрос о сущности абсурда в поэтике Хармса. *Абсурд* – термин многозначный. В своем понимании абсурда Ж.-Ф. Жаккар отталкивается от философии экзистенциализма. В работах А. Камю «Миф о Сизифе» (1942) и «Человек бунтующий» (1951) абсурд рождается из трагической связи человека с миром, непонятного и чуждого для него. У Хармса это чувство разрыва великолепно передано следующей мыслью: «Я мир. А мир не я». Признание абсурдности мира вовсе не означает пассивности человека, напротив, он восстает против бессмысленности своего существования в попытке обрести смысловую ценность себя

как личности и окружающего эту личность мира. Жаккар цитирует статью О. Бурениной «...quia absurdum» (2000), точно подмечающей этот процесс семантизации: «Человек кричит – мир молчит. Иными словами, экзистенциалистское понимание абсурда можно сформулировать следующим образом: абсурд есть попытка семантизирования (криком) десемантизированного – распад, бессмысленность и безумие мира человек пытается собрать, осмыслить и образумить» [3. С. 217].

Специфика абсурда у Хармса связана с проблемой времени: стремление постичь бесконечность приводит к пониманию, что единственно существующей бесконечностью является смерть. Осознание того, что фрагментация мира не приводит к появлению всеобъемлющего смысла, осязаемого в каждой частичке мира, а напротив способствует распылению и разбросу, становится «мучением для поэта» и превратилось в «настоящий экзистенциальный кризис».

В этой связи Ж.-Ф. Жаккар справедливо указывает на близость поэтики Хармса к европейскому театру абсурда, представленному пьесами Э. Ионеско и С. Беккета, что стало предметом отдельного изучения Д.В. Токарева [6].

Интересны материалы, раскрывающие работу Хармса над переводами духовных стихов немецкого поэта и теолога позднего барокко Магнуса Даниэля Омайса. Важен не только сам факт работы Хармса над переводами, сколько проблема взаимоотношения позднего авангарда и барокко. Однако этот вопрос требует дальнейшего исследования.

Открытая автореференциальная игра, как не раз отмечает автор, присуща не только литературе эпохи модерна. В четвертой части он предлагает «перечитать классиков» в поисках метанарративности.

В статье «Наказание без преступления» Жаккар проводит параллели между повестью «Старуха» Хармса и романом Достоевского. Связанная тематически и идейно с «Преступлением и наказанием», повесть Хармса выходит за рамки банального пародирования: «Прежде всего, конечно отказавшись от причинно-следственной связи – “наказание без преступления”, писатель с явным осуждением смотрит на свою эпоху. Но помимо того, он подхватывает, пусть даже порой в форме гротеска, вопросы и размышления Достоевского о вере, смерти, воскресении, чуде,

бессмертии... Не давая ответов, он выявляет то, что движет как им самим, так и героями Достоевского, а именно – метафизическое *сомнение*. Только в нем и таится надежда на утешение, ведь, по словам Хармса: “Сомнение – это уже частица веры”» [3. С. 250].

Яркий пример автореференциальной игры представляет творчество Пушкина. Она отчетливо чувствуется в «Евгении Онегине» и «Домике в Коломне», но при внимательном прочтении ее можно разглядеть и в поэме «Руслан и Людмила». Присущая ей фривольность, по мнению исследователя, иногда приводит в замешательство и взрослого читателя, поэтому он не рекомендует читать поэму детям. Играя с традицией рыцарского романа, Пушкин доводит эротический элемент до семантического предела. Рассказ о поиске героя предмета своего желания соотносится с вожделением рассказчика к его слушательнице.

Размышление литературы о самой себе в полном объеме присутствует в повести «Метель» и в романе «Капитанская дочка». В «Метели» Пушкин «разламывает все шаблоны, свойственные жанру», и вступает в пародийный диалог с балладой Жуковского «Светлана» [3. С. 284]. В «Капитанской дочке» Пушкин сопрягает две сюжетные линии – историческую и романтическую, играя с читательскими ожиданиями и ставя тем самым вопрос о правде и обмане в литературном произведении. Границы правды о Пугачеве как исторической личности и Пугачеве как литературном персонаже не совпадают, что подтверждает «ту абсолютную свободу, на которую имеет право писатель в рамках творческого акта, пределы которого он определяет себе сам» [3. С. 300].

Экспериментальный характер прозы Ж.-Ф. Жаккар выделяет и у Гоголя. Он рассматривает «Петербургские повести» как единый текст, определенным образом автором организованный и порождающий, в силу этой организации, единый смысл, выходящий за пределы каждой отдельно взятой повести. Центральной в цикле является проблема видения, разлада зрительной гармонии, неспособности разглядеть истину за проделками дьявола. Туманный Петербург как нельзя лучше подходит для изображения рассыпающегося мира и распада личности. Оппозицией Петербурга предстает город света – Рим, задающий религиозное измерение в цикле.

В пятой части собраны статьи об авторах (Булгаков, Замятин, Эрдман, Ахматова, Хармс), свободное творчество которых не прекращалось в самые страшные годы советской власти. Авангард, добившийся права на «самовитое» слово в эстетической сфере, позволил также осознать, что автореференциальность и автономность художественного мира позволяют сохранить «свободное слово» в условиях политического террора. Насильственная политика власти по регулированию литературного процесса не дала желаемого результата.

Все статьи, вошедшие в данную книгу, освещают проблему устройства литературы с позиции автореференциального дискурса. Дисциплинированности и четкости мысли Ж.-Ф. Жаккара могли бы позавидовать многие современные филологи. Также необходимо отметить превосходную работу переводчиков, сумевшим сделать язык книги изысканным и в чем-то даже поэтичным. Наблюдения Жаккара над текстами Пушкина, Гоголя, Достоевского, Набокова, Хармса, Эрдмана, Булгакова, Ахматовой и других писателей богаты и убедительны. Сквозь призму литературы швейцарский ученый ненавязчиво показывает специфику русской культуры. Думается, что русскому читателю будет любопытно взглянуть на родную литературу и культуру глазами стороннего наблюдателя.

Библиографический список

1. Unité de russe de l'Université de Genève // Электронный ресурс Интернет: <http://www.unige.ch/lettres/meslo/russe/index.html>.
2. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда / Науч. ред. В.Н. Сажин; пер. с фр. Ф.А. Перовской. СПб.: Академический проект, 1995. 471 с.
3. Жаккар Ж.-Ф. Литература как таковая. От Набокова к Пушкину. Избранные работы о русской словесности. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 408 с.
4. Толстой Л.Н. Письмо П.М. Третьякову (от 11 июня 1890 г.) // Электронный ресурс Интернет: <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/l37/t37-2533.htm>.
5. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. С. 423-436.
6. Токарев Д.В. Курс на худшее: абсурд как категория текста у Д. Хармса и С. Беккета: Монография. М.: НЛЮ, 2002. 336 с.

Сведения об авторе

Лобков Александр Евгеньевич
кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной литературы и
теории межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: alobkow@rambler.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕКСТА⁴

Ю.Н. Зинцова, Н.А. Голубева
Нижний Новгород

Рецензия на монографию: **Текст как социокультурный феномен: Монография / Авт. коллект.: Деркач А.В., Каразия Н.А., Кузнецов В.В., Плисов Е.В., Фёдоров В.В., Хохлова И.Н. / Под общ. ред. И.Н. Хохловой. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГУ им. Витуса Беринга, 2014. 216 с.**

Актуальность рецензируемой монографии [1] определяется особым вниманием современной науки к выделению антропологического фактора, наряду с историческим, территориальным, национальным, политическим факторами, который обуславливает особенности реализации языком своей коммуникативной функции в рамках отдельных социолектов [2. С. 195-196]. В свете антропоцентрического подхода к языку важное значение приобретает ориентированность лингвистических исследований на социум и культуру. Подобный подход способствует описанию закономерностей развития и функционирования языка в социуме, позволяет осмыслить с лингвистической точки зрения аспекты взаимодействия направляющих и определяющих стратегий текстопонимания и смыслообразования ценностей, стереотипных моделей речевого и социального поведения, расширяет представление о соотношении культурных и языковых планов коммуникации [3. С. 3].

В основе механизма освоения языка и культуры лежит принцип взаимопроникновения культур, который может быть реализован в процессе общения людей, непосредственно, или опосредованно через продукты их культурной деятельности, в том числе и тексты. В рецензируемой монографии представлены результаты комплексного анализа функционального потенциала различных типов текстов с целью выявления их социокультурной функции, которая является

⁴ Работа выполнена в рамках реализации государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, проект 1321 «Современный религиозный дискурс: структура и стратегии развития».

продолжением исследований вариативности в европейских и восточных языках в межкультурном аспекте [4].

Одной из задач, которые ставят перед собой авторы первой главы монографии, является изучение функциональных возможностей публицистического текста. Рассмотрение функционального потенциала текстов публицистического характера позволяет выявить инвариантные основы публицистического стиля и вероятные границы его варьирования, раскрыть понятийные характеристики отдельных публицистических произведений, описать коммуникативную структуру и языковые средства, определяющих «региональность» подобных текстов.

Представленные во второй главе исследования носят сопоставительный характер и основываются на текстах разных этнических культур. Так, решение вопроса о разграничении понятий восприятия и понимания текста носителями иной культуры осуществляется с позиции рассмотрения особенностей восприятия японского текста носителями русского языка. Не менее значимым подходом к изучению текстов является рассмотрение языковых произведений с позиций лингвопрагматики, который успешно применяется в рамках раздела. В данном случае автор подвергает анализу тексты, являющиеся продуктами интернет-коммуникации, наиболее подвижные и динамично развивающиеся типы дискурса. Таким образом, обращаясь к проблемам функционального развития языка под влиянием определенных социально-культурных факторов, в рамках монографии затрагивается дискуссионный в современной лингвистике вопрос соотношения текста и дискурса, что позволяет сделать соответствующие выводы о языковом / речевом статусе текста.

В заключительной части монографии подробно исследуются тексты, свойственные отдельным лингвокультурным общностям и социальным группам. При изучении роли английского языка и рассмотрении проблем языковой глобализации авторы концентрируют свое внимание на способах выделения южноафриканского лексического компонента в тексте и особенностях его перевода на русский язык. Взаимосвязь и взаимозависимость языка и культуры очевидна: язык является мощным орудием идеологической пропаганды, культурной политики, социальных изменений. В то же время наличие идеологии модифицирует язык,

провоцирует появление большого количества неологизмов. Зачастую данные процессы осуществляются целенаправленно и предопределяют появление таких понятий, как «чистота языка», «новояз» [5. С. 352].

Объектом исследования стали также тексты, функционирующие в сфере религиозной коммуникации. Тот факт, что язык верующих, или язык церкви, представляет собой относительно автономную подсистему национального языка с характерными языковыми особенностями, это позволяет говорить о выделении церковного (религиозного) социолекта, или религиолекта. Ввиду того, что язык верующих отличается особой сложностью, многоплановостью и многоаспектностью, он нередко становился объектом изучения различных областей научного знания. Данный раздел монографии является обобщением исследований структурно-содержательных и функциональных характеристик религиозных текстов, осуществляемых автором, системный анализ и описание которых вносит существенный вклад в изучение религиозного дискурса [6; 7].

Выполненное, таким образом, в контексте взаимодополняющих современных научных тенденций данное коллективное исследование является актуальным как по своему предмету, так и по междисциплинарным подходам к изучению, по использованию комплексных методов анализа, направленных на изучение механизма текстовой социокультурной феноменологии.

Библиографический список

1. Текст как социокультурный феномен: Монография / Авт. коллект.: Деркач А.В., Каразия Н.А., Кузнецов В.В., Плисов Е.В., Фёдоров В.В., Хохлова И.Н. / Под общ. ред. И.Н. Хохловой. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГУ им. Витуса Беринга, 2014. 216 с.

2. Прокопьева Н.Н. Языковая вариативность и проблемы межкультурной коммуникации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2015. Вып. 30. С. 195-200.

3. Масленникова Е.М. Фреймовое представление семантики поэтического текста (на материале переводов сонетов В. Шекспира на русский язык). М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. 81 с.

4. Вариативность в европейских и восточных языках: межкультурный аспект: Монография / Авт. коллект.: Деркач А.В., Каразия

Н.А., Плисов Е.В., Фёдоров В.В., Хохлова И.Н. / Под ред. И.Н. Хохловой. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГУ им. Витуса Беринга, 2013. 172 с.

5. Зинцова Ю.Н., Орлова О.А. Смысловая структура и языковая репрезентация концепта «ГДР» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4 (2). С. 351-354.

6. Плисов Е.В. Литургический текст в процессе глобализации: интегративные процессы в немецкой богослужебной практике // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2011. Вып. 15. С. 76-85.

7. Плисов Е.В., Зинцова Ю.Н. Язык и религия в проблемном поле германистики: научные мероприятия и направления поиска // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2013. Вып. 23. С. 164-168.

Сведения об авторах

Зинцова Юлия Николаевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: zintsova@mail.ru

Голубева Надежда Александровна
доктор филологических наук,
профессор кафедры теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: nagol@mail.ru

ХРОНИКА

XIII конгресс Международного союза германистов «Германистика между традициями и инновациями»

Важным событием в научной жизни германистов всего мира стал XIII конгресс Международного союза германистов «Германистика между традициями и инновациями» (“Germanistik zwischen Tradition und Innovation”), который проходил с 23 по 30 августа 2015 года в Шанхае на базе факультета немецкого языка университета Тунцзи – одного из авторитетнейших центров по изучению немецкого языка, литературы и культуры в Китае.

Работа конгресса осуществлялась при поддержке фонда им. А. Гумбольдта, Немецкой службы академических обменов, Института Гёте, Банка Китая, Издательства иностранной литературы (КНР), фонда Фрица Тиссена и фонда Ганса Зайделя.

На торжественном открытии конгресса с приветственным словом к его участникам обратились президент Международного союза германистов Чжу Цзиньхуа, ректор университета Тунцзи Пэй Ган, президент фонда им. Гумбольдта Г. Шварц, президент ДААД М. Винтермантель, представитель института Гёте Б. Гросс, а также консулы Германии, Австрии, Швейцарии и Люксембурга в Шанхае. Церемонию открытия конгресса вел партийный секретарь института иностранных языков Ли Лигуи, покоровший всех прекрасным владением немецкого языка и навыками последовательного перевода.

Для участия в работе конгресса в Шанхае собрались свыше 1200 ведущих специалистов из 69 стран мира, в том числе около 300 из Германии, 142 из Китая, 52 из США, 51 из Польши, 48 из Кореи, 46 из Японии, 42 из Италии, 40 из Турции, 28 из России, 26 из Швейцарии, 24 из Австрии. Для сравнения: в работе I конгресса Международного союза германистов, состоявшегося в Риме в 1955 г., приняли участие всего 92 германиста из 24 стран и было заслушано только 35 докладов в двух секциях. Международный союз германистов был создан в 1951 г. во Флоренции (Италия) с целью развитию германистики во всём мире. Международные конгрессы германистов проводятся каждые 5 лет.

На Шанхайском конгрессе в рамках 51 секции работали научные направления по языкознанию, литературоведению, культуроведению и методике преподавания немецкого языка и литературы. Было проведено 6 подиумных дискуссий и 157 секционных заседаний, на которых был заслушан 1061 доклад.

В ходе работы конгресса языковеды и литературоведы со всего мира обсуждали широкий круг актуальных теоретических и практических вопросов изучения и преподавания немецкого языка и литературы. Участники конгресса обсудили роль и место немецкого языка в современном мире, вопросы языковой политики, а также тенденции в развитии немецкого языка и немецкоязычной литературы после 1989 г. Были рассмотрены вопросы теоретической и прикладной германистики, контрастивной и вариативной лингвистики, двуязычной лексикографии. Глубокому анализу были подвергнуты проблемы теории и практики межкультурной коммуникации, функционирования немецкого языка в политическом дискурсе, факты и фикции в литературе и СМИ. Большое внимание было уделено исследованию когнитивных основ иноязычной дидактики и методики, вопросам межкультуральности в науке и в международных межвузовских связях.

Живой интерес вызвали пленарные заседания, проводившиеся в форме подиумных дискуссий с участием как ведущих специалистов, так и многочисленных участников из зала. В общей сложности за время конгресса было проведено шесть подиумных дискуссий. Наиболее интересными, на наш взгляд, были дискуссии, посвященные следующим темам: «Языкознание между традициями и инновациями» и «Насколько традиционно и насколько современно германистическое литературоведение?».

Первой подиумной дискуссией, рассматривавшей традиции и инновации в языкознании, руководил проф. А. Буркхардт, директор института германистики университета им. Отто фон Герике – вуза, с которым НГЛУ им. Н.А. Добролюбова связывают многолетние продуктивные отношения. Участники данной подиумной дискуссии, среди которых были такие ведущие немецкие лингвисты, как директор Института немецкого языка в Маннгейме проф. Л.М. Айхингер, проф. А. Гардт, проф. Й. Килиан и проф. В. Холли, выступили за обеспечение сбалансированности между традициями и инновациями, являющимися двумя полюсами мира германистики. Было отмечено, что традиции, восходящие к наследию таких ученых, как В. Гумбольдт, Я. Гримм, Г. Пауль, К. Бюлер и Ф. де Соссюр, являются не только необходимым условием устойчивого развития науки о языке, но и основой для развития инновационных идей.

Если участники первой подиумной дискуссии выступали за более пристальное внимание к грамматике, лексике, семантике и истории немецкого языка как ядру германистики, то ведущие специалисты второй подиумной дискуссии «Насколько традиционно и насколько современно германистическое литературоведение?» (рук. проф. О. Гутяяр) однозначно

высказались за расширение границ германистики, что, по их мнению, представляется возможным за счет привлечения ее широких междисциплинарных связей. При этом будущее германистики они видят в ее широкой интернационализации.

В работе всемирного форума германистов в Шанхае приняли участие также преподаватели НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. С докладом о способах лексикографирования периферийных культурно-специфических языковых фактов в двуязычном словаре выступил доцент кафедры теории и практики немецкого языка Н.Е. Бажайкин. Доклад доцента кафедры теории и практики немецкого языка и перевода Е.А. Сакулиной был посвящен проблемам интерпретации одного из самых знаменитых и сложных стихотворений Эльзы Ласкер-Шюлер «Старый тибетский ковер». Данные доклады вызвали живой отклик и интерес аудитории.

В рамках «Дня Германии» состоялось вручение премии братьев Гримм, учрежденной Немецкой службой академических обменов, бразильскому литературоведу П.А. Сёте из федерального университета штата Парана (г. Куритиба, Бразилия). Премия, дотируемая 10 тысячами евро, и сертификат на прохождение четырехнедельной научной стажировки в Германии были вручены известному ученому за выдающиеся заслуги в области германистики и активное продвижение немецкого языка и культуры в Бразилии. Поощрительную премию братьев Гримм за достижения в области германистики и преподавании немецкого языка получил Дж. М. Икобва из университета г. Найроби (Кения). Данная премия дотируется суммой в 3000 евро и включает также научную стажировку в Германии.

Помимо рабочей программы организаторы всемирного конгресса предложили участникам обширную культурную программу: яркий, незабываемый концерт китайских деятелей культуры с участием студенческой самодеятельности университета Тунцзи, прием, организованный генеральным консулом ФРГ в Шанхае, концерт классической музыки в театре *Shanghai Grand Theatre*, авторские чтения с участием таких писателей, как Фолькер Браун, Кристоф Рансмайр, Мартин Мозебах, культурные вечера Австрии, Люксембурга и Швейцарии, а также экскурсии по Шанхаю и его окрестностям.

На заключительном пленарном заседании XIII конгресса Международного союза германистов были подведены итоги работы всемирного форума, избран президиум и новый президент Международного союза германистов. Им стала проф. Л. Аутери (согласно уставу союза президент переизбирается каждые пять лет). Местом следующего всемирного конгресса германистов, который состоится в 2020 г., был избран университет города Палермо (Италия).

Одним из особенно приятных впечатлений крупномасштабного события, состоявшегося в Шанхае, была четкая организация всей работы конгресса и секций, неукоснительное соблюдение всех пунктов программы и регламента, что позволило каждому посетить все интересующие его доклады и мероприятия. Успеху форума, несомненно, способствовала безукоризненная работа многочисленного отряда волонтеров – студентов университета Тунцзи.

Н.Е. Бажайкин

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 31

Редакторы: А.О. Кузнецова
Д.В. Носикова
А.С. Паршаков

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 25.09.2015

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 15,43

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ

Типография ФГБОУ ВПО «НГЛУ»
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а